

*По заросшим тропинкам
нашей истории*

часть III

2021

6+

Сергей Ковалев

**По заросшим тропинкам
нашей истории. Часть 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ковалев С. Б.

По заросшим тропинкам нашей истории. Часть 3 /
С. Б. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Прочитав эту книгу, вы узнаете:– кем был Михаил Борисович Шеин и почему он герой;– короля какой страны русская императрица Екатерина II называла «толстым Гу»;– какого военачальника русские солдаты окрестили «пирогом с грибами» и зачем он возил своего коня в повозке; – почему Финляндия празднует день своего военно-морского флота 9 июля;– кто такой прапорщик Александр Щёголев и почему его имя одно время знала вся Россия;– почему Крымскую войну 1853-1856 годов часто именуют в Европе Восточной и много ли жило русских на этом полуострове к её началу;– какое отношение к данной войне имеет рукав-реглан, кофта-кардиган и маска-балаклава;– в связи с какими событиями появилась поговорка «гладко было на бумаге, да забыли про овраги» и кто её автор;– что случилось с крейсером «Варяг» после его героического боя и кто придумал текст знаменитой песни о нём, а также почему японский генерал, взявший в 1904 году русскую крепость Порт-Артур, покончил с собой.

Содержание

Поражения героев	5
Вступление	5
Оборона Смоленска (1609–1611 гг.)	8
Второе Роченсальмское сражение (1790 г.), его герои и антигерой	20
Крымская война (1853–1856 гг.)	38
Оборона Одессы (22 апреля 1854 г.)	40
Оборона Петропавловска (18–28 августа[265] 1854 г.)	46
Оборона Севастополя	61
Сражение на реке Альма (20 сентября 1854 года)	63
Укрепление Севастополя. Первая бомбардировка (17 октября 1854 г.)	81
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Сергей Ковалев

По заросшим тропинкам нашей истории. Часть 3

Поражения героев

Русских легче убить, чем победить.
Прусский король Фридрих II Великий после сражения с русской армией при Цорндорфе¹ 14 (25) августа 1758 г.²

Вступление

35-й президент Соединённых Штатов Америки Джон Кеннеди как-то сказал: «Есть старая поговорка: у победы сотни отцов, а поражение – сирота»³. Эти слова точно отражают действительность в нашей (да и не только в нашей) стране: победы впечатываются в историческую память народа золотыми буквами, а о неудачах принято говорить нечасто и мельком. Более того, иногда очевидные поражения удивительной игрой воображения превращаются в победы. В России самым ярким примером такого рода является, пожалуй, Бородинская битва, проигранная русским генералом⁴ Михаилом Илларионовичем Кутузовым Наполеону Бонапарту.

Проигранная? Ну, да. Ведь если мы победили, то почему поле боя осталось за французами? Почему в результате Наполеон пошёл не назад, на Смоленск и далее вон из России, а вперёд, заняв Москву? Почему потери защищавшейся стороны (русских) оказались выше, чем нападавшей, хотя по законам боя атакующие практически всегда несут больший урон? Почему после этой битвы все резервы нашей армии (всё «до последнего резерва»⁵, по словам Кутузова) оказались исчерпанными, – в связи с чем он, собственно, и не решился дать второе сражение, которое сразу же после окончания боевых действий планировал на утро следующего дня⁶, – а гвардия Наполеона, то есть его лучшие войска, даже не приняла в нём участие? Неудобных вопросов, связанных с этой битвой, много, но они не умаляют главного: невероятной храбрости, стойкости и мужества русских солдат и офицеров, заставивших Наполеона потом признать: «Бородинское сражение было самое прекрасное и самое грозное, /.../ французы показали себя достойными победы, а русские заслужили быть непобедимыми»⁷. Ну, насчёт «грозного» я с великим французским военачальником согласился бы, а вот насчёт «прекрасного»... Посудите сами.

---

¹ Ныне – польская деревня Сарбиново, у границы Польши с Германией (см. Википедию, статью «Sarbinowo, Gmina Dębno» / на английском языке/), примерно в 500 километрах к западу от Варшавы.

² «It's easier to kill the Russians than to win over them», цит. по: Википедия, статья «Battle of Zorndorf» (на английском языке).

³ Цит. по: Википедия, статья «Bay of Pigs Invasion» (на английском языке).

⁴ Фельдмаршальское звание Михаил Илларионович получил уже после Бородинского сражения (см. Н.А. Троицкий «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты», М., издательство «Центрполиграф», 2002, стр. 209).

⁵ Цит. по: М.И. Кутузов Сборник документов, М., Военное издательство, 1954, том 4, часть I, стр. 243.

⁶ Н.А. Троицкий «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты», М., издательство «Центрполиграф», 2002, стр. 191.

⁷ Цит. по: «Извлечение из записок генерала Пелё о Русской войне 1812 года», Чтения императорского общества истории древностей, 1872, часть I, стр. 1.

Канадский журналист и военный историк Гуинн Дайер⁸ очень образно описал эту «красоту», заметив, что потери сторон были такими, как если бы на поле боя «в течение восьми часов каждые пять минут падали полностью заполненные [пассажирские самолёты ‘Боинг’-]747⁹, и никто бы не остался в живых»¹⁰. Так что понятие о прекрасном было у Наполеона своеобразное. Недаром говорил герой одного американского телесериала: «Если убьёшь одного человека – ты преступник. Убьёшь тысячи – ты герой»¹¹. Как бы то ни было, потерпев поражение, русская армия благодаря своему героизму избежала разгрома, и именно поэтому все мы *настолько* чтим тот бой, что даже превратили его в своей памяти в победу. (Свою роль в этом сыграли, конечно же, и многочисленные, как я их называю, «рычащие патриоты», десятилетиями настойчиво укладывавшие события 1812 года в рамки однобокого приключенческого романа. Но мой рассказ не об этом.)

Будет, конечно же, неправильно утверждать, что наши предки сражались так всегда и везде.

В 1517 году император Священной Римской империи Максимилиан I отправляет в Москву к великому князю Всея Руси Василию III своего посла Сигизмунда Герберштейна, который через 32 года опубликует свои «Записки о Московитских делах»¹² – первое иностранное сочинение, специально посвящённое нашей стране¹³. Вот что он напишет о том, как бились в те времена русские воины: «При первом натиске они очень смело нападают на неприятеля; но напор их непродолжителен, как будто они хотят сказать: ‘Бегите или мы побежим сами’. /.../ Намереваясь дать сражение, они полагаются более на многочисленность сил, с которыми могут напасть на неприятеля, нежели на мужество воинов и на хорошее устройство войска; сражаются счастливее издали, чем вблизи, и потому преимущественно стараются обойти неприятеля и напасть на него с тылу»¹⁴.

Ему вторит английский мореплаватель и дипломат Ричард Ченслер, побывавший при дворе царя Ивана IV Грозного в 1553 и 1555 годах¹⁵: «На поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой»¹⁶.

Ещё более выпукло выражается в своих записках шведский дипломат Пётр Петрей, отметивший в 1615 году¹⁷: «Завидя неприятеля издали, они поднимают сильный крик и вой, точно делают важное для них дело, думая таким образом обратить неприятеля в бегство, запугать его и проглотить живьём. Потому что от природы они не так чтобы очень храбры и неустрашимы, так и думают одолеть неприятеля своим страшным криком и воем, и стремительным нападением. Если же это не удастся и /.../ неприятель идёт им навстречу, наступает на горло, храбрость у них и проходит, [но] когда войска у них слишком много и они совершенно уверены в победе, тогда нападают на врага с бешенством, точно полоумные. Проиграв битву и обратившись в бегство, уцелевшие едут в разные стороны, охают, плачут, бросают оружие и всё, что ни есть с ними /.../. Они никогда не оглядываются назад, чтобы отступить и занять место для вторичного боя с неприятелем, а думают только, как бы уплести ноги и спастись бегством /.../.

---

⁸ См. Википедию, статью «Gwynne Dyer» (на английском языке).

⁹ Первый в мире дальнемагистральный двухпалубный широкофюзеляжный самолёт вместимостью до 800 пассажиров.

¹⁰ Цит. по: Википедия, статья «Battle of Borodino» (на английском языке).

¹¹ Цит. по: Вики-цитатник, статья «Декстер»; см. также Википедию, статью «Dexter Morgan» (на английском языке).

¹² См. Википедию, статью «Записки о Московии».

¹³ «Россия XVI века. Воспоминания иностранцев», Смоленск, издательство «Русич», 2003, стр. 5.

¹⁴ Op. cit., стр. 208–210.

¹⁵ См. Википедию, статью «Ченслер, Ричард».

¹⁶ «Россия XVI века. Воспоминания иностранцев», Смоленск, издательство «Русич», 2003, стр. 447.

¹⁷ См. Википедию, статью «Петрей де Ерлезунда, Пётр».

Заметив, что им нельзя спастись /.../, русские бросаются прямо с лошади, припадают лицом к земле и со слезами на глазах очень униженно просят помилования и пощады себе»¹⁸.

Но вот какой пророческий вывод делает тот же Ченслер, отмечая, в частности, исключительную выносливость и неприхотливость нашего воина: «/.../ нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более чем на ярд¹⁹. /.../ Много бы нашлось среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле боя хотя бы только месяц? Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми /.../. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн? Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убеждён, что /.../ самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним /.../»²⁰.

Примерно через полтора века, когда Россия одержит решающую, как тогда говорили, викторию над шведами под Полтавой, его пророчество начнёт сбываться, и впоследствии множество «христианских государей» испытают на себе силу русского оружия...

Но я собираюсь говорить не о наших победах.

Есть прекрасная русская поговорка: «На ошибках учатся». Этим принципом руководствовались наиболее мудрые руководители нашей страны, а также многие её полководцы. Пётр Великий назвал Нарву матерью Полтавы, Бурхард Миних, идя на войну с турками, знал и не повторил промахов, приведших к катастрофе во время петровского Прутского похода, и таких примеров много.

Так что я расскажу про поражения русской армии – поражения, которые я называю геройскими. Из моего повествования вы увидите, что эти на первый взгляд горькие страницы нашей истории, во-первых, стали в ряде случаев для нас поучительными уроками а, во-вторых, – и это самое важное – показали, что русский солдат довольно быстро научился сражаться так, что вызывал восхищение, недоумение а зачастую и суеверный страх даже со стороны своих победителей. И потом *веками* бился в прямом смысле слова до последней капли крови не только под командованием своих героев-командиров, но и тогда, когда оказывался брошенным на произвол судьбы военачальниками-бездарями. И ещё. По прочтении моего эссе станет ясно, что фраза «Русские не сдаются» возникла задолго до того, как большевики-коммунисты, а за ними и современные нервные любители Родины стали произносить её словно заклинание при каждом удобном, а чаще неудобном случае.

И начну я с века XVII-го.

---

¹⁸ П. Петрей «История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведённых там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Пётр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года» в книге «О начале войн и смут в Московии», М., Фонд Сергея Дубова, «РИТА-Принт», 1997, стр. 411–412.

¹⁹ То есть где-то на метр (ярд равен примерно 91 сантиметру).

²⁰ «Россия XVI века. Воспоминания иностранцев», Смоленск, издательство «Русич», 2003, стр. 447.

Оборона Смоленска (1609–1611 гг.)

Существует множество свидетельств того, что русские издавна значительно лучше обороняли свои крепости-города, чем бились в поле. Тот же Пётр Петрей пишет: «Хоть москвитяне не особенно храбры и неустрашимы в [открытом] сражении /.../, однако ж они дерзки, хитры, отважны, если осадят их в обозе, в укреплении или в кремле, и прежде испытают всякую нужду, нежели сдадутся на милость неприятелю /.../. У них не легко взять крепость ни пушками, ни огненными ядрами, ни другим употребляемым для того оружием, если только у них есть войско, пища и питьё для необходимого содержания /.../»²¹.

Но даже на фоне этих слов совершенно удивительной – и трагической – предстаёт оборона Смоленска в тяжёлые времена Смуты от войска короля Речи Посполитой Сигизмунда III, которую возглавлял воевода Михаил Борисович Шеин.

А моём эссе об этом страшном и во многом позорном периоде нашей истории я попытался рассказать, насколько разложилось тогда русское государство, до какой низости доходили руководители страны, сколько в ней появилось откровенных негодяев да всяких самозванцев и как страдали от этого простые люди, которые, собственно, и покончили в конце концов со всем этим безобразием. И ещё как пытались воспользоваться в своих интересах беспределом в России наши соседи и прежде всего её извечный соперник – объединённое польско-литовское государство Речь Посполитая. На Руси это называлось «половить рыбку в мутной воде».

Сигизмунд III поначалу, кстати, относился к интригам своих польских подданных в нашей стране довольно осторожно и сам старался напрямую в них не ввязываться. Но вот 28 февраля 1609 года Россия, изнемогавшая от бесчинств самозванцев, поляков и запорожских казаков (их тогда называли черкасами²²), заключает со шведским королём Карлом IX так называемый Выборгский трактат. Вообще-то главным в нём было то, что в обмен на военную помощь в борьбе со Смутой царствовавший тогда Василий Шуйский отдавал Швеции часть русских земель на севере страны, но в его тексте – причём в первой же статье – стороны обязались также не подписывать без согласия друг друга мирных договоров с Речью Посполитой²³. По сути, это означало создание антипольского военного союза, потому что перемирие²⁴ между Россией и Речью Посполитой, завершившее в своё время Ливонскую войну, формально истекло семнадцать лет назад²⁵, а Карл IX с поляками и вовсе в тот момент уже девять лет как воевал.

Надо сказать, что шведский король и Сигизмунд III приходились друг другу близкими родственниками и враждовали по-чёрному. Родителями Сигизмунда был шведский король Юхан III и польская принцесса-католичка²⁶, мама оказывала на сына сильнейшее влияние, и тот вырос ярким католиком. Взойдя в возрасте 21 года на польский престол, он через семь лет становится ещё и королём Швеции²⁷, но его воинствующие католические убеждения катего-

---

²¹ П. Петрей «История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведённых там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Пётр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года» в книге «О начале войн и смут в Московии», М., Фонд Сергея Дубова, «РИТА-Принт», 1997, стр. 412.

²² См. Википедию, статью «Черкасы».

²³ См. В.В. Похлёбкин «Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах», М., издательство «Международные отношения», 1995, раздел «Отношения между Шведским государством (Свициод, Свеарике, Свейская земля, Свицкое королевство, Шведская корона, Швеция) и Русским государством (Новгородской республикой, Московским великим княжеством, Московским царством, Российской империей) в XIII–XIX вв. (1142–1874)».

²⁴ А. Поссевино «Исторические сочинения о России XVI в.», М., МГУ, 1983, стр. 180.

²⁵ См. Википедию, статью «Ям-Запольский мир».

²⁶ См. Википедию, статью «Катерина Ягеллонка».

²⁷ См. Википедию, статью «Сигизмунд III».

рически не нравятся местным аристократам-лютеранам, и в конце концов на шведский трон садится его дядя герцог Сёдерманландский, который и воцаряется под именем Карла IX. А обиженный Сигизмунд провоцирует со своим северным соседом войну, начавшуюся в 1600 году²⁸.

Король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза (1566–1632)

Так что польский король, узнав о Выборгском трактате, получает удобный повод начать против Шуйского прямые военные действия – тем более что русская государственность находится на грани развала, а Москва с трудом держится против очередного самозванца Лжедмитрия II, который с поляками, литовцами и черкасами стоит лагерем недалеко от города в селе Тушино (за что и был прозван в народе «тушинским вором»). Есть у Сигизмунда и ещё одна причина захватить нашу столицу: ряд влиятельных русских бояр, недовольных Шуйским, посылают к королю гонцов, которые тайно ему сообщают, что готовы своего царя свергнуть и на его место посадить сына Сигизмунда 14-летнего королевича Владислава²⁹. Только король втихаря рассчитывает сесть на русский престол сам.

И вот 2 октября 1609 года³⁰ он лично появляется под стенами Смоленска³¹. В его распоряжении не менее 8.000³² (по другим данным – 12,5 тысяч³³) человек – собственные подданные (поляки, литовцы и венгры), а также иностранные наёмники – немцы, шотландцы, французы и т. д.

---

²⁸ См. Википедию, статьи «Польско-шведская война (1600–1611)» и «Polish-Swedish War (1600-11)» (на английском языке).

²⁹ «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 347.

³⁰ Здесь и далее даты приводятся по новому стилю.

³¹ «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 355.

³² Op. cit., стр. 356.

³³ См. Википедию, статью «Осада Смоленска (1609–1611)».

Следует сказать, что для защитников города и его воеводы Шеина всё это неожиданно не было. Михаил Борисович был военачальником опытным и к тому времени уже как минимум одиннадцать лет находился на военной службе. Год его рождения неизвестен, но мы знаем, что его отец во время Ливонской войны возглавлял в 1579 году героическую оборону крепости Сокол³⁴ (недалеко от нынешней белорусской деревни Соколище в Витебской области³⁵) от войск Стефана Батория. Врагу удалось захватить её, только перебив практически всех защитников. (Я упоминаю об этом в первой части своей книги, в эссе «Иван IV и его войны».) Погиб и воевода Борис Шеин. Его же сын в 1598 году, то есть в возрасте не менее 19 лет, принимает участие в походе Бориса Годунова против крымского хана, служа у царя рындой, то есть оруженосцем, и отвечая за «второй саадак», то есть за запасной лук и колчан со стрелами³⁶. В 1604 году он назначается воеводой в Мценск – крепость в Тульской земле, а на следующий год получает настоящее боевое крещение в сражении с войском Лжедмитрия Первого при селе Добрыничи³⁷, закончившегося поражением самозванца³⁸. Сражался Михаил Шеин в этом бою храбро, спас от смерти главного воеводу Фёдора Мстиславского (через шесть лет тот по иронии судьбы возглавит недоброй памяти семибоярщину³⁹) и за это удостоился чести привезти Борису Годунову победное известие, за что получил от царя чин окольничего⁴⁰ – второго по важности придворного звания после боярина⁴¹.

Почти сразу же следует новое назначение – воеводой в Новгород-Северский. Эта крепость стояла на западной границе нашего государства, и Шеин немедленно оказывается в водовороте бурных политических событий. В 1605 году царь внезапно умирает, самозванец начинает быстро набирать силу, и бояре один за другим «целуют ему крест», то есть клянутся в верности. Но Михаил Борисович признавать Лжедмитрия I не спешит и делает это одним из последних, за что тот был на него «сердит»⁴². Здесь впервые проявляется принципиальный характер этого твёрдого человека, отличавшегося верностью своей присяге, и это качество он продемонстрирует ещё не раз.

В отличие от многих русских военачальников того времени, Шеин имел прекрасную разведку, так что о предстоящем приходе Сигизмунда III он знал заранее и хорошо к нему подготовился. Справедливости ради следует сказать, что при Борисе Годунове Смоленск стал одной из самых грозных крепостей России. Строительством руководил русский зодчий Фёдор Савельевич Конь – автор укреплений Белого города Москвы (сегодня в центре Смоленска ему стоит памятник)⁴³. Работы начались ещё при предшественнике Бориса царе Фёдоре Иоанновиче и продолжались семь лет, с 1595 по 1602 год⁴⁴. В результате город оказался окружённым мощной каменной стеной общей протяжённостью около 6,5 километров (только в Константинополе она была длиннее⁴⁵!), толщиной порядка 5 метров⁴⁶ и высотой, местами доходящей до четырнадцати⁴⁷ (по другим данным – до девятнадцати⁴⁸) метров. Современники утверждали,

³⁴ См. Википедию, статью «Осада крепости Сокол».

³⁵ См. Википедию, статью «Сокол (крепость)».

³⁶ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 181.

³⁷ Ныне – село Добрунь в Брянской области (см. Википедию, статью «Добрунь /Суземский район/»).

³⁸ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 181–183.

³⁹ См. Википедию, статью «Мстиславский, Фёдор Иванович».

⁴⁰ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 183.

⁴¹ См. Википедию, статью «Окольничий».

⁴² Цит. по: В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 184.

⁴³ См. Википедию, статью «Конь, Фёдор Савельевич».

⁴⁴ См. Википедию, статью «Смоленская крепость».

⁴⁵ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 193.

⁴⁶ См.: Википедию, статью «Смоленская крепость».

⁴⁷ «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006,

что сверху по стенам могла проехать тройка лошадей⁴⁹. Но это было ещё не всё. Внутри стен были устроены проходы, по которым защитники могли передвигаться от башни к башне (всего таких башен насчитывалось сорок⁵⁰), бой с противником можно было вести из-за стен сразу с трёх уровней – через амбразуры на земле, в которых устанавливалась артиллерия; сквозь такие же амбразуры повыше, примерно на одинаковом расстоянии от земли и от вершины стен, куда можно было подняться по специальным деревянным мосткам, а также затащить туда те же пушки; и сверху, под защитой зубцов. Все орудия стояли под деревянными навесами – чтобы не ржавели от дождя да снега. В дополнение ко всему Фёдор Конь там, где посчитал нужным, обнёс снаружи городские стены валом и рвом, заполнив его водой. А под стенами провёл «слухи» – подземные ходы, при помощи которых защитники могли контролировать, не ведутся ли где подкопы под городские укрепления. На стенах и башнях стояли 170 пушек⁵¹. Так что «объект» в распоряжении Михаила Борисовича был первоклассный.

Но не всё было так прекрасно. Во-первых, приверженцы «тушинского вора» постоянно склоняли смолян перейти на сторону самозванца – и в ряде случаев делали это довольно успешно – а, во-вторых, за пять месяцев до этого Шеин, несмотря на опасность польского нападения, решил, в ответ на отчаянные мольбы осаждённой Лжедмитрием Вторым Москвы, направить ей на помощь чуть ли половину своего гарнизона – около 2.000⁵² (по другим данным – 3 тысяч⁵³) человек. После этого в его распоряжении осталось около 3,5 тысяч бойцов, в том числе около 1.700 стрельцов и 200 пушкарей⁵⁴. А всего в городе – в кремле и вокруг него, то есть в посаде, – проживало тогда 25–40 тысяч человек⁵⁵.

Русский воевода принимает энергичные меры по стягиванию в Смоленск дополнительных сил. Он рассылает по окрестным сёлам да деревням приказы помещикам и крестьянам «садиться в осаду»⁵⁶ и в считанные недели доводит свой гарнизон до 5.400 ратников⁵⁷, значительная часть которых вооружена огнестрельным оружием.

Сигизмунда это не останавливает. Сначала Шеину посылается несколько писем с предложением сдать город, то тот даже не удостоивает противника ответом. Тогда король назначает военный совет. Председательствует на нём главнокомандующий, польный коронный гетман⁵⁸, опытный полководец, почти шестидесятилетний Станіслав Жолкевский⁵⁹. Внешне участники единодушны: нужно немедленно начинать штурм. Один из наёмников, немецкий полковник, вообще презрительно называет смоленские укрепления «зверинцем»⁶⁰, взять который не пред-

стр. 356; считая, что «локоть» (мера длины), о котором говорится у С. Жолкевского, равен 47,4 сантиметра (см. Википедию, статью «Локоть /единица длины/»).

⁴⁸ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 193.

⁴⁹ См. Википедию, статью «Смоленская крепость».

⁵⁰ См.: там же.

⁵¹ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 194.

⁵² *Op. cit.*, стр. 183.

⁵³ См. Википедию, статью «Осада Смоленска (1609–1611)».

⁵⁴ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 189–190.

⁵⁵ *Op. cit.*, стр. 192.

⁵⁶ *Цит. по: op. cit.*, стр. 196.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Эта должность соответствовала заместителю командующего всеми вооружёнными силами Речи Посполитой; польный коронный гетман подчинялся великому гетману, то есть главнокомандующему, который в мирное время обычно находился при королевском дворе в столице, а польный гетман – в поле (отсюда и название), то есть осуществлял непосредственное руководство всеми королевскими армиями; в военное время он исполнял эти обязанности в случае если великий гетман по каким-либо причинам при войске отсутствовал (см. Википедию, статью «Гетман польный коронный»); так и было с Жолкевским под Смоленском.

⁵⁹ См. Википедию, статью «Жолкевский, Станіслав».

⁶⁰ *Цит. по: «Записки Станіслава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 358.*

ставляет, по его мнению, никакого труда. Жолкевский общее решение поддерживает, но с глазу на глаз говорит королю, что без осадной артиллерии всё это – пустая затея, да и вообще такими силами штурм может удасться лишь в случае его неожиданности для неприятеля, а у Шеина было полно времени, чтобы хорошенько к нему подготовиться. Но Сигизмунд III непреклонен: атака.

Штурм начинается в ночь на 4 октября⁶¹. В полной темноте поляки подбираются незамеченными к городским стенам с петардами – специальными подрывными снарядами (это сегодня петарды раскупаются да взрываются по праздникам для веселья, а тогда они были грозным – и опасным – оружием). Цель – подорвать двое ворот и по сигналу трубачей ворваться в проломы. Но всё идёт наперекосяк. Предвидя такое развитие событий, Шеин заблаговременно возводит перед воротами срубы, заполненные землей, так что к самим воротам стало возможным подобраться лишь по проходам между крепостной стеной и этими срубам, причём данные закоулки были настолько узки, что по ним одновременно мог пройти только один всадник, да и то спешившийся⁶². Поляки, согнувшись в три погибели, чтобы их не заметили сквозь нижние амбразуры, всё же добираются до ворот и подрывают петарды. Взрывы проделывают в воротах проломы, но их никто не видит, потому что всё скрыто срубам, да к тому же темно – хоть глаз выколи. Тут же начинается невероятная оружейная стрельба и пальба из пушек, и никакого сигнала к штурму никто не слышит: то ли трубачи перепугались да разбежались, то ли их звуки попросту потонули в громе выстрелов. Так или иначе, внезапность оказывается утраченной, королевская пехота, сосредоточившаяся было у ворот, отступает, а конница и вовсе не двигается с места. Светает.

Король приказывает начать обстрел городских укреплений, но, как и предсказывал Жолкевский, это не даёт никакого эффекта: польские орудия слишком маломощны для смоленских стен. Более того, из-за беспрестанной (и бесполезной) стрельбы вскоре многие из них приходят в негодность, а тут ещё и в войске начинается дезертирство да болезни. Защитники города, кстати говоря, тоже сложа руки не сидят, ведут ответный артиллерийский огонь, да так ловко, что некоторые снаряды долетают до королевского лагеря⁶³. Да и вообще мощь русских орудий оказывается выше, чем польских.

А Шеин издаёт между тем жёсткий приказ: все призванные на оборону города обязаны безотлучно находиться на отведённых им местах, причём с оружием, иначе им «быти казнены смертью»⁶⁴. И надо сказать, что боевой дух смолян был высок. На польские «прелестные письма», то есть на предложения сложить оружие, они отвечают чётким отказом, а когда неприятель приводит к городским стенам пленных русских священников (в том числе и настоятеля одного из монастырей) и те – в который уже раз в нашей истории! – принимают уговоривать защитников города сдаться, то слышат в свой адрес лишь матерную брань («корчемные слова»⁶⁵). Так что приходится нашим служителям Богу – отматерившись в ответ⁶⁶ – убираться несолоно хлебавши.

Между тем к Сигизмунду подтягиваются 30.000 запорожских казаков, и Жолкевский советует ему, окружив Смоленск и взяв его в плотную осаду, самому идти на Москву⁶⁷. Он убеждает короля, что в столице его ждут тайно переметнувшиеся на его сторону бояре, кото-

---

⁶¹ См. Википедию, статью «Осада Смоленска (1609–1611)».

⁶² «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 358.

⁶³ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 189–198.

⁶⁴ Цит. по: там же.

⁶⁵ Ор. cit., стр. 199; «корчемные слова» – употребляемые в корчмѣ, то есть в кабаке; иными словами – кабацкая ругань.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 359.

рые откроют ему ворота, признают власть Речи Посполитой и Шеин получит из Москвы уже «официальный» приказ о сдаче, так что деваться ему будет некуда. Но Сигизмунд III считает свой уход из-под Смоленска отступлением и позором, хотя на дальнейшее пополнение ему надеяться не приходится: наёмники-то подойти готовы, только вот платить им нечем.

Начинается минная война. Польские сапёры под руководством иностранных инженеров приступают к рытью подземных ходов по направлению к городским стенам, чтобы, заложив под них пороховой заряд, подорвать их. Но «слухи», проложенные Фёдором Конём при строительстве оборонительных сооружений Смоленска, из раза в раз помогают всё это обнаружить. Особо удачно действуют защитники города 16 января 1610 года. Точно определив место работ неприятеля, они прорывают от «слуха» навстречу полякам собственный подземный ход, втаскивают туда небольшую пушку, внезапно ломают разделяющую их земляную перемышку, в упор расстреливают противника и, завалив взрывом «место боя», благополучно уходят⁶⁸. 27 января история повторяется, только на этот раз смоляне используют ядро «со смрадом»⁶⁹, то есть начинённое серой и какими-то другими ядовитыми веществами. Прямо химическая атака какая-то! 14 февраля следует очередной подрыв польского подкопа, при этом гибнет руководивший работами французский инженер⁷⁰.

Но зима с весной приносят Шеину и его товарищам не только радости, но и лишения: в городе достаточно ржи, овса, а также оружия, пороха и боеприпасов, но вот дров и сена не хватает, да и вода плохая. Приходится постоянно делать вылазки, чтобы запастись всем этим, а это неизбежные потери в людях. Но качественной питьевой воды всё равно не хватает, и начинаются болезни: зимой ежедневно хоронят по 30–40 человек, а к весне и вовсе по 100–150⁷¹. В массовом порядке умирает скот, в конце концов резко взлетают цены на многие продукты. Плохие вести идут и со стороны Москвы: 3 мая там внезапно умирает один из немногих оставшихся у царя талантливых и победоносных воевод – его 24-летний племянник Михаил Скопин-Шуйский (поговаривают, что он по царскому повелению был отравлен)⁷², на помощь которого так надеялся Шеин. А в конце мая защитники города видят, что в польском лагере появились огромные пушки – осадная артиллерия.

По приказу короля командование к тому времени переходит к 55-летнему воеводе Яну Потоцкому (на следующий год ему будет суждено сложить под стенами Смоленска свою голову)⁷³. Вскоре к его войску присоединяются ещё около пятнадцати тысяч казаков⁷⁴. Бомбардировка города возобновляется с новой силой – и с более сокрушительными результатами. Но Шеин рук не опускает. Сразу же за городскими каменными стенами по его приказу сооружается вторая, земляная, основу которой составляют деревянные срубы. Воевода резко усиливает артиллерийский обстрел позиций противника, причём так, что поляки оказываются вынужденными рыть свои подкопы лишь по ночам. Защитники города выигрывают ещё несколько недель. Они знают, что им на помощь выступила из Москвы большая царская армия, и ждут её как манны небесной.

Но тут приходит страшная весть: 4 июля под деревней Клушино⁷⁵, примерно в 250 километрах к северо-востоку от Смоленска, царские войска терпят сокрушительное поражение от

---

⁶⁸ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 189–199.

⁶⁹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 200.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² См. Википедию, статью «Скопин-Шуйский, Михаил Васильевич».

⁷³ См. Википедию, статью «Потоцкий, Ян (1555–1611)».

⁷⁴ «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 402.

⁷⁵ См. Википедию, статью «Клушино (Смоленская область)»; между прочим, эта деревня – родина Юрия Гагарина (см. там же).

того же гетмана Жолкевского⁷⁶. А 18 июля⁷⁷ огромные ядра польской осадной артиллерии пробивают в городской стене брешь⁷⁸. Шеин знает о катастрофе под Клушино и предлагает переговоры. Он выезжает из города в поле, встречается с польским командованием и заявляет, что готов поступить так, как прикажет ему Москва. Фактически это означает предложение о приостановлении военных действий, но Потоцкий воспринимает это как слабость русского воеводы, на перемирие не соглашается и требует немедленной сдачи. Михаил Борисович возвращается в Смоленск, и через несколько часов начинается штурм. К пролому устремляется немецкая и венгерская пехота, а с другой стороны к стенам бросаются со штурмовыми лестницами запорожцы – это отвлекающий манёвр. Наёмники врываются в пролом, наталкиваются на возведённую Шеиным земляную стену и к полудню откатываются назад (ещё раньше отступают под артиллерийским огнём казаки). Атакующие теряют убитыми около тысячи солдат⁷⁹ – потери по понятию тех времён весьма большие. Тут же возобновляется тяжёлая бомбардировка стен, и пролом значительно увеличивается. Потоцкий решается было на второй штурм, но начинается сильный дождь, и он решает повременить – тем более что король, который в это время болел и лежал в постели, сказал ему, что и предыдущий-то приступ проводить не следовало, поскольку, по его мнению, он был плохо подготовлен⁸⁰. Вновь наступает относительное затишье.

Но 11 августа штурм всё-таки происходит, причём самый мощный по числу участников⁸¹. Его итог, правда, всё тот же. Более того, пехота даже не достигает пролома, казаков ждёт та же участь, а спешенные польские гусары вообще добираются только до рва⁸². Защитники Смоленска ликуют, однако о самом роковом для них известии они ещё не знают: 27 июля царя Василия Шуйского свергают с престола⁸³. А ведь это означает, что новым русским государем должен стать королевич Владислав, сын того самого короля Сигизмунда Третьего, который вот уже почти год терпит под стенами Смоленска неудачу за неудачей. Так что ничего хорошего эта новость Шеину не сулит.

Ухудшается положение и в осаждённом городе. Уже добрые полгода смолян косит неведомая болезнь. Она начинается в ногах и потом распространяется по всему телу. Люди, выбравшиеся из крепости, чрезвычайно слабы и бледны, но поляки с удивлением отмечают, что для них эта болезнь оказывается не заразной⁸⁴. Объясняется же всё просто. Русские источники пишут: «Грехов же ради наших пришла в Смоленск на людей болезнь великая цинга, потому что не было соли в Смоленске, померли многие, а остались немногие люди»⁸⁵. Главным лекарством от цинги является, как известно, еда, богатая витамином С, так что смолянам нужно было есть не соль, а квашеную капусту да клюкву. Увы, никто об этом в те времена не знал (в том числе, естественно, и поляки)...

---

⁷⁶ См. Википедию, статью «Битва при Клушине».

⁷⁷ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 201.

⁷⁸ «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 403.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Op. cit.*, стр. 403–404.

⁸¹ Информация приводится по русским источникам (см., в частности, В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 202, а также Википедию, статью «Осада Смоленска /1609-1611/»), которые, кстати говоря, свидетельствуют о том, что Потоцкий (очевидно, вопреки воле короля?) всё же провёл свой штурм; таким образом, в соответствии с русскими источниками описываемый приступ был третьим; Жолкевский же ни о нём, ни о втором не упоминает вообще.

⁸² В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 202.

⁸³ Р.Г. Скрынников «Василий Шуйский», М., ООО «Издательство АСТ», 2002, стр. 367–368.

⁸⁴ «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 404.

⁸⁵ *Цит. по: op. cit.*, стр. 424.

Вплоть до сентября боевые действия замирают. Сигизмунд III остаётся под Смоленском и ждёт послов от московских бояр, которые должны принести ему весть об их готовности принять царём Владислава. Посольство еле тянется: дороги беспокойны, да и дожди в то сырое лето превратили их в болота. Наконец послы предстают перед королём и передают ему долгожданную новость. Привезли они с собой и грамоту Шеину, в которой ему предлагается прекратить сопротивление и принести присягу на верность польскому королевичу. Наш воевода соглашается, посылает к Сигизмунду своих приближённых и интересуется, когда можно будет «целовать крест». Но король неожиданно отвечает, что Смоленск – дело особое, что он уже больше года здесь воюет, поэтому присягать на верность Шеин со смолянами должен и ему, и его сыну да к тому же не прекратить сопротивление, а сдать. И вообще заявляет, что для защитников города уже и то почётно, что сам государь Речи Посполитой так долго не мог его взять. Это кардинально меняет дело. Вышедшие из крепости жители, уже начавшие было торговать со своими противниками, возвращаются обратно, запирают ворота, и Шеин заявляет, что присягать он готов только в соответствии с инструкциями из Москвы и до получения иных указаний сражаться продолжит. Русские послы, видя правоту воеводы, давить на него не решаются, но король – в бешенстве (хотя всем очевидно, что он не прав). Умудрённый опытом гетман Жолкевский пытается его урезонить, но Сигизмунд упёрся и стоит на своём⁸⁶.

Защитникам города предъявляется ультиматум: либо сдача и присяга и королю, и королевичу, либо разгром и поголовная смерть. Времени им даётся на раздумье три дня. Но вместо ответа смоляне взрывают всю батарею осадных пушек поляков, к которой заранее скрытно прорыли подземный ход⁸⁷.

Штурм опять приходится отложить. Лишь примерно через два месяца король подтягивает к городу новые крупные орудия, и подготовка к приступу активизируется. Сигизмунд III торопится: у него подходят к концу деньги, наёмники без них воевать не будут, а польский сейм выделять новые средства совсем желанием не горит. (В похожей ситуации оказался в декабре 1581 года под Псковом Стефан Баторий, о чём я рассказывал в своём эссе об Иване Грозном.) Атака назначается на начало декабря.

Ей предшествует очередной подкоп. На этот раз неприятелю помогает перебежчик из Смоленска, который участвовал в рытье контрподкопов и взялся прорыть подземный ход так, чтобы он прошёл намного ниже наших «слухов». Надо сказать, что ему это удалось. Осаждающие зарылись так глубоко, что смоляне их работ не слышали. Поляки подошли под стену, набили подземный ход порохом и произвели подрыв. Пороховой заряд был просто гигантским – «несколько десятков центнеров»⁸⁸, – но результат оказался ничтожным: взрыв разметал уже имеющийся пролом, не затронув ни остальные части стены, ни земляной вал⁸⁹. Тем не менее поляки бросаются на приступ, трижды пытаются прорваться сквозь пробитую брешь, вновь упираются в земляной вал, попадают под уничтожающий огонь русских пушек, нацеленных прямо в пролом, и откатываются назад. Один из польских участников той атаки потом напишет: «русские в большом числе защищали вал вышиною в два копья, за валом стояло их несколько рядов, готовых к битве, наконец, [идти вперёд] не позволяли пушки, с трёх сторон направленные к отверстию»⁹⁰.

Потоцкий от дальнейших приступов отказывается: наступает русская зима с её морозами, и осаждающие, хотя и сами немало страдают от холода, всё же знают, что положение в Смоленске несравненно хуже. И они правы. Вторая блокадная зима оказывается для смолян намного

⁸⁶ Op. cit., стр. 405–409.

⁸⁷ В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 205.

⁸⁸ Цит. по: «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 405.

⁸⁹ Op. cit., стр. 404–405.

⁹⁰ Цит. по: В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 205.

тяжелее, чем первая. Практически заканчиваются дрова, люди разбирают все строения, которые только могут, однако всё равно страшно мёрзнут, болеют и умирают. Продолжает свирепствовать цинга. Но измученный гарнизон не сдаётся. В Москву из Смоленска умудряются пробираться гонцы, отчаянно просящие помощи (ведь в своё время Шеин помог столице!). Москвичи горячо сочувствуют им, по городу ходят такие воззвания: «Поревнуем городу Смоленску, /.../ в нём наша же братия, православные христиане, сидят и великую скорбь, и тесноту терпят! Сами знаете, с какого времени сидят. Если бы таких крепкостоятельных городов в российском государстве хоть немного было, неповадно было бы входить в землю нашу врагам»⁹¹. Но боярам, запершимся – вместе с поляками! – в Кремле, судьба Смоленска, как бы сегодня сказали, – по барабану. У них теперь другой враг – москвичи да ополченцы, стекающиеся к стенам Белого города с тем, чтобы прогнать захватчиков-иноземцев. Собственный народ им настолько ненавистен, что в марте 1611 года они даже посоветуют полякам сжечь Москву за пределами кремлёвских стен – что те и сделают (я писал об этом в первой части своей книги, в рассказе о Смуте).

Смоленск держится до 3 июня 1611 года. Поляки удивляются тому, что он никак не сдаётся. Гетман Жолкевский вспоминал: «На валах, где прежде было множество людей, теперь, по причине их недостатка, видна была только редкая стража /.../. Шеин исполнен был мужественным духом и часто вспоминал отважную смерть отца своего, павшего при взятии Сокола в царствование короля Стефана [Батория]; также говаривал часто перед своими, что намерен защищать Смоленск до последнего дыхания. Может быть, что поводом к этому был мужественный дух его, однако, участвовало тут и упорство; ибо, не имея надежды на помощь, при таком недостатке в людях и видя ежедневно смерть их, всё ещё упорствовал в своём намерении»⁹². А ведь это отзыв о Михаиле Борисовиче со стороны его врага!

Заключительный штурм начинается ночью, сразу с четырёх сторон. Не обходится и тут без помощи очередного перебежчика – а попросту предателя, – которых столько расплодилось на Руси в те времена. Он подсказывает Потоцкому наиболее слабое место в городских укреплениях, и именно туда направляется главный удар. Сначала поляки в темноте скрытно начинают взбираться при помощи лестниц на стены. Их долго никто не замечает. И немудрено. К тому времени из защитников Смоленска, бывших в состоянии держать оружие и хоть как-то сопротивляться, осталось – по данным поляка Жолкевского! – около двухсот человек⁹³.

Задумайтесь об этом! *Двести человек из пяти тысяч четырёхсот* ратников, собравшихся за его стенами двадцать месяцев назад!!! Чуть менее *четырёх процентов!!!* Никогда в истории нашей страны ни один город не защищался так отчаянно (за исключением, пожалуй, приамурского города Албазина, о чём я ещё расскажу в эссе о российско-китайских отношениях)! Для сравнения: Брестская крепость, самоотверженная оборона которой стала в нашей исторической памяти, по сути, эталоном героизма, продержалась чуть больше одного месяца – с 22 июня по 23 июля 1941 года, – причём организованное сопротивление продолжалось в ней восемь дней: до 29 июня⁹⁴. Крепость защищало около 9.000 красноармейцев⁹⁵. К моменту её окончательного взятия из них погибло порядка двух тысяч⁹⁶, а подавляющее большинство остальных – от 5 до 6 тысяч – оказались в плену⁹⁷. Сравните сами эти цифры со смоленской эпопеей, по окончании которой на милость врага сдались единицы.

⁹¹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 204.

⁹² Цит. по: «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 420–421.

⁹³ *Op. cit.*, стр. 420.

⁹⁴ См. Википедию, статью «Брестская крепость».

⁹⁵ См.: там же.

⁹⁶ См.: там же.

⁹⁷ См.: там же.

Измотанные защитники города заметили атаку врага слишком поздно, когда штурмующие уже расходились по стенам и башням, и отступили вниз. Одновременно с поляками в районе пролома начинает действовать немецкая пехота. Здесь оборону возглавляет непосредственно Шеин. Немцев встречает интенсивный огонь. Но тут поляки, с другой стороны, в месте, указанном предателем, подрывают заранее подложенный пороховой заряд, непрочная стена обваливается, и в огромную брешь устремляются литовцы и казаки. Начинается резня, в том числе, естественно, и мирного населения. Народ в панике бросается под защиту стен главного храма города – собора Успения Пресвятой Богородицы, который жители называли Мономаховым, поскольку его первое здание было построено ещё в 1101 году Владимиром Мономахом⁹⁸, тогда – князем переяславским⁹⁹ (сейчас этот город называется Переяслав¹⁰⁰ и находится на Украине, примерно в 90 километрах к юго-востоку от Киева). Церковь быстро оказывается забитой битком – главным образом людьми простыми, в том числе женщинами и детьми. Смоленский архиепископ приказывает двери запереть, но королевские солдаты их быстро выламывают. Тогда он с крестом выходит им навстречу, но получает удар саблей по голове и окровавленный и едва живой выволакивается наружу – в плен. Это его спасает, потому что один из посадских людей – история сохранила нам его имя: Андрей Беляницын – зная, что в подвале храма находятся большие запасы пороха, бежит туда с зажжённым фитилём и подрывает их. Происходит чудовищный взрыв. Гетман Жолкевский пишет: «.../ взорвана была половина огромной церкви /.../ с собравшимися в неё людьми, которых неизвестно даже куда девались разбросанные остатки и как бы с дымом улетели»¹⁰¹. В городе начинается сплошной пожар, причём, по словам того же Жолкевского, «многие из москвитян /.../ добровольно бросились в пламя за православную, говорили они, веру»¹⁰².

Сам Шеин отступает с горсткой соратников в одну из крепостных башен и продолжает отстреливаться от наседавших немцев, убив «более десяти»¹⁰³. Раздражение наёмников столь велико, что они клянутся уничтожить их всех до последнего. Но тут наш воевода принимает решение сдаться, но по какой причине! С ним рядом его жена¹⁰⁴ и самое главное – малолетний сын, «ещё дитя»¹⁰⁵, как пишет Жолкевский, так вот насмерть перепуганный мальчик умоляет его прекратить сопротивление, и сердце отца не выдерживает. Михаил Борисович кричит одному из польских офицеров, что готов сложить оружие, тот отгоняет от башни остервеневших немцев, и немногие оставшиеся в живых герои выходят из неё.

Всё кончено. Сигизмунду достаётся практически полностью выгоревший город да горы трупов. Жолкевский пишет: «Крепость почти вся выгорела, мало осталось строений; как уже сказано, сгорели также и пороховые склады /.../»¹⁰⁶. Пленённый воевода предстаёт перед глазами короля, и тот – вопреки всем законам чести того времени – приказывает его пытать «разными пытками»¹⁰⁷. Формально он хочет узнать, куда спрятана смоленская казна и кто подготавливал его так долго сопротивляться, но вообще-то всё это больше похоже на обычную месть.

После «допроса с пристрастием» Михаила Борисовича заковывают в кандалы, разлучают с женой и сыном и отправляют в Польшу. Там Сигизмунд III продолжает ему мстить – на

⁹⁸ См. Википедию, статью «Успенский собор (Смоленск)».

⁹⁹ См. Википедию, статью «Владимир Всеволодович Мономах».

¹⁰⁰ См. Википедию, статью «Переяслав-Хмельницкий».

¹⁰¹ Цит. по: «Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского», Рязань, издательство «Александрия», 2006, стр. 422.

¹⁰² Цит. по: там же.

¹⁰³ Цит. по: там же.

¹⁰⁴ *Op. cit.*, стр. 424.

¹⁰⁵ Цит. по: *op. cit.*, стр. 422.

¹⁰⁶ Цит. по: *op. cit.*, стр. 423.

¹⁰⁷ Цит. по: *op. cit.*, стр. 424.

этот раз позором. В Варшаву, для участия в торжествах по случаю одержанной победы, привозят пленного бывшего русского царя Василия Шуйского, которого на потеху народу возят по городу в открытой коляске. Так вот Шеина сажают рядом с ним. Потом, во дворце, воеводе приказывают стоять около Шуйского и наблюдать, как тот в знак покорности кланяется королю до земли. Правда, неизвестно, повторил ли этот унижительный обряд наш герой или нет.

В польском плену, в кандалах, Шеин находится долгих восемь лет. За это время уходит в небытие семибоярщина, Минин с Пожарским выгоняют захватчиков из Москвы и из России, на русский трон избирается первый представитель династии Романовых – молодой Михаил Фёдорович, постепенно начинает сходить на нет Смута. И вот в июне 1619 года происходит размен пленных: полякам возвращают всех тех, кого захватили при освобождении Кремля, а к нам на родину возвращаются «польские сидельцы», и самые важные из них – это митрополит Филарет, отец нынешнего русского царя, и герой смоленской обороны Михаил Борисович Шеин.

Михаил Романов приказывает организовать ему торжественную встречу. Специально выбранный боярин приветствует его в пятидесяти километрах от Москвы, в Звенигороде, и передаёт ему такие царские слова: «/.../ был ты на государеве службе в Смоленске, и сидел от короля в осаде долгое время и нуж[д]у всякую терпел; и /.../ как король город Смоленск взял, и тебя взяли в полон и свели в Литву и Польшу, и в Литве за православную и крестьянскую веру страдал и нужи всякие терпел; а ныне от таких великих бед ты освободился и идёшь к нам, и мы, великий государь царь и великий князь, жалуем тебя, велели спросить о здравии»¹⁰⁸. Современному человеку эта фраза может показаться довольно пустой и курчавой похвалой, но в те времена царское слово «жалуем», а также вопрос с его стороны о здоровье считались высшей честью, нечто вроде присвоения звания героя России сегодня. Потом Шеин был принят царём лично и награждён шубой и кубком.

Казалась бы, Судьба с лихвой вознаградила заслуженного воеводу за героизм и перенесённые страдания. Он близок к царю, ходит с ним на богомолье, несколько раз в год у него обедают – великая честь! – и даже иногда в его отсутствие «ведает» Москвой. А в 1628 году назначается главой Пушкарского приказа, то есть начинает руководить всей артиллерией страны. Но – увы! – герою Смоленска ещё предстоит до дна испить горькую «государственную» чашу, которая так часто доставалась верным своему долгу русским военачальникам.

В 1632 году начинается очередная война с Речью Посполитой. С нашей стороны цель у неё, по сути, одна – возвращение утерянного в 1611 году Смоленска. Одним из командующих назначается аж князь Дмитрий Пожарский (тот самый!), а вторым... кто бы вы думали? Ну, конечно – Шеин: он город потерял, ему и отвоёвывать. Вскоре, правда, князь заболевает каким-то «чёрным недугом»¹⁰⁹ и от командования отстраняется (может быть, это спасло его от судьбы Шеина). А вот Михаил Борисович подступает к стенам Смоленска и терпит здесь неудачу (невольню приходится на ум процитированное выше замечание Петра Петрея о том, что русские прекрасно обороняются в городах, но в открытых сражениях далеко не так умелы). Его армия оказывается в окружении, он идёт на подписание с поляками вынужденного перемирия, оставляет неприятелю всю тяжёлую артиллерию, а его армия отходит от Смоленска – хотя и со всем холодным оружием и заряженными мушкетами. Я не хочу подробно анализировать события той кампании и делать выводы относительно того, кто был виноват в таком военном финале, – не об этом речь идёт в моём рассказе, – но царский гнев обрушивается на Шеина, как говорится, по полной разметке.

Суд над ним оказывается скорым, а приговор жестоким. Вместе с ещё одним воеводой Михаил Борисович приговаривается к смертной казни, а все его поместья и собственность, в

---

¹⁰⁸ Цит. по: В.В. Каргалов «Московские воеводы XVI–XVII вв.», М., издательство «Русское слово», 2002, стр. 210–211.

¹⁰⁹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 216.

том числе и дом в Москве, «взяты на государя». О прежних заслугах «как бы» забывают. И даже портрета его не сохранилось. Одновременно голову отрубают и его сыну.

Так Михаил Борисович Шеин продолжил скорбную череду верных сынов России, загубленных её правителями, начало которой в основном положил царь-палач Иван Грозный и завершил – хотелось бы надеяться, навсегда – коммунист-изувер Иосиф Сталин.

Второе Роченсальмское сражение (1790 г.), его герои и антигерой

Про это военное столкновение на Балтийском море известно в нашей стране, пожалуй, лишь узкому кругу профессиональных историков, да и вообще русско-шведская война 1788–1790 годов, заключительным аккордом которой оно оказалось, окутана у нас туманом забвения. В Швеции же Второму Роченсальмскому сражению (там оно называется битвой при Свенсксбюнде¹¹⁰), наоборот, посвящены памятники, музейные экспозиции, художественные полотна, литературные произведения и т. д., а Финляндия день своего военно-морского флота и вовсе празднует 9 июля, то есть тогда, когда оно началось (по новому стилю)¹¹¹. На первый взгляд всё тут объясняется просто: в те два летних дня 1790 года русский галерный флот под командованием адмирала принца Шарля Анри Николая Отона де Нассау-Зигена потерпел сокрушительное поражение. Что нам здесь вспоминать-то? А вот и есть что! Потому что, во-первых, Второе Роченсальмское сражение с точки зрения количества участвовавших в нём судов является самым масштабным из всех, когда-либо произошедших на Балтике¹¹². Во-вторых, по данному параметру оно ещё и представляет собой одну из крупнейших морских баталий в истории человечества¹¹³. И, наконец, в-третьих, и это для нас самое важное: в ходе него множество наших моряков – не в пример большинству их начальников – продемонстрировало такой героизм, стойкость и боевой дух, что сам шведский король, непосредственно руководивший своим флотом в этой битве, даже поняв, что побеждает, во всеуслышание заявил, что лучше бы уж непогода позволила русским уйти, а то как бы не случилось для шведов какого неожиданного и неприятного сюрприза (его фразу я ещё процитирую).

Так что же это была за война, почему она началась и какое влияние на её исход оказало Второе Роченсальмское сражение? И, кстати: если оно было вторым, то что случилось в первом? Как всегда – обо всём по порядку.

Северную войну 1700–1721 годов Швеция проиграла России просто с треском. При упоминании завершившего её Ништадского мира у нас обычно акцентируется внимание на отвоёванных у шведов территориях, а между тем в нём ещё содержалась статья (седьмая), которая была для Стокгольма чрезвычайно унижительной, поскольку делала Россию гарантом неизменности установившейся к тому времени шведской формы правления, при которой права короля были сильно ограничены¹¹⁴. Так, например, без одобрения риксдага, то есть парламента он не мог издавать законы, утверждать налоги, назначать людей на государственные посты и – самое главное – объявлять войну¹¹⁵. Нашей стране это было очень на руку: оказывая давление, а иногда и прямо подкупая соответствующих политиков, она сохраняла в Швеции слабую королев-

¹¹⁰ См. Википедию, статью «Slaget vid Svensksund» (на шведском языке).

¹¹¹ См. там же.

¹¹² См. Википедию, статью «Второе Роченсальмское сражение».

¹¹³ Крупнее него, по некоторым сведениям, были лишь: а) Саламинское сражение между греческим и персидским флотами, произошедшее в сентябре 480 года до нашей эры близ одноимённого острова, недалеко от Афин (см. Википедию, статью «Битва при Саламине»), б) сражение у мыса Экно́м, близ Сицилии, между римлянами и карфагенянами в 256 году до нашей эры (см. Википедию, статью «Сражение у мыса Экно́м»), а также в) битва между американским и японским флотами около филиппинского острова Лейте в октябре 1944 года (см. Википедию, статьи «Сражение в заливе Лейте» и особенно «Battle of Leyte Gulf» /на английском языке/).

¹¹⁴ См. по тексту Ништадского мирного договора между Россией и Швецией в издании «Под стягом России: сборник архивных документов», М., издательство «Русская книга», 1992, стр. 122: «Е[го] ц[арское] в[еличество] обещает /.../ наисильнейшим образом, что он в домашние дела королевства Свейского /.../ мешаться, никому /.../ вспомогать не будет, но /.../ все[му], что против того [порядка] /.../ будет [задумано] и е[го] ц[арскому] в[еличеству] известно [станет] /.../, всяким образом мешать и предупреждать /.../».

¹¹⁵ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 14.

скую власть, а значит могла быть более или менее спокойной по поводу того, что побеждённая соперница не осмелится на реванш. Так продолжалось почти пятьдесят лет. (Интересно, знают ли сегодняшние шведы, что в течение полувека их страна была самой настоящей российской марионеткой?)

Но вот в феврале 1771 года умирает шведский король Адольф Фредрик, и на престол этой страны вступает его сын Густав III – кстати говоря, двоюродный брат правящей в России в то время императрицы Екатерины Второй¹¹⁶. Не проходит и полутора лет, как в августе 1772 года он осуществляет государственный переворот и возвращает себе почти все королевские права, утраченные его предшественниками в последние годы Северной войны. А заодно фактически наносит смертельный удар по седьмой статье Ништадского договора...

Екатерина II, к слову сказать, относится к своему кузену неоднозначно. Она насмешливо величает его «толстым Гу»¹¹⁷ (король был склонен к полноте), а учинённый им переворот и вовсе вызывает её нескрываемое раздражение. Правда, когда Густав приезжает в 1777 году в Санкт-Петербург, между ними возникает была некоторая симпатия. Он просит Екатерину разрешения именовать её сестрой, она присваивает ему звание члена Императорской Академии. Вернувшись в Стокгольм, шведский король, пристрастившийся к русскому квасу да шам, обращается к «сестре» с просьбой прислать ему повара, умеющего их готовить, но Екатерина, выполнив его пожелание, так и не может простить своему «брату» государственного переворота и, более того, всячески ищет пути для того, чтобы вернуть Швецию к прежней форме правления.

Они встречаются ещё раз в 1783 году в финском Фридрихсгаме (ныне – город Ха́мина, на южном, балтийском берегу Финляндии, недалеко от российско-финской границы¹¹⁸). Здесь Густав предстаёт перед Екатериной со сломанной рукой: накануне во время парада он упал с лошади. «Можно ли кувыркаться перед войском!»¹¹⁹ – язвительно бросает она (так, чтобы он не слышал). С обеих сторон эта встреча оказывается, так сказать, с двойным дном: король стремится выведать отношение императрицы к завоеванию Норвегии, которую он планирует отобрать у своей соседки Дании, а также её планы по поводу очередной русско-турецкой войны (она начнётся через четыре года и станет для него главной предпосылкой для развязывания русско-шведского военного конфликта), а та, как раз на случай такого разрыва с Оттоманской империей, пытается заручиться его поддержкой. В общем, за ширмой любезности оба относятся друг к другу с недоверием, и уже через год Екатерина «шутливо» пишет своему кузену: «Говорят, что вы намерены напасть на Финляндию и идти прямо к Петербургу, по всей вероятности, чтобы здесь поужинать. Я, впрочем, не обращаю внимания на эту болтовню /.../»¹²⁰. Трудно сказать, лукавила в тот момент русская императрица или нет (она вообще была неподражаемой притворщицей и актрисой), но весной 1788 года из Копенгагена приходят уже совершенно однозначные сведения: Густав готовится к нападению¹²¹.

---

¹¹⁶ См. Википедию, статью «Густав III».

¹¹⁷ Цит. по: К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 668.

¹¹⁸ См. Википедию, статью «Хамина».

¹¹⁹ Цит. по: К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 672.

¹²⁰ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 26.

¹²¹ *Op. cit.*, стр. 23.

Король Швеции Густав III (1746–1792)

Следует подчеркнуть, что агрессором он выступать не хотел. Во-первых, помимо чисто моральных соображений, по законам Швеции объявлять войну без согласия парламента он по-прежнему права не имел¹²², а, во-вторых, в этом случае король мог остаться без той поддержки со стороны ведущих стран Европы, которая для успеха ему была просто необходима. Что касается турок, то свобода рук ему была гарантирована: ещё с 1739 года у Швеции существовал с Османской империей так называемый «оборонительный союз», по которому в случае нападения России на любое из этих государств, другая сторона должна была оказать союзнице соответствующую помощь. Правда, во время первой русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) шведы и пальцем не пошевелили, чтобы помочь своему южному партнёру, но теперь Густав мог о своих обязательствах и припомнить: ему это было как нельзя кстати. Также благоприятно были настроены по отношению к Швеции Пруссия, Голландия и особенно Великобритания, которая активно содействовала оформлению этими странами в августе 1788 года так называемого Тройственного альянса (Triple Alliance), прямо направленного под лозунгом «сохранения баланса сил в Европе» против Франции, России и Австрии¹²³. Так вот что касается нашей страны, англичане как раз опасались того, что она в союзе с австрийцами разгромит в начавшейся войне явно более слабую Османскую империю, окончательно закрепит за собой присоединённый в 1783 году Крым и вследствие этого заметно усилится (как в воду, кстати, глядели!). Поэтому они с одобрением смотрели на планы Густава, подталкивали его к войне, намекали на разностороннюю поддержку (в том числе и военную), но вместе с тем

---

¹²² Op. cit., стр. 75.

¹²³ См. Википедию, статью «Triple Alliance (1788)» (на английском языке).

также предпочитали, чтобы формально развязала конфликт Россия¹²⁴. Французский посол в России граф Луи-Филипп де Сегюр¹²⁵ писал: «Шведский посланник в Петербурге, барон Нолькен, оставался в дружбе со мною, но был откровенен только с англичанами и пруссаками»¹²⁶. Самой же Франции, уже бурлящей в преддверии своей знаменитой революции 1789 года, инициированный шведами конфликт не улыбался вообще, и в июне 1788 года король Людовик XVI поручил своему послу в Стокгольме маркизу де Понсу передать шведскому королю, что в этом случае тот лишится права считаться другом Франции¹²⁷. Похожей позиции придерживалась и могущественная тогда Дания: она без обиняков заявила Густаву, что если он нападет на Россию, то Копенгаген окажет Санкт-Петербургу прямое военное содействие (но вот если Россия нападет на Швецию, то Дания будет соблюдать нейтралитет)¹²⁸.

И вот, взвесив все «за» и «против», Густав III решает действовать. В мае 1788 года с его подачи распространяется слух о том, что русская военная эскадра снялась с якоря с намерением атаковать главную военно-морскую базу Швеции – город Карлскруну (наш флот действительно вышел в море и двинулся на запад, только держал он курс на Средиземное море, в район боевых действий в ходе начавшейся войны с турками). 9 июня (по новому стилю) выходит в море и шведский флот, причём даже капитаны кораблей о цели предстоящей экспедиции не знают: им вручаются запечатанные пакеты, которые подлежат вскрытию лишь в случае отделения находящихся под их командованием судов от основных сил¹²⁹. Командует флотом младший брат короля – герцог Сёдерманландский Карл.

Екатерина II, которой война со шведами совершенно некстати, велит предпринять ряд действий по укреплению русских границ и крепостей, но всё же пытается конфликта избежать и приказывает русскому послу графу Андрею Кирилловичу Разумовскому¹³⁰ сформулировать в адрес короля записку с изложением своей позиции, что тот и делает. Прочитав её, Густав приходит в ярость. Дело в том, что, в соответствии с указанием императрицы, документ этот адресуется не только ему, но и «всем тем, кто в сей нации некоторое участие в правлении имеют»¹³¹. То есть Екатерина устами своего посла по-прежнему фактически ссылается на седьмую статью Ништадского договора, а Густав именно затем и совершил государственный переворот, чтобы ни с кем в своём государстве не советоваться! И вообще он Разумовского уже давно терпеть не может и велит ему в течение недели возвратиться в Россию. При этом, однако, 23 июня (по новому стилю) он лицемерно заявляет, что «не может думать, чтобы такое объявление [имеется в виду вышеуказанное обращение ко «всем тем, /.../»] было предписано графу Разумовскому русским двором /.../»¹³². В тот же день король покидает Стокгольм, направляясь в Финляндию¹³³. Дипломатический разрыв становится свершившимся фактом. Но до объявления войны дело пока ещё не доходит.

И вот в ночь на 28 июня 1788 года (по новому стилю) на территории шведской Финляндии, близ русской границы, происходит странный и, в общем-то, ничтожный инцидент. Недалеко от местечка Пуумала¹³⁴ (примерно в 230 километрах к северо-востоку от Хельсинки) с противоположной, «русской», стороны пролива с совершенно ужасающим для нашего (да и

¹²⁴ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 18.

¹²⁵ См. Википедию, статью «Сегюр, Луи-Филипп».

¹²⁶ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 19.

¹²⁷ *Op. cit.*, стр. 17.

¹²⁸ *Op. cit.*, стр. 19.

¹²⁹ *Op. cit.*, стр. 33.

¹³⁰ См. Википедию, статью «Разумовский, Андрей Кириллович».

¹³¹ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 41.

¹³² Цит. по: *op. cit.*, стр. 43.

¹³³ *Op. cit.*, стр. 72.

¹³⁴ См. Википедию, статью «Пуумала».

шведского) уха названием Вуолтеенсалми, через который перекинут мост, слышится ржание коней, голоса людей, какое-то шевеление и несколько ружейных выстрелов. Шведский пикет, охраняющий мост, отплывает на лодке в направлении шума, ничего не обнаруживает, но на всякий случай тоже делает в темноту несколько выстрелов. Вскоре к шведскому лейтенанту – командиру пикета прибывает его непосредственный начальник майор Георг Хенрик Егерхорн (Jägerhorn) и сообщает, что русские пришли в движение. Почти сразу к лейтенанту пробирается с русской стороны пролива некий крестьянин и подтверждает эту информацию. В Хельсинки тут же летит рапорт о «русской провокации», масштабы которой сильно раздуваются¹³⁵. Бумага быстро доходит до короля, и тот, ссылаясь на данный инцидент, предъявляет 6 июля (по новому стилю)¹³⁶ России ультиматум: или возвращение Швеции практически всех территорий, завоёванных Петром Великим, или война. (Были в нём, естественно, ещё требования, например, о наказании посла Разумовского.)

Шведские, финские, да и наши историки посвятили разбору этого странного эпизода немало подробных исследований. В целом все согласны в том, что ни одного русского никто в ту ночь и в глаза не видывал и что начальник майора Егерхорна полковник Берндт Юхан Хастфер организовал весь этот спектакль по приказу Густава III, которому попросту нужен был предлог для развязывания войны¹³⁷. Кстати, по официальной версии Екатерины Второй, шведы переодели в форму русских казаков 24 человека и направили их в шведскую же Карелию, где те сожгли одну деревню, принадлежащую некоей вдове¹³⁸. Занятно, что в ходе этого «нападения» никто даже не был ранен. Русская императрица называет это «отчаянным подлогом»¹³⁹. Да-а, в истории Швеции таких притянутых за уши провокаций, пожалуй, больше и не сыщешь.

И ведь самое главное, что никто из европейских правителей в этот цирк не поверил. Дания, для которой шведские военные приготовления (в том числе и против неё) секретом давно не являлись, восприняла «историю с переодеванием» и открытие военных действий Густавом III с «немалым удивлением»¹⁴⁰, и 13 сентября (по новому стилю) датский флот поднимает русский флаг, а её армия переходит шведскую границу¹⁴¹. Аналогичная реакция – правда, естественно, без решения вступить в войну – была у Пруссии. Английский посланник в Берлине Джозеф Эварт¹⁴² сообщал в Лондон: «Король прусский /.../ здесь весьма расстроен неблагоприятным и несправедливым поведением шведского короля /.../»¹⁴³. Даже Великобритания – давняя соперница России решила в русско-шведский конфликт не ввязываться, выступила было вместе с Пруссией с инициативой сыграть роль посредника между Густавом и Екатериной¹⁴⁴, по, получив от неё отказ, успокоилась. Впоследствии обе эти страны ограничивались главным образом лишь тем, что оказывали давление на Данию с тем, чтобы она не слишком уж воевала со Швецией и не «активничала» в помощи России, да давали Густаву деньги.

А шведский король приступает между тем к решительным действиям. Цели он перед собой ставит самые грандиозные: русский флот должен быть разгромлен либо в море, либо в портах базирования, после чего 15-тысячной армии во главе с самим Густавом III следует

¹³⁵ Подробности этого эпизода см. в Альманахе североевропейских и балтийских исследований, выпуск 1, Петрозаводск, издательство ПетрГУ, 2016, статью Юсси Т. Лаппалайнена «Война Густава III, 1788–1790», стр. 41.

¹³⁶ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 48.

¹³⁷ См. Альманах североевропейских и балтийских исследований, выпуск 1, Петрозаводск, издательство ПетрГУ, 2016, статью Юсси Т. Лаппалайнена «Война Густава III, 1788–1790», примечание № 31 на стр. 41.

¹³⁸ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 67.

¹³⁹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 66.

¹⁴⁰ Цит. по: *op. cit.*, стр. 135.

¹⁴¹ *Op. cit.*, стр. 141.

¹⁴² См. Википедию, статью «Joseph Ewart» (на английском языке).

¹⁴³ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 138.

¹⁴⁴ *Op. cit.*, стр. 139.

высадиться в Ораниенбауме, примерно в 50 километрах к юго-западу от Санкт-Петербурга, разгромить немногочисленные и (как он полагал) плохо подготовленные русские войска, сжечь Кронштадт, выйти к столице Российской империи с юга, начать её обстрел, захватить её и принудить Екатерину II к миру на шведских условиях¹⁴⁵. А ещё он, по его собственным словам, из всех петербургских памятников собирался сохранить лишь монумент Петру Великому (Медного всадника), «чтобы выставить и увековечить на нём имя Густава III»¹⁴⁶. Ни много ни мало!

Однако вот что пишет о нём русский историк немецкого происхождения Александр Густавович Брикнер, которого я так часто цитирую: «Сам король – в этом соглашаются его сторонники с его антагонистами – не отличался способностями в военном деле, и как дилетант в области тактики, желая иногда действовать самостоятельно и решать запутанные вопросы стратегии, часто портил дело и дорого платил за свои ошибки»¹⁴⁷. К тому же шведы не позаботились о должном тыловом обеспечении своей армии в суровой и бедной финской местности, и ей скоро стало не хватать амуниции, продовольствия, тёплой одежды, а также корма для лошадей, в тощей государственной казне денег было лишь не более чем на год военных действий, российский флот оказался совершенно не таким слабым, как считалось, среди шведских офицеров было полно откровенных русских шпионов, которые сдавали нам чуть ли не все планы своего собственного короля, а вскоре среди них и вовсе вспыхнул мятеж – прямо в Финляндии: недовольство войной было велико. В общем, Густав III достаточно быстро увязает среди финских озёр да болот, вместо форсированного марша на Санкт-Петербург принимается осаждать русские приграничные крепости, и война теряет свою динамику.

Для Екатерины всё это оказывается просто даром божьим. Ведь свои основные силы она двинула против турок, в том числе и значительную часть Балтийского флота. Вот как оценивал состояние русской обороны в Прибалтике бывший новгородский губернатор граф Яков Сиверс в конфиденциальном письме своей повелительнице-императрице, направленном ей буквально одновременно с предъявлением шведского ультиматума: «Ваша особа, ваша столица, ваша империя находятся в величайшей опасности /.../. Ваше Величество, вы, как я полагаю, имеете войска лишь для обороны: они уменьшены ещё гарнизонами в Выборге, Фридрихсгаме и Кексгольме. /.../ гарнизоны их никуда не годятся. /.../ флот Вашего Величества займёт крепкое положение для прикрытия Кронштадта и Невы. Балтийское море останется поэтому открытым, доступным неприятелю. /.../ Везде можно сделать десант безо всякого сопротивления. [У нас] даже нет надлежащих сигнальных снарядов, чтобы дать знать заблаговременно о приближении неприятеля. Несколько тысяч человек будут [поэтому] в состоянии» угрожать «городам сожжением /.../. Гарнизонные войска состоят из инвалидов, которые тридцать лет /.../ не имели в руках оружия, и из которых лучшие умеют только косить сено. /.../ Для меня крайне прискорбно объявить Вашему Величеству, что в случае высадки семи или восьми тысяч человек шведов, они займут обе провинции [имеется в виду Эстляндия и Лифляндия, то есть примерно современные Эстония и Латвия] с их укрепленными городами в продолжение трёх недель»¹⁴⁸ и т. д. Ему вторит французский эмигрант на русской службе Александр-Луи Андро де Ланжерон, предпочитавший именоваться в России Александром Фёдоровичем: «Случайности этой войны и положение Петербурга были таковы, что шведский король мог явиться туда без большого риска /.../. Он мог быстро пройти те сорок вёрст¹⁴⁹, которые отделяли его от столицы; мог даже высадить свою пехоту /.../, потому что императрица выставила против

¹⁴⁵ Альманах североевропейских и балтийских исследований, выпуск 1, Петрозаводск, издательство ПетрГУ, 2016, статья Юсси Т. Лаппалайнена «Война Густава III, 1788–1790», стр. 36; А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 129.

¹⁴⁶ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 71.

¹⁴⁷ Цит. по: *op. cit.*, стр. 114.

¹⁴⁸ Цит. по: *op. cit.*, стр. 126.

¹⁴⁹ Примерно 43 километра.

него лишь половину того войска, которым он располагал, и если даже предположить, что ему не удалось бы перейти Неву, то он мог обстреливать дворец императрицы с противоположного берега»¹⁵⁰. К этому следует добавить, что русский главнокомандующий «на шведском фронте» генерал-аншеф граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин¹⁵¹ военными дарованиями не блистал, доверием императрицы не пользовался и позднее, в 1790 году был заменён на генерал-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова¹⁵². Немудрено, что Екатерина в первые недели войны ложилась спать со своими драгоценностями в кармане, а в Царском Селе (по слухам) по её приказанию постоянно стояли наготове сто шестьдесят (по другим данным – 500¹⁵³) лошадей¹⁵⁴ на случай необходимости срочного переезда императорского двора в Москву. 20 июля она писала: «Петербург теперь имеет вид места сражения, да и я сама живу как будто в главной квартире [то есть в штабе при армии]»¹⁵⁵. Впрочем, сдаваться она не собиралась, о чём свидетельствуют следующие её слова (сказанные, правда, уже после войны): «Отступив от Петербурга, я дала бы битву близ Новгорода, затем близ Москвы, затем у Казани, затем у Астрахани, а затем мы бы ещё увидели. Думаете ли вы, что король мог бы следовать за мною туда?»¹⁵⁶

Но постепенно война начинает носить позиционный характер, угроза Санкт-Петербургу практически сходит на нет, военные действия ведутся с переменным успехом, и всё идёт к развязке, которой волею Судьбы и станет Второе Роченсальское сражение. Но сначала было Первое.

В этих обеих морских баталиях русским флотом командовал уже упомянутый мною принц Шарль Анри или Карл Генрих (как, на немецкий манер, его предпочитали звать в России) Нассау-Зиген. Познакомимся же с ним поближе.

Будущий адмирал русского флота принадлежал, как считалось, к одному из старейших, знатнейших и влиятельнейших родов Европы – княжеского дома Священной Римской империи, который назывался Нассау и вёл своё начало аж с XII века. Один представитель этого рода, между прочим, является сегодня королём Голландии (хоть и называется принцем), а второй – главой маленького европейского государства с гордым названием Великое Герцогство Люксембург¹⁵⁷.

Я не случайно употребил в отношении нашего героя выражение «как считалось». Дело в том, что его прадед был двадцать третьим (!) ребёнком знатного правителя двух герцогств (Лимбург и Верхний Гельдерн)¹⁵⁸, которые сегодня в основном находятся на территории Голландии. Мальчик, которого называли Иммануил Игнатий, родился от третьего брака, и его папа, обладавший к тому моменту уже страшным количеством наследников, записал в соответствующий брачный контракт, что все дети, которые родит ему третья жена, ни его фамилию, ни титула принцев носить не будут (и правильно сделал: она родила ему десятерых). Так Иммануил Игнатий стал бароном де Рено.

¹⁵⁰ Цит. по: К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 328.

¹⁵¹ См. Википедию, статью «Мусин-Пушкин, Валентин Платонович».

¹⁵² Альманах североевропейских и балтийских исследований, выпуск 1, Петрозаводск, издательство ПетрГУ, 2016, статья Юсси Т. Лаппалайнена «Война Густава III, 1788–1790», стр. 54; см. также Википедию, статью «Салтыков, Иван Петрович».

¹⁵³ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 128.

¹⁵⁴ К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 327.

¹⁵⁵ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 129.

¹⁵⁶ Цит. по: *op. cit.*, стр. 133–134.

¹⁵⁷ См. Википедию, статьи «Виллем-Александр» и «Анри (великий герцог Люксембурга)».

¹⁵⁸ См. Википедию, статью «Иоганн Франц Дезигератус (князь Нассау-Зигена)»

Однако после смерти отца одиннадцатилетний барон самовольно присваивает себе имя – а заодно и герб – знатного рода и, несмотря на возражения своих многочисленных сводных братьев, начинает величать себя Нассау-Зигеном. В 1711 году, в возрасте 23 лет, он женится. Брак, однако, оказывается непрочным, жена ему изменяет, и всё заканчивается заключением её под арест в монастырь (за супружескую неверность), а потом, в 1716 году, и разводом. Но через шесть лет супруги сходятся вновь, и в октябре того же года на свет появляется мальчик, которого назвали Максимилианом Вильямом Адольфом. Отец поначалу признаёт его своим сыном, но незадолго до своей смерти объявляет, что жена ему этого ребёнка нагуляла. А через одиннадцать лет, после длительных судебных разбирательств, император Священной Римской империи (в чью компетенцию входили такие вопросы) окончательно признаёт Максимилиана Вильяма Адольфа незаконнорожденным¹⁵⁹. К тому времени у него уже был двухлетний сын – герой моего рассказа.

Так что, как видите, никаким принцем будущий русский адмирал не был, да и фамилию Нассау-Зигенов носил, скажем так, не совсем законно (это право было признано за ним лишь во Франции¹⁶⁰) – что, правда, совершенно не мешало ему всю жизнь страшно гордиться и кичиться своим высоким происхождением.

По своему образу жизни Шарль Анри был типичным искателем приключений. Он родился в Париже, в 15 лет поступил добровольцем во французскую армию, участвовал в Семилетней войне (1756–1763), дослужился до капитана. В 1766 году он бросает военную службу и отбывает в кругосветное плавание под командованием знаменитого французского путешественника Луи Антуана де Бугенвиля (поговаривали, что таким образом отставной капитан, живший на широкую ногу, решил улизнуть от своих кредиторов). В ходе этой экспедиции он зарекомендовывает себя как отважный и неутомимый человек, любящий морскую службу и обладающий к тому же дипломатическими способностями (а на островах Таити успевает даже соблазнить жену местного вождя). По возвращении во Францию он устремляется в очередное путешествие, на этот раз в Центральную Африку, причём вкладывает в неё немалые собственные средства¹⁶¹. А потом решает продолжить военную карьеру, воюет сначала вновь во французской армии, затем переходит в испанскую, храбро сражается при штурме английской крепости Гибралтар, чудом остаётся в живых после взрыва пороха на корабле, на котором он находился, и в награду за свои заслуги получает от испанского короля титул гранда первого класса (что, помимо прочего, даёт ему право говорить с королём, не снимая головного убора), а также генеральский чин и товаров на три миллиона реалов¹⁶² (все вырученные за них деньги идут в уплату его долгов¹⁶³ – Шарль Анри был в этом деле большой мастак). Где-то в это время за ним закрепляется прозвище «анвалнерабль» (*invulnérable*), то есть неуязвимый, которое полностью оправдывает себя: за всю свою полную приключений и сражений жизнь он ни разу не был даже ранен.

В 1779 году Шарль Анри женится и становится по-настоящему богатым человеком. Его жена, польская княгиня Каролина Сангүшко – обладательница обширных владений, женщина красивая и умная – знакомит его с польским королём Станіславом Августом Понятовским, который присутствует на их свадьбе. Этот брак оказывается удачным, супруги любят друг друга, жена чрезвычайно гордится своим мужем, а он в периоды отъездов пишет ей длинные нежные письма. Интересно, что эта пара была хорошо знакома со знаменитым французским драматургом Пьером-Огюстеном Кароном де Бомарше (который, кстати, не только сочинял

¹⁵⁹ См. Википедию, статью «Emmanuel Ignatius of Nassau-Siegen» (на английском языке).

¹⁶⁰ См. Википедию, статью «Нассау-Зиген, Карл Генрих».

¹⁶¹ А.В. Шишов «Знаменитые иностранцы на службе России», М., издательство «Центрполиграф», 2001, стр. 484.

¹⁶² См. Википедию, статью «Нассау-Зиген, Карл Генрих».

¹⁶³ К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 521.

пьесы, но и занимался контрабандными поставками в Северную Америку французского оружия, делая это с ведома своего правительства¹⁶⁴). Так вот Каролина, несмотря на своё богатство, часто занимала у Бомарше деньги, причём в своих письмах писала его фамилию неправильно: Бонмарше (Bonmarché, что по-французски означает «дешёвка»). Но тот на неё не обижался, деньги – и немалые – регулярно давал и даже шутливо предостерегал её мужа, когда тот отправился в испанскую армию на войну: «Только смотрите, чтобы Вас не убили!»¹⁶⁵.

Принц Шарль Анри Николая Отон де (Карл Генрих Николай Отто фон) Нассау-Зиген (1743–1808)

Расходы Шарля Анри продолжают расти, он всё больше влезает в долги и в один прекрасный день вновь решает укрыться от кредиторов, на этот раз на родине жены, в Польше, где Станислав Август предоставляет ему польское дворянство и подданство. Здесь его траты принимают уже форму совершеннейших причуд. Так, выехав как-то ненадолго в Вену, он велит привезти себе туда из Варшавы любимую лошадь в повозке, чтобы не устала¹⁶⁶! Можно представить себе, сколько это стоило...

---

¹⁶⁴ См. Википедию, статью «Бомарше, Пьер Огюстен Карон де».

¹⁶⁵ Цит. по: Википедия, статья «Нассау-Зиген, Карл Генрих».

¹⁶⁶ К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 521.

В Польше он решает заняться развитием торговли с Османской империей, направляется в Стамбул и по пути составляет самую подробную на то время карту русла Днестра. Вскоре он знакомится в Крыму с всемогущим любимцем Екатерины Великой Григорием Потёмкиным, производит на него самое благоприятное впечатление (надо думать, карта тому здорово способствовала, ведь это как раз был театр военных действий против турок) и через некоторое время получает приглашение поступить на русскую службу контр-адмиралом. Ему поручают командование Днепровской гребной флотилией, и вскоре, 17–18 июня 1788 года он наголову разбивает в Днепровско-Бугском лимане турецкий парусно-гребной флот. Занятно, что, пытаясь отговорить Нассау-Зигена от атаки, английский капитан на русской службе Джон Пол Джонс (герой войны за независимость США) говорит ему, что нельзя давать морского сражения с судами, неспособными держаться на воде¹⁶⁷. Но тот его не слушает и в результате получает звание вице-адмирала и орден Святого Георгия сразу 2-й степени¹⁶⁸. Наши матросы, кстати говоря, в шутку называли своего отчаянно храброго командира «пирог с грибами»¹⁶⁹, поскольку тот по-русски знал только два слова-команды: «Вперёд!» и «Греби!», причём произносил их как «Фпирот!» и «Гриби!».

С началом войны с Густавом III Карл Генрих переводится на Балтику и вновь одерживает уверенную победу – в так называемом Первом Роченсальмском сражении. Оно произошло около финской крепости Руотсинсалми, в проливе с одноимённым названием. Шведы, как я говорил выше, называли (и называют сегодня) это место Свенсксунд, то есть «шведский пролив» (именно это «руотсинсалми» означает и по-фински), а сама же крепость вскоре становится нашей, но постепенно теряет своё военное значение, разрушается соединённым англо-французским флотом в ходе Крымской войны (1853–1856 гг.) и сейчас представляет собой лишь руины¹⁷⁰ недалеко от города Котка¹⁷¹ – финского порта примерно в 170 километрах к северо-востоку от Хельсинки.

В этом месте располагалась главная база шведского галерного флота, которым командовал адмирал Карл Август Эренсверд¹⁷², поэтому и было решено её атаковать. Надо сказать, что наше количественное преимущество было при этом довольно ощутимым: 86 судов против 49¹⁷³ (по шведским данным – 107 против 44¹⁷⁴). Поэтому шведы попытались закрыть водный путь к своей базе, перегородив соответствующий пролив в его самом узком месте тремя затопленными кораблями. Кроме того, на берегу и близлежащих островах-шхерах¹⁷⁵ в спешном порядке было сооружено несколько артиллерийских батарей. Атака шведских позиций началась 13 августа 1789 года в десять часов утра, причём боевые действия первым разворачивает не Нассау-Зиген, а эскадра русского корабельного флота под командованием генерал-майора Ивана Петровича Балле (Ягана Баллэя)¹⁷⁶, причём с юго-запада, то есть с тыла. Её целью является отвлечение сил и внимания противника от направления главного удара, который должен нанести наш галерный флот с северо-востока. Вскоре следует и основная атака, поначалу заключающаяся в разборе устроенного шведами накануне ночью завала из затоп-

¹⁶⁷ *Op. cit.*, стр. 522.

¹⁶⁸ А.В. Шишов «Знаменитые иностранцы на службе России», М., издательство «Центрполиграф», 2001, стр. 488–489.

¹⁶⁹ См. Википедию, статью «Нассау-Зиген, Карл Генрих».

¹⁷⁰ См. Википедию, статью «Slaget vid Svensksund» (на шведском языке).

¹⁷¹ См. Википедию, статью «Котка».

¹⁷² См. Википедию, статью «Эренсверд, Карл Август».

¹⁷³ См. Википедию, статью «Первое Роченсальмское сражение».

¹⁷⁴ См. Википедию, статью «Slaget vid Svensksund (1789)» (на шведском языке).

¹⁷⁵ Слово «шхера» происходит от шведского «skär» (произносится как «шэр»), что означает «скала в море».

¹⁷⁶ Русский биографический словарь, издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова, СПб., Типография Главного Управления Уделов, 1900, т. II, стр. 451.

ленных кораблей. Работа идёт в течение семи часов¹⁷⁷! Наконец, галеры Нассау-Зигена прорываются сквозь пролив, и неравный бой быстро превращается в форменную резню, которая заканчивается только к двум часам ночи. К моменту прорыва шведы почти полностью израсходовали боеприпасы, сражаясь с уже отступавшим Балле, так что защищаться им, по сути, было нечем. В некоторых наших источниках говорится, что противник потерял 39 кораблей¹⁷⁸, то есть почти 80 % своего боевого состава. По шведским данным, ими было потеряно 14 боевых и 20 транспортных кораблей¹⁷⁹. Сам же Нассау-Зиген в своём донесении указал, что всего захвачено девять, в том числе и адмиральский¹⁸⁰ (Эренсверду удалось улизнуть). Потери нашего флота составили лишь два корабля¹⁸¹.

Интересно, что за боем наблюдал лично Густав III, который писал: «Я находился то в моей шлюпке, то на скале, прикрывающей наш правый фланг»¹⁸². Так что, когда развернётся Второе Роченсальмское сражение, шведскому королю, командовавшему им, место боевых действий будет прекрасно известно.

Принц получает за свою победу высшую государственную награду Российской империи – орден Святого апостола Андрея Первозванного. Его карьера достигает своей наивысшей точки. И он, конечно же, не догадывается, что почти ровно через десять месяцев именно в этом же месте Судьба преподнесёт ему «сюрприз», который эту карьеру, по сути, и похоронит...

К весне 1790 года становится ясно, что шведы выдыхаются. В последовавших морских сражениях внятного реванша за поражение при Роченсальме взять не удаётся, на суше боевые действия решительного успеха не имеют, о возврате земель, утерянных в результате Северной войны, в армии теперь говорят разве что с грустной улыбкой. В Стокгольме зреет недовольство затянувшейся войной, в государственной казне заканчиваются деньги. И Густав III решается на наступление, которое должно положить конец этой опасной для него неопределённости. Он планирует соединить свою армию и флот в своеобразный кулак в районе между Выборгом и Санкт-Петербургом и рвануться к русской столице. Для этого было необходимо нейтрализовать наш флот, который стоял на якорях в Ревеле (нынешний Таллин) и в Кронштадте, то есть не дать ему соединиться и разбить по частям. Это было принципиально важно: если с двумя отдельными русскими флотилиями шведский флот предполагал уверенно расправиться, то в случае их соединения преимущество было бы скорее на стороне русских, и десант на нашу территорию стал бы невозможен.

2 мая 1790 года в семь часов утра неприятельские суда появляются у Ревеля. Шведской эскадрой командует брат короля герцог Карл. В его распоряжении 22 линейных корабля и 4 фрегата против десяти линейных кораблей и пяти фрегатов у русского адмирала Василия Яковлевича Чичагова¹⁸³. Преимущество большое. Но Карл не знает, что Чичагов заблаговременно приказал соорудить в порту несколько мощных артиллерийских батарей, и быстро попадает под их плотный огонь. В результате атака захлёбывается, один шведский корабль сдаётся, и два садятся на мель, причём одного так и не удаётся с неё снять и приходится сжечь¹⁸⁴. Неприятель оказывается вынужденным отступить, несколько недель стоит у берегов Финляндии, ремонтируя потрёпанные корабли, а потом устремляется к Кронштадту. Чичагов тоже использует это время для ремонта и направляется за ним.

¹⁷⁷ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 199.

¹⁷⁸ См. Википедию, статью «Первое Роченсальмское сражение».

¹⁷⁹ См. Википедию, статью «Slaget vid Svensksund (1789)» (на шведском языке).

¹⁸⁰ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 200.

¹⁸¹ См. Википедию, статьи «Первое Роченсальмское сражение» и «Slaget vid Svensksund (1789)» (на шведском языке).

¹⁸² Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 202.

¹⁸³ См. Википедию, статью «Ревельское сражение».

¹⁸⁴ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 240.

А из Кронштадта навстречу шведам выходит эскадра под командованием русского адмирала датского происхождения Александра Ивановича фон Кру́зе¹⁸⁵. 23 мая противники встречаются, и начинается бой, который в наших источниках получил название Красногорского сражения (поскольку происходил недалеко от села Красная Горка, примерно в 20 километрах к западу от Санкт-Петербурга; Екатерина даже слышала канонаду), а в шведских – Кронштадским. Он продолжался два дня и закончился, можно сказать, вничью, однако русские достигли главного: эскадры Чичагова и фон Крузе соединились. Более того, шведский флот пошёл в район Выборга на соединение со своей гребной флотилией под командованием самого короля, оказался там в ловушке и с трудом вырвался из неё ценой больших потерь в ходе Выборгского сражения, произошедшего 22 июня 1790 года¹⁸⁶.

Планы Густава III не просто идут прахом. Он оказывается в тяжелейшем положении. Его корабельный флот уходит в Свеаборг, под Хельсинки, и тут же опять запирается русскими. Сам он со своей галерной флотилией, сильно пострадавшей при прорыве из выборгской западни, вынужден укрыться близ Роченсальма, то есть туда, где несколько месяцев назад русские одержали над шведами такую убедительную победу. Эти воспоминания и так настроения не поднимают, а тут ещё ему становится известно, что преобладающие силы противника под командованием принца Нассау-Зигена двигаются прямо на него с явным намерением довершить разгром. У нашего галерного флота преимущество, почти подавляющее: 20 фрегатов, 15 средних кораблей, 23 галеры, 77 боевых шлюпов и не менее десяти вспомогательных кораблей. В распоряжении Густава 6 фрегатов, 16 галер и 154 боевых шлюпа¹⁸⁷. (По другим данным, у нас было 230 кораблей, а у шведов – 190¹⁸⁸.) Наступает самый драматичный момент войны, и победа русских поставила бы жирный крест не только на ней, но, возможно, и на правлении самого короля.

Вот как описывает настроение в шведском лагере – да и вообще в стране – очевидец тех событий майор Казалёс (вполне возможно, француз): «По поспешном отступлении шведского флота из Выборгского залива и по удалении короля со всем гребным флотом в Свенскзундскую бухту [так он, на шведский манер, называет Роченсальм], монарх /.../ находился /.../ в самом ужасном, самом жалком положении. Корабельный шведский флот уже не был в состоянии держаться на море: остатки его искали убежища в Свеаборге; он не мог более сопротивляться грозным, опасным предприятиям русских. В Стокгольме и во всей Швеции господствовал дух партий, видимо клонившийся на сторону прежней конституции и только выжидавшей удобной для восстания минуты. Вся нация была потрясена горем и негодованием по случаю гибели драгоценного флота, оснащение которого увеличило государственный долг на несколько миллионов. Самого короля преследовал соединённый русский гребной флот /.../ под начальством принца Нассау, который теперь как бы осаждал короля в Свенскзундской бухте. Крайняя опасность грозила Густаву, и никогда не приходилось ему трепетать так за свою независимость и своё достоинство, как в эти дни. Он это знал»¹⁸⁹. Лучше не скажешь! К этому стоит добавить, что для полного переоснащения шведских флотов (только флотов, без армии!) потребовалось бы тогда около 40.000 человек, то есть «две трети всей живой силы государства»¹⁹⁰ (думаю, имеется в виду «боеспособное», мужское население страны). Судите сами, возможно ли такое...

¹⁸⁵ См. Википедию, статью «Круз, Александр Иванович».

¹⁸⁶ См. Википедию, статью «Выборгское морское сражение».

¹⁸⁷ См. Википедию, статью «Второе Роченсальмское сражение».

¹⁸⁸ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 259.

¹⁸⁹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 261.

¹⁹⁰ Цит. по: Альманах североевропейских и балтийских исследований, выпуск 1, Петрозаводск, издательство ПетрГУ, 2016, статья Юсси Т. Лаппалайна «Война Густава III, 1788–1790», стр. 55.

Но слушайте дальше: «Незабвенною осталась мне беседа с ним в Свенскзунде /.../ 27 июня /.../. В этот день он был /.../ уныл и задумчив. Я не находил в чертах его того обычного выражения весёлости, той привлекательной беспечности и уверенности, которая была так свойственна ему, что не покидала его даже посреди грозной опасности /.../. Он подошёл ко мне со словами: ‘Никогда ещё, в самых бедственных обстоятельствах моей жизни, я не ощущал беспокойства, подобного нынешнему; стоит проиграть ещё *это* сражение, канун которого мы переживаем, и всё погибло – и флот, и венец мой’»¹⁹¹.

Вечером накануне битвы Густав собирает военный совет. Мнение участников однозначно: от боя уклониться и отступить на восток, иначе поражение неизбежно. Выслушав подчинённых, король, однако, говорит: «На что я однажды решился, то и хочу»¹⁹². И отдаёт приказ готовиться к бою.

Принц начинает наступление с попутным ветром рано утром 28 июня, в 28-ю годовщину коронации Екатерины Великой¹⁹³ (занятая игра цифр). Таким образом он собирается преподнести ей роскошный подарок: разгром шведов и взятого в плен Густава III – он даже заготовил для него на своём корабле, фрегате «Екатерина»¹⁹⁴ (!), отдельную каюту¹⁹⁵. (Невольно вспоминаются наступившие в нашей стране через 150 лет коммунистические времена, когда к каждой годовщине революции Родине, то есть, если призадуматься, никому, делались «трудовые подарки».)

Но всё идёт наперекосяк с самого начала. Нассау-Зиген решает атаковать без предварительной разведки, с хода, но на смерть усталые русские гребцы с трудом ворочают тяжёлые вёсла. К тому же среди них много новобранцев – недавних крестьян, которые до этого моря в глаза не видывали¹⁹⁶. В результате в беспокойных водах галеры, ломая вёсла, сталкиваются друг с другом и с трудом держат строй. Шведы же извлекли уроки из своего прошлогоднего поражения и завалили все опасные места затопленными кораблями так, что расчистить всё это в ходе боя не было никакой возможности. Поэтому принц и решает напасть не с севера, как в прошлом году, а, наоборот, с юга, откуда тогда наступал генерал-майор Балле. Но его встречают неприятельские корабли, ещё ночью выстроившиеся в боевой порядок. Король, стоя в шляпке, лично отдаёт приказания.

Примерно в половине десятого утра русский левый фланг открывает огонь¹⁹⁷, и стрельба вскоре становится всеобщей. Ветер крепчает, и это оказывается на руку шведам: морское волнение мешает нашим кораблям прицеливаться, а вот неприятель, стоя в глубине бухты и к тому же прячась за шхерами, наоборот, бьёт метко.

Русские же ядра причиняют шведам не много вреда. Постепенно всё усиливающийся ветер сносит нашу флотилию вправо, боевой строй окончательно ломается. И тут наступает решающий момент: около четырёх часов дня отряд шведских канонерских лодок (небольших судов с пушками на борту) скрытно заходит по мелководью к нам справа в тыл. Нассау-Зиген ещё не думает о поражении, но понимает серьёзность ситуации и командует своему правому флангу атаковать неприятеля. Часть русской флотилии подаётся назад, наш левый фланг, видя это, думает, что дан сигнал к общему отходу, и начинает отступление. К этому времени ветер

---

¹⁹¹ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 261–262.

¹⁹² Цит. по: *op. cit.*, стр. 262.

¹⁹³ См. Википедию, статью «Екатерина II».

¹⁹⁴ А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 264.

¹⁹⁵ К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 522.

¹⁹⁶ Альманах североевропейских и балтийских исследований, выпуск 1, Петрозаводск, издательство ПетрГУ, 2016, статья Юсси Т. Лаппалайнена «Война Густава III, 1788–1790», стр. 55.

¹⁹⁷ *Op. cit.*, стр. 62.

ещё более усиливается и дует нам в спину, то есть гонит корабли на неприятеля. Борьба со стихией превращается в полную сумятицу.

Многие наши матросы сражаются с редким упорством и даже отчаянием. Где-то к половине девятого вечера, когда судьба сражения уже решилась, в полном окружении оказывается русский гребной фрегат «Святой Николай». Его экипажу вроде бы ничего не остаётся как сдаться, но капитан корабля англичанин по фамилии Маршал восклицает: «Мне не пришлось подать вам пример, как должно побеждать, так я покажу, как следует погибать!»¹⁹⁸ и со знаменем в руках бросается с борта в воду. Вскоре менее чем за минуту море проглатывает фрегат, и вместе с ним под воду уходят 450 наших моряков¹⁹⁹, которые предпочли смерть плену. Шведы потом подбирают лишь одного офицера и одного хирурга²⁰⁰.

Принц понимает, что это разгром. Он бросает свой корабль, спускается в шлюпку и направляется к берегу. Ветер усиливается до штормового. Наступает темнота, и к одиннадцати вечера стрельба затихает.

Густав III следит за битвой с небольшого островка-шхеры. Вокруг на огромных волнах качаются обломки русских и шведских кораблей, небо озаряется пламенем горящих судов, на берег выбрасывает трупы убитых. На остров свозят раненых с обеих сторон. Король ходит среди стонущих окровавленных людей и понимает, что сражение скорее всего выиграно. Он садится на камень, подпирает головой руку, смотрит то на бушующее море, то на предрассветное небо, то на плавающие в отдалении корабли. «Лучше всего было бы для нас, – задумчиво произносит он, – если бы переменился ветер, чтобы облегчить русским отступление; этот народ ведь не захочет сдаться; он будет отчаянно бороться, и Бог знает, что тогда выйдет: отчаяние часто бывает последним спасением побеждённых»²⁰¹. Да-а-а, даже после победы шведский король опасается своего уже поверженного противника.

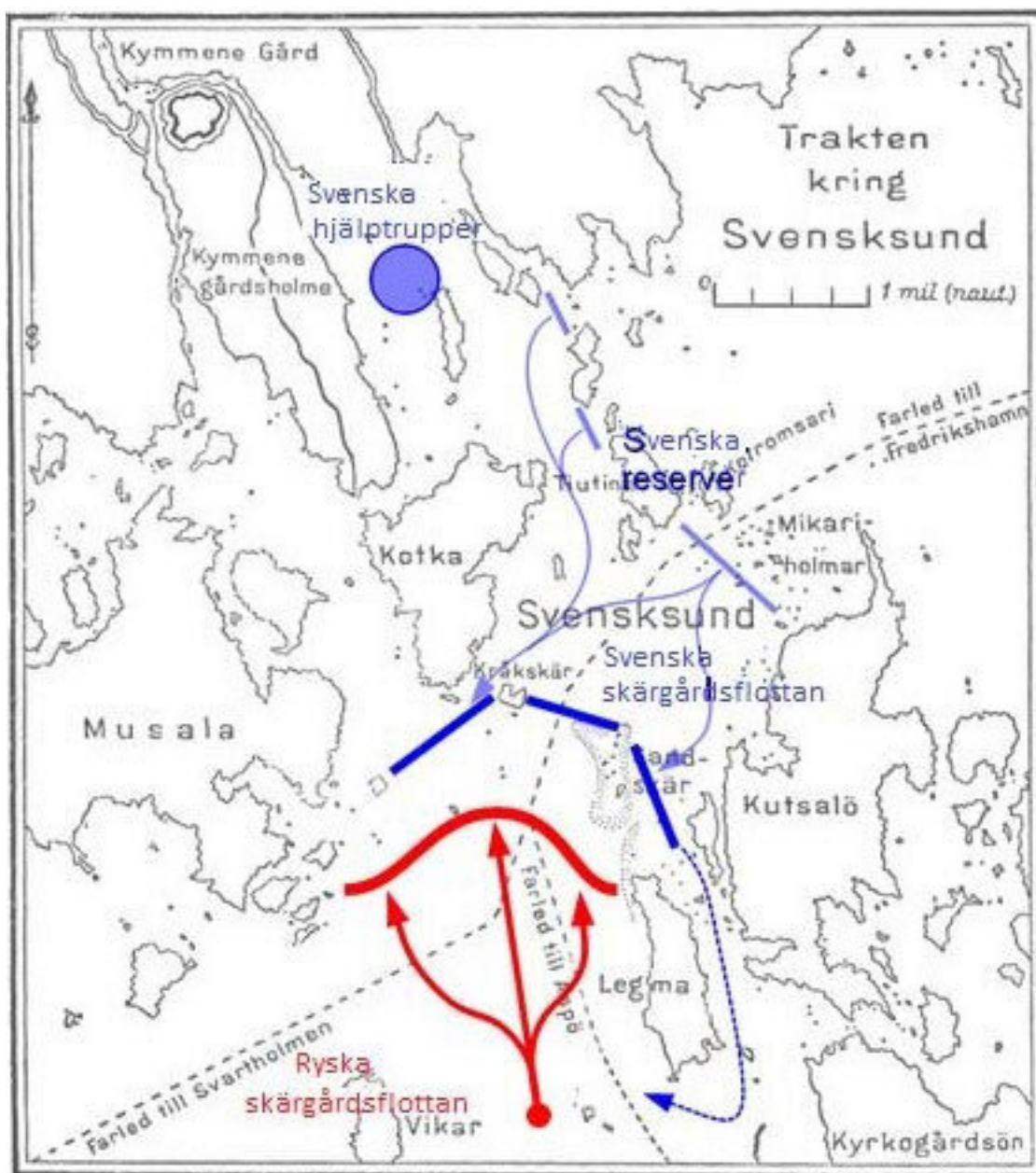
---

¹⁹⁸ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 264.

¹⁹⁹ См. Википедию, статью «Slaget vid Svensksund» (на шведском языке).

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 266.

Второе Роченсальмское сражение (28–29 июня 1790 года). Красным цветом показано расположение и действия русского флота, синим – шведских сил

В половине третьего ночи наш флот предпринимает последнюю отчаянную попытку спастись. Отдаётся приказ взять корабли на буксиры и оттащить их, наконец, от сеющих смерть шведских судов. Но сильный ветер превращается уже в ураган, наши фрегаты да галеры оказываются плотно прижатыми к шведам, и король даёт сигнал к всеобщей схватке. К десяти утра бой завершается. Русский флот теряет 63 корабля, в том числе и флагман «Екатерину»²⁰², 1.400 пушек, шесть тысяч человек сдаются в плен²⁰³ (не все, как вы видите, последовали героическому примеру экипажа фрегата «Святой Николай»). Сам Нассау-Зиген лишь чудом избегает смерти. Видевший его в этом бою очевидец вспоминал, что принц руководил сражением, «выставляясь напоказ в своём белом мундире и голубой орденской ленте [ордена Андрея Первозванного],

²⁰² См. Википедию, статью «Второе Роченсальмское сражение».

²⁰³ К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 523.

крича, волнуясь, с пистолетом в одной руке и саблей в другой, переезжая от одной линии к другой на пёстрой шлюпке, где у вёсел сидело восемнадцать гребцов – тоже все в белом, с оранжевыми поясами»²⁰⁴.

Шведский же король спасает себя, своё правление, своё королевство и исход войны. Неминуемая, казалось бы, общая военная катастрофа неожиданно-негаданно превращается в ничью, и чуть больше месяца спустя на финском хуторе Вярля подписывается мирный договор, вошедший в нашу историю под названием Вёрельского²⁰⁵. Единственным важным для Густава его достоинством является то, что Россия прекращает играть роль гаранта неизменности шведской формы правления. Ну, что ж: по его мнению, это стоит сотен (а может быть и тысяч) жизней его подданных – погибших, замёрзших и утонувших в ходе боевых действий.

От себя же я замечу, что в этой войне лучшие военные силы, которые только смогла собрать Швеция, воевали – причём под личным командованием короля (на суше) и его брата (на море) – с довольно посредственными войсками России, которые Екатерина II к тому же наспех наскребала буквально с миру по нитке, поскольку всё самое достойное было брошено далеко на юг, против турок. И несмотря на это шведы едва-едва ушли от общего военного поражения. Даже на море, где их флот традиционно доминировал над нашим, он – несмотря на триумфальный заключительный аккорд – в целом проявил себя совершенно неубедительно. После этой войны Стокгольм больше заирать нашу страну не будет, в 1808–1809 годах потеряет в очередном конфликте с Россией Финляндию, а с 1814 года и вовсе станет придерживаться политики нейтралитета²⁰⁶.

Но пока Густав III с большой помпой возвращается в Стокгольм, где в честь победы при Свенскюнде (напомню, что шведы называют Роченсальм именно так) организуются пышные празднества. Чеканится специальная памятная медаль. Захваченные русские знамёна торжественно вносятся в главную церковь города – Стурцюркан. Их около шестидесяти (сейчас они хранятся в стокгольмском музее армии)²⁰⁷. В 1808 году, к 62 годовщине со дня его рождения (короля уже давно нет в живых: его убивают в результате заговора в 1792 году) рядом с королевским дворцом возводится памятник (он стоит на этом месте до сих пор), на постаменте которого выбивается: «Королю Густаву III, законодателю, победителю, миротворцу от жителей Стокгольма. MDCCXC»²⁰⁸ (эта римская цифра означает год 1790-й). К столетней годовщине сражения также в центре Стокгольма, на острове Шэппсхольмен, устанавливается так называемый Свенскюндский камень, вокруг которого разбивается Свенскюндский парк²⁰⁹. А в 1972 году улица, ведущая к нему, получает название Свенскюндсвэген, то есть Свенскюндская улица²¹⁰. Похожий памятник стоит и в городе Уппсала²¹¹, примерно в 60 километрах к северо-западу от Стокгольма. Этой битве посвящено в Швеции множество художественных полотен, стихотворений, романов и т. д.

Россия тоже помнит своих погибших героев. В 1998 году на юго-западной оконечности финского острова Куусинен, примерно в 20 километрах к востоку от Котки, был установлен памятник русским морякам, павшим в ходе Первого и Второго Роченсальмских сражений²¹². Его автором является известный советский скульптор Михаил Константинович Аникушин²¹³.

²⁰⁴ Цит. по: *op. cit.*, стр. 524.

²⁰⁵ См. Википедию, статью «Верельский мирный договор».

²⁰⁶ См. Википедию, статью «Neutralitet» (на шведском языке).

²⁰⁷ См. <https://www.shipmodeling.ru/content/structure/detail.php?ID=10057>.

²⁰⁸ См. Википедию, статью «Gustav III (staty)» (на шведском языке).

²⁰⁹ См. Википедию, статью «Slaget vid Svensksund» (на шведском языке).

²¹⁰ См. там же.

²¹¹ См. там же.

²¹² См. там же, а также Википедию, статью «Kuusinen (saari Kotkassa)» (на финском языке).

²¹³ См. Википедию, статью «Аникушин, Михаил Константинович».

Это скорбящая женщина, простирающая к морю, в направлении произошедших битв, руки с венками:

Не забыт и героически погибший «Святой Николай». В 1948 году прямо на месте сражения, на глубине 16 метров был обнаружен его довольно хорошо сохранившийся корпус. В течение длительного времени финские водолазы совместно со шведскими, а потом и российскими учёными исследовали его, извлекли на поверхность около 2.300 исторических предметов и большое количество оружия (многое хранится недалеко от места находки, на острове Вáри-саари²¹⁴). А в 1975 году с морского дна были подняты останки погибших русских моряков и в присутствии министра культуры Финляндии перезахоронены на православном кладбище у церкви святого Николая в Котке²¹⁵.

А что же наш принц Нассау-Зиген? Своим разгромным поражением он просто убит и отсылает Екатерине все пожалованные ему российские ордена и знаки отличия. Но императрица велит их вернуть, написав ему в личном письме: «Я не забыла, что вы семь раз были победителем на юге и севере. /.../ Вы мне служили, служите ещё и впредь будете служить /.../²¹⁶». Это, однако, не помогает. При дворе авторитет адмирала резко падает, ему припоминают всё его высокомерие и заносчивость и даже именуют «предателем и мошенником»²¹⁷. Не исключено, что до него доходят и строки из письма Густава III, в котором тот называет Второе Роченсальмское сражение «горьким уроком для хвастливого Нассау»²¹⁸. Всего этого гордый

---

²¹⁴ См. <https://www.shipmodeling.ru/content/structure/detail.php?ID=10057>.

²¹⁵ См. Википедию, статью «Второе Роченсальмское сражение», а также <https://sinkov.livejournal.com/160063.html>.

²¹⁶ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 270.

²¹⁷ Цит. по: К. Валишевский «Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I; Полное издание в одном томе», М., издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014, стр. 523.

²¹⁸ Цит. по: А.Г. Брикнер «Война России со Швецией в 1788–1790 годах», М., издательство «ЛЕНАНД», 2016, стр. 272.

аристократ снести не может, после заключения мира со шведами просится в отставку, но Екатерина в ней отказывает. Принц загорается было организацией антибританской экспедиции в Индию, но Потёмкин поднимает этот план на смех, да и отношения с Великобританией более или менее налаживаются. Тогда Нассау-Зиген просится в отпуск, получает его и отправляется за границу, где вскоре оказывается при дворе короля Пруссии Фридриха Вильгельма II. Ему он помогает в (неудачном) подавлении польского восстания в 1794 году (с этим справится в октябре того же года знаменитый Суворов), потом уезжает в Венецию, пытается устроиться на испанскую военную службу, получив отказ, перебирается к жене в Польшу, оттуда прибывает было в 1795 году в Санкт-Петербург, но Екатерина встречает его холодно. Он снова колесит по Европе, некоторое время задерживается во Франции, но в конце концов, уже после смерти императрицы, возвращается в Россию, живёт на территории современной Украины, занимается сельским хозяйством (!) и здесь же в возрасте 65 лет умирает²¹⁹.

В общем, в отличие от уже известного нам Пирса Ласси, Нассау-Зиген к России относился исключительно как к средству получения славы и построения собственной военной карьеры. Подчиненные были для него лишь расходным материалом, и он без каких-либо эмоций жертвовал ими как в случае побед, так и в случае поражений. Хотя, надо сказать, в бою сам показывал отчаянную храбрость и презрение к смерти.

А ещё принц был первым владельцем легендарной Массандры после присоединения Крыма к России. Есть версия, что именно он впервые оценил качество местной почвы и выпил из Франции для высадки в неё виноградные лозы²²⁰.

Правда, для русских солдат, отдававших свои жизни во имя славы не говорившего на их языке командира-иностранца, это всё мало что значило...

---

²¹⁹ См. Википедию, статью «Нассау-Зиген, Карл Генрих».

²²⁰ См. там же.

Крымская война (1853–1856 гг.)

*.../ международная бойня, осуществляемая на редкость некомпетентными людьми.
Эрик Хобсбаум²²¹*

Этот военный конфликт, в котором против России выступила коалиция в составе Великобритании, Франции, Турции, а потом и небольшого (и несуществующего сегодня) европейского государства, называвшегося Сардинским королевством, занимает особое место не только в нашей, но и в мировой истории. В ходе неё многое происходило впервые.

Впервые военные действия велись по-настоящему в глобальном масштабе – на Чёрном и Азовском морях, на Балтике, на Русском Севере и даже на Камчатке. Впервые была произведена десантная операция таких грандиозных масштабов. Впервые было продемонстрировано, что решающую роль в победе в войне играет не доблесть солдата, не таланты военачальников (таковыми командующие армиями похвастаться не могли – что с нашей стороны, что со стороны союзников) и даже не технический уровень вооружений, а экономическая мощь противоборствующих сторон и способность организовать управление – и особенно снабжение – огромных масс войск всем необходимым. А ещё она стала первой войной, запечатлённой на фотографиях, а также первой войной, на которой присутствовал военный корреспондент, причём благодаря телеграфу общественность оперативно получала соответствующую информацию в первую очередь из газет, а не от военных – что их очень печалило. (В скобках следует сказать, что именно тогда со стороны наших противников впервые была применена массовая дезинформация населения – предшественница того, что мы сегодня называем пропагандой и информационной войной.)

Именно в ходе Крымской войны появился первый санитарный поезд²²², а также сёстры милосердия – в коммунистическом Советском Союзе их назовут санитарками – мужественные женщины, которые, имея зачастую лишь самое приблизительное медицинское образование, оказывали под вражеским огнём первую врачебную помощь истерзанным мужчинам. Впервые в это время в военных целях стали регулярно составляться прогнозы погоды и, наконец, в ходе данной войны были изобретены сигареты – солдатами, на полях сражений.

Для нашей же страны Крымская война стала уникальной тем, что в ней она в одиночку сражалась чуть ли не со всем миром: прямые военные действия велись с самыми мощными державами того времени, Великобританией и Францией, при том что два других европейских лидера – Австрия и Пруссия, – формально объявив нейтралитет, занимали по отношению к России откровенно враждебную позицию (особенно Австрия). Единственной страной, которая искренне оказывала нам тогда поддержку, были – как ни удивительно это звучит сегодня – Соединённые Штаты Америки.

Ещё одним значимым моментом той войны стала последняя в нашей истории победа в крупном морском сражении, когда русский флот под командованием тогда ещё вице-адмирала, легендарного Павла Степановича Нахимова сжёг флот турецкий, спрятавшийся в бухте своей же военно-морской базы Синоп.

Можно с уверенностью утверждать, что с самого начала наши шансы на победу в той войне были, прямо скажем, невелики, и тот факт, что поражение произошло лишь почти ровно через два года²²³, не в последнюю очередь следует отнести на счёт невероятной стойкости и

---

²²¹ Эрик Джон Эрнест Хобсбаум (1917–2012), британский историк; цит. по: А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»», 2014, стр. 253.

²²² См. Википедию, статью «Балаклавская железная дорога».

²²³ Этот срок я считаю от вступления в войну Великобритании и Франции (27 марта 1854 года) до подписания Парижского

массового героизма русских солдат – к которым следует отнести и множество офицеров, а также ряд адмиралов и генералов, своим самопожертвованием долгое время исправлявших ляпы высших командиров.

Этот конфликт часто называют Восточной войной, особенно на Западе, поскольку поводом для него послужил ничтожный, в общем-то, спор, особенно с высоты нашего XXI века. Россия и Франция вели ожесточённую перепалку по поводу того, какая церковь – католическая или православная – будет владеть ключами от храма в небольшом городке Вифлеем, выстроенного на месте, где якобы родился Иисус Христос. Сейчас Вифлеем располагается на территории Израиль, а тогда эти земли были во владении Турции, поэтому право решения по данному вопросу, естественно, принадлежало турецкому султану, на которого всюду давили конфликтующие друг с другом императоры: французский Наполеон III и русский Николай I. Как бы то ни было, находился этот городок на Востоке, так что и соответствующий спор был назван «восточным вопросом» (у этого термина есть и более широкое толкование: решение судьбы Турции, проливов, ведущих из Средиземного моря в Чёрное, и т. д.). Сегодня разве что с улыбкой можно читать, как по поручению султана турецкие мудрецы обсуждали «важнейшие» моменты, так беспокоившие две европейские империи: позволительно ли католическим священникам иметь, так же как и православным, свой ключ от этой церкви, а если позволительно, то можно ли им вставлять его в замок, а если и это позволительно, то могут ли они его в замке ещё и повернуть²²⁴, и т. д. Но закончилось-то всё в конце концов совсем не смешно: разразилась война, которую на Западе из-за «восточного вопроса» Восточной и прозвали.

На самом деле все эти мелочи причиной военных действий, конечно же, не являлись. Николай I полагал, что Турция вот-вот развалится и её поэтому нужно заранее поделить между ведущими европейскими державами²²⁵, причём под контроль России должны перейти многие территории, на которых живут люди православной веры. Руководство Великобритании боялось таких планов как огня, так как считало, что русские в конце концов захватят те самые проливы – Босфор и Дарданеллы, что негативно скажется на английской торговле и вообще слишком усилит нашу страну. Наполеон III пришёл к власти в результате военного переворота, чувствовал себя на троне не совсем уверенно и полагал, что быстрая победоносная война поможет ему укрепить свои позиции внутри Франции. К тому же, будучи племянником великого Наполеона Бонапарта, он жаждал взять у России реванш за катастрофу 1812 года. Слабая же Турция хотела только одного: чтобы её оставили в покое. Но поскольку наиболее жёстко на неё напирал Николай I, то его она боялась больше всего и с удовольствием ухватилась за возможность отбиться от грозного соседа с помощью европейцев.

Так что бытующее у нас мнение, что в той войне Россия была невинной жертвой зарубежных хищников, совершенно не соответствует действительности. Русский император приложил немало усилий для того, чтобы развязать этот конфликт. Правда, он рассчитывал воевать со слабой Турцией, но неожиданно-негаданно оказался перед лицом мощной коалиции, в решающий момент посчитал недостойным для себя идти на дальнейшие компромиссы и в конце концов потерпел поражение. Ну, а о двуличной роли Франции и особенно Великобритании, которая исподтишка всюду подталкивала Турцию на конфликт с Россией, сказано у нас предостаточно, да это и не является темой моего эссе.

Я хочу рассказать про три эпизода Крымской войны: оборону Одессы в апреле 1854 года, оборону Петропавловска на тихоокеанском побережье Сибири (тогда он Петропавловском-Камчатским ещё не назывался) в августе 1854 года и, естественно, оборону Севастополя,

---

договора, юридически зафиксировавшего окончание Крымской войны (30 марта 1856 года), – здесь и далее даты приводятся по новому стилю, если не оговаривается иного.

²²⁴ А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом 'Амфора'», 2014, стр. 127.

²²⁵ См. Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 1, стр. 144 и 146.

длившуюся с сентября 1854 по сентябрь 1855 года. Эти эпизоды оказали на ход войны совершенно разное влияние, но объединяет их одно: союзники добились своего, но оказанное им сопротивление было безо всякого преувеличения героическим и достойным нашей с вами гордости и глубокого уважения.

Сразу же поясню. В моём рассказе будут употребляться такие термины как «рота», «батальон», «полк» и «дивизия». Так вот русская пехотная рота насчитывала в те времена около 250 человек²²⁶. Четыре пехотных роты составляли пехотный батальон, то есть примерно 1.000 человек²²⁷. Четыре пехотных батальона составляли пехотный полк²²⁸, то есть порядка 4.000 человек. Четыре пехотных полка составляли пехотную дивизию²²⁹, то есть 16.000 человек. Были ещё кавалерийские подразделения – корпуса, дивизии, эскадроны, сотни и т. д., артиллерийские – бригады, дивизии, батареи и т. п., но это в данном случае информация второстепенная.

А вот теперь поехали и начнём с того, что первые выстрелы Крымской войны прозвучали где угодно, то только не в Крыму – на Кавказе, у берегов Турции, в нынешней Румынии, на Балтике и т. д. И из интересующих нас событий первые произошли у Одессы.

Оборона Одессы (22 апреля 1854 г.)

Вообще-то, то, что произошло в тот день у берегов этого города, обороной можно назвать с трудом: уж больно неравными были силы противоборствующих сторон.

Франция и Великобритания объявили войну России одновременно: 27 марта 1854 года, и вечером 20 апреля их объединённый флот в составе 28 кораблей²³⁰ появляется у берегов Одессы и встаёт на якорь в трёх километрах от города. На следующий день в четыре часа пополудни возглавляющий союзную эскадру французский адмирал Фердинан Гамелён²³¹ (строго говоря, его фамилия читается как «Хамелан») направляет русскому командующему генералу Дмитрию Ерофеевичу Остен-Сакену ультиматум: мол, 6 апреля одна из одесских береговых артиллерийских батарей обстреляла английское судно, поднявшее парламентёрский белый флаг, чем нарушила международное право и нанесла оскорбление британской стороне. В связи с этим союзникам должны быть переданы все находящиеся в порту русские (а также почему-то английские и французские) корабли²³². Иначе – бомбардировка.

Барон Остен-Сакен был офицером опытным и доблестным. К тому времени ему уже исполнилось 60 лет (а через три дня, 24 апреля, он преподнесёт себе на собственный шестьдесят первый день рождения отличный подарок – отражение нападения союзников). Первый боевой опыт он получил ещё во время наполеоновских войн, в 1805 году, участвовал в Бородинском сражении, во взятии Парижа, в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, во многих других кампаниях. К тому времени Дмитрий Ерофеевич был награждён чуть ли не всеми высшими орденами Российской империи, несколькими иностранными и неизменно проявлял в бою, как тогда выражались, «отличную храбрость»²³³. Ни о какой сдаче он, естественно, и не думает, и вообще говорит, что на такие дерзкие требования даже отвечать не станет²³⁴. Хотя противопоставить врагу одесский гарнизон может силы очень скромные.

---

²²⁶ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 383.

²²⁷ Там же; Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 112.

²²⁸ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 112.

²²⁹ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 383.

²³⁰ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 1, стр. 7.

²³¹ См. Википедию, статью «Гамелен, Фердинанд Альфонс».

²³² Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 7.

²³³ Цит. по: Википедия, статья «Остен-Сакен, Дмитрий Ерофеевич».

²³⁴ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 7.

В распоряжении Остен-Сакена было 90 офицеров и чуть более 2.800 нижних чинов²³⁵, на шести слабо укрепленных батареях стояли 40 чугунных устаревших пушек²³⁶. Было ещё 76 так называемых полевых орудий, то есть применяемых в сухопутных сражениях, но они по понятным причинам были гораздо менее мощными и имели дальность стрельбы, уступающую не только противнику, но и собственным береговым батареям. Но почему оборона была такой слабой? Да потому что, в отличие от Севастополя, Одесса была городом не военным, а торговым.

Против неё же действовали девять неприятельских пароходов (четыре французских и пять английских²³⁷), вооружённых примерно 310 современными орудиями²³⁸, большинство из которых могло прицельно стрелять с расстояния двух километров²³⁹. Так что учитывая, что корабли эти одновременно могли производить выстрелы лишь с одного борта, уменьшим эту цифру на два и получим 155 против наших – старых и маломощных – ста шестнадцати.

Так что же такого ужасного произошло 6 апреля 1854 года, что это стало поводом для бомбардировки мирного, в общем-то, города? Предоставим слово одному из выдающихся героев обороны Севастополя Эдуарду Ивановичу (Францу Эдуарду Графу фон) Тотлебену, о котором я ещё буду много рассказывать: «Английский паровой фрегат ‘Фьюриос’ был послан в Одессу, чтобы принять английского консула и живших там великобританских подданных. Остановленный двумя холостыми выстрелами вне пушечного огня, фрегат поднял свой национальный флаг и спустил шлюпку, которая под парламентёрским [то есть белым] флагом приблизилась к молу²⁴⁰. Получив в ответ, что великобританский консул уже уехал, эта шлюпка возвращалась к фрегату, но тот, не ожидая её, направился ей навстречу и стал приближаться к батарее на расстояние менее пушечного выстрела. Кажется, что фрегат делал промеры [глубин]. Командир батареи на моле, исполняя в точности приказание не допускать неприятельские суда ближе пушечного выстрела, открыл по фрегату огонь, чем и заставил его отойти на расстояние пушечного выстрела»²⁴¹. Как видим, никакой пальбы по «парламентёрскому» фрегату не было просто потому, что на нём был поднят флаг Великобритании (а по шлюпке никто и не стрелял). Конечно, можно сказать, что здесь приводится версия российской стороны, но я не знаю ни одного исследователя, в том числе иностранного, который бы усомнился в честности и объективности труда Эдуарда Ивановича, который я только что процитировал.

Как бы то ни было, командование союзной эскадры предпочло деталями этого инцидента не заморачиваться и перешло от слов к делу. Занятно, кстати, ознакомиться с описанием этой операции английским военным историком и крупным теоретиком военно-морского искусства, вице-адмиралом британских военно-морских сил (который, между прочим, участвовал в боевых действиях Крымской войны на Балтике) Филипом Ховардом Коломбом²⁴²: «Переходим к /.../ нападению на территорию с моря – к бомбардировке фортов Одессы /.../. Цель демонстрации /.../ была карательная. /.../ британским парходам с /.../ французскими было поручено наложить некоторое наказание не на город или его суда, но на форты, защищавшие город, на правительственные суда и правительственные склады»²⁴³. Как видите, британский историк

²³⁵ С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 71.

²³⁶ См. Википедию, статью «Бомбардировка Одессы (1854)».

²³⁷ См. там же.

²³⁸ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 7–8.

²³⁹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 53.

²⁴⁰ Мол (от латинского «moles», то есть «насыпь») – гидротехническое сооружение, призванное защитить стоящие в порту корабли, а также портовые постройки от штормов; одним концом примыкает к берегу и зачастую имеет форму полукруга (см. Википедию, статью «Мол»).

²⁴¹ Цит. по: Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 91.

²⁴² См. Википедию, статью «Philip Howard Colomb» (на английском языке)

²⁴³ Цит. по: С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 72.

прямо называет действия союзной эскадры «карательными», но мне в этой связи интересно, а как с расстояния двух километров можно было отличить «правительственные» суда от «городских» и определить, кому – государству или частным лицам – принадлежат складские помещения?

Генерал от кавалерии, генерал-адъютант²⁴⁴ барон Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (1793–1881)

²⁴⁴ Генерал-адъютант – это не генеральский чин, а в те времена скорее светский: он означал, что носящий это звание офи-

Бомбардировка началась 22 апреля 1854 года в шесть часов утра. Довольно быстро выяснилось, что береговые укрепления Одессы, построенные тридцать лет назад то ли артиллерийским, то ли кавалерийским (!) полковником, никуда не годятся. Более того, оказалось, что и расположены они неудачно: рельеф дна за истекшие годы сильно изменился, и там, где наши карты показывали мелководье (1,3–1,8 метра), реальная глубина оказалась в два с лишним раза больше – 3,7–4,9 метра²⁴⁵, так что корабли противника могли приблизиться к берегу там, где их не ждали, и куда береговые орудия просто не могли стрелять – это ведь не полевая артиллерия, которую взял да и перевёз на более удобную позицию. Так что к полудню пять наших батарей, орудия которых едва доставали до кораблей противника, замолчали, и бой продолжала вести лишь батарея № 6, стоявшая на левом моле и довольно далеко выдвинутая вперёд в море. На неё-то и обрушился основной удар: обстрел вели сразу восемь пароходов и линейный винтовой корабль.

Командовал там совсем молодой прапорщик Александр Щёголев, которому всего-то был 21 год. Он окончил Кадетский корпус²⁴⁶ менее года назад, и этот бой стал для него первым в жизни. В распоряжении молодого человека были четыре 24-фунтовые пушки, что означало, что они стреляли ядрами весом примерно 12 килограммов²⁴⁷, в то время как только на одном из неприятельских кораблей, английском фрегате «Тэррибл», было восемь орудий, стрелявших ядрами весом около 31 килограмма²⁴⁸. К тому же одна «щёголевская» двадцатичетырёхфунтовка была поставлена так, что её амбразура препятствовала обстрелу вражеских судов, выдвинувшихся на ударные позиции. Почти сразу же одно орудие было подбито, с течением времени замолчали ещё два, но последнее продолжало упорно отстреливаться практически до последних минут бомбардировки. Уже после ухода союзников очевидец, посетивший эту батарею, так описал увиденное: «/.../ внутри – зола, обгоревшие брёвна, следы ударов бомб, избитые колёса [пушек] и лафеты, тела четырёх пушек, лежащие на земле. Я молча снял шапку и, перекрестившись, поклонился чуждому месту, на котором русский подпоручик²⁴⁹ сражался с англо-французской эскадрой»²⁵⁰.

цер входил в свиту императора России и мог обращаться к нему напрямую, минуя своих прямых начальников (см. Википедию, статью «Генерал-адъютант»).

²⁴⁵ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 53.

²⁴⁶ С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 77.

²⁴⁷ Русский артиллерийский фунт был равен 0,4914 кг (см. Википедию, статью «Фунт /единица измерения/»).

²⁴⁸ См. Википедию, статьи «HMS Terrible (1845)» и «68 pounder gun» (обе – на английском языке).

²⁴⁹ Здесь неточность: Щёголев был прапорщиком.

²⁵⁰ Цит. по: С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 53.

Прапорщик Александр Петрович Щёголев (1832–1914)

А я представил себе почти мальчика, никогда не бывавшего в бою, осыпаемого в течение двенадцати с половиной (!) часов градом снарядов и при этом до последней возможности командовавшего артиллерией, во много раз уступающей и по количеству, и по своей мощи более чем ста орудиям девяти вражеских кораблей, залпами бивших по его батарее прямой наводкой.

Канонада прекратилась в 17–30, а на следующий день союзная эскадра снялась с якоря и скрылась за горизонтом. В соответствии с рапортом французского адмирала, в ходе обстрела

были сожжены 53 городских и портовых сооружения, потоплены 53 парусных судна, 3 парохода, 5 черпательных машин, разгромлены открытые склады и уничтожено большое количество (?) другого имущества²⁵¹. Уже только из этого документа видно, что реально никакого различия между «правительственными» и «городскими» целями союзники не делали. А ведь только фрегат «Тэррибл» выпустил по городу 572 заряда²⁵². Впоследствии участник Крымской войны английский генерал Джон Фокс Бёргойн²⁵³ прямо признает, что, разрушая береговые укрепления Одессы, англо-французская эскадра била и по мирному населению²⁵⁴.

Союзники праздновали первую победу. Но такой ли уж убедительной она была? Да, нашим береговым батареям был нанесён существенный – но не критический – ущерб. А знаете, каковыми были русские потери? Четверо убитых и 46 раненых²⁵⁵! Почти столько же, сколько и у англичан с французами: тоже четверо убитых, хотя и всего 14 раненых²⁵⁶. К тому же, даже по французским данным, повреждения от русских артиллеристов получили фрегаты «Вобан» и «Сампсон»²⁵⁷, причём «Вобану» с расстояния 1.600–1.800 метров – долетали всё же наши снаряды до цели! – достались три ядра в колёса (это был колёсный пароход), он потерял управление, нарушил строй, а потом команде и вовсе пришлось тушить начавшийся пожар²⁵⁸.

А что же наш герой, прапорщик Щёголев? А он остался не только жив, но – как это ни странно – и совершенно невредим! Вскоре о его подвиге будет знать вся Россия, и заслуженные награды посыплются на парня как из рога изобилия. Сначала будет записка от главнокомандующего: «Храброму, спокойному и распорядительному Щёголеву – Спасибо. Генерал-адъютант барон Остен-Сакен. 10.04.1854²⁵⁹»²⁶⁰. Потом – личное письмо от наследника престола цесаревича Александра (будущего императора Александра II), в котором Щёголеву сообщается, что он повышен сразу на три (!) чина – до подпоручика, поручика и штабс-капитана – и, самое главное, о награждении его орденом Святого Георгия – самой престижной военной наградой империи – 4-й степени. Но и это ещё не всё: к письму прилагался данный орден, который наследник престола снял со своей груди! Вскоре молодой герой получает письмо от младшего сына императора, великого князя Михаила Николаевича, который присылает ему золотую саблю с насечкой золотыми же буквами по клинку: по одной стороне «храброму защитнику батареи № 6», а по другой – «Одесса, 10 апреля 1854 года»²⁶¹.

Александр Щёголев проживёт долгую и героическую жизнь, станет подполковником и полковником, во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов получит звание генерал-майора, будет зачислен в свиту императора, получит ещё пять российских орденов и умрёт в Москве в 1914 году в возрасте 82 лет. Такими людьми должна гордиться наша страна, и очень жаль, что сегодня его – как и многих героев сражений, произошедших до Великой Отечественной войны, – почти никто не помнит.

Что касается барона Остен-Сакена, то он за руководство одесским боем был пожалован высшей наградой Российской империи – орденом Святого апостола Андрея Первозванного, причём Дмитрий Ерофеевич, будучи человеком честным, очень религиозным и невероятно

²⁵¹ Там же.

²⁵² См. Википедию, статью «Бомбардировка Одессы (1854)».

²⁵³ См. Википедию, статью «Бергойн, Джон Фокс».

²⁵⁴ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 54.

²⁵⁵ *Op. cit.*, стр. 53.

²⁵⁶ *Op. cit.*, стр. 54.

²⁵⁷ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 8.

²⁵⁸ С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 72.

²⁵⁹ Дата приводится по-старому – «русскому» – стилю.

²⁶⁰ С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 73.

²⁶¹ *Op. cit.*, стр. 76.

совестливым, считал её чрезмерной и прямо говорил, что такого не заслужил²⁶². Вскоре он будет назначен начальником севастопольского гарнизона (ему, между прочим, будет подчиняться адмирал Нахимов), примет самое непосредственное участие в героической обороне города, некоторое время будет исполнять обязанности главнокомандующего русскими войсками в Крыму и покинет Севастополь одним из последних. В 1855 году Остен-Сакен станет графом и умрёт в 1881 году в Одессе в возрасте 87 лет, прослужив почти 74 года в офицерских чинах и 56 лет – в генеральских²⁶³. За свою долгую жизнь он примет участие более чем в 90 сражениях и стычках и при этом не получит ни одного, даже лёгкого ранения. В признание заслуг Дмитрия Ерофеевича перед Россией ему в 1909 году в Севастополе на Приморском бульваре был поставлен памятник. Но пришедшие в 1917 году к власти в нашей стране коммунисты в 1935 году его снесли и уже после окончания Великой Отечественной войны поставили на этом месте другой – девушке с веслом. Её, правда, потом тоже убрали, но вот памятник этому заслуженному человеку так до сих пор и не восстановлен²⁶⁴...

Оборона Петропавловска (18–28 августа²⁶⁵ 1854 г.)

Второе существенное столкновение союзников с Россией происходит почти в 7,5 тысячах километрах к востоку от Одессы, на тихоокеанском побережье нашей огромной страны – на Камчатском полуострове. Союзникам известно, что в данном районе находятся четыре русских боевых корабля – фрегаты «Паллада», «Диана» и «Аврора», а также корвет²⁶⁶ «Оливуца»²⁶⁷. Такое грозное соединение просто не может не начать охоту за их менее быстроходными торговыми кораблями и нанести им существенный ущерб²⁶⁸. Поэтому принимается решение нанести удар по порту их наиболее вероятного базирования – Петропавловску. Его отчаянная оборона становится одной из немногих радостных для нас страниц той войны – тем более что скромные ресурсы его защитников сильно уступали напавшей на него англо-французской эскадре. Её десант потерпел полную неудачу.

Союзники, – правда, только на следующий год, – добились-таки своего, однако ни в Лондоне, ни в Париже успех этот особого энтузиазма не вызвал. А уж про то, как русские корабли обвели вокруг пальца европейских «морских профи», в Великобритании и Франции не любят вспоминать до сих пор.

Петропавловск (с 1924 года он называется Петропавловском-Камчатским) располагается в Авачинской бухте – одной из лучших в мире, – которую в 1697 году²⁶⁹ открыли для России простые русские казаки, имён которых не сохранилось. Они основали здесь острог и с годами составили более или менее внятные карты её окрестностей. Используя их, через сорок три года в Авачинскую бухту прибывает на двух кораблях Витус Беринг, который здесь зимует и даёт

²⁶² Ор. cit., стр. 73.

²⁶³ См. Википедию, статью «Остен-Сакен, Дмитрий Ерофеевич».

²⁶⁴ <https://ok.ru/yuzhnyforp/topic/67335782362046>.

²⁶⁵ Принято считать, что оборона Петропавловска началась 18 и закончилась 24 августа; я же считаю её до 28 августа, то есть до дня, когда эскадра союзников покинула Авачинскую бухту.

²⁶⁶ Корвет (от французского «corvette», что, в свою очередь, является уменьшительной формой голландского слова «corf», то есть «небольшой корабль» – см. Википедию, статью «Corvette» /на английском языке/) – в те времена, как правило, трёхмачтовое лёгкое военное парусное судно, вооружённое 18–30 орудиями малого и среднего калибра и предназначенное для разведывательной и посыльной службы (см. Википедию, статью «Корвет»).

²⁶⁷ Назван по имени местечка Оливуца (Olivuzza), располагавшегося на Сицилии, в окрестностях Палермо, где и поныне находится вилла (только сейчас она стоит в городской черте), на которой любила отдыхать русская императорская семья (В. Рокот /В.В. Ружейников/ «Князь Русской Америки. Д.П. Макутов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 82).

²⁶⁸ Г.И. Невельской «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849-55 гг. При-Амурский и при-Уссурийский край», СПб., Русская Скоропечатня (И.С. Нахимова), 1878, стр. 349.

²⁶⁹ См. Википедию, статью «Петропавловск-Камчатский».

этому местечку имя, с небольшими изменениями дожившее до наших дней, – Петропавловский острог. Так назывались его корабли – «Святой Пётр» и «Святой Павел»²⁷⁰ (я писал об этом в эссе про Беринга).

В 1779 году²⁷¹ в бухту заходят корабли экспедиции знаменитого английского путешественника Джеймса Кука (сам он, правда, к тому времени уже погиб), а через восемь лет – не менее известный французский первооткрыватель Жан-Франсуа де Лаперуз²⁷². Так что для будущих неприятелей России в Крымской войне места эти были небезызвестны.

К 1854 году крепость имеет уже статус города, официально называется Петропавловским портом и является центром Камчатской области²⁷³. Здесь в ста шестнадцати деревянных домах проживает 1.531 человек²⁷⁴, но особым благоустройством да красотой городок не блещет, а некоторые посетители и вовсе называют его «дрянным»²⁷⁵. Но это, как говорится, дело вкуса, а вот то, что защищён он из рук вон плохо, делает задачу его обороны весьма проблематичной. Посудите сами. На начало 1854 года в Петропавловске в распоряжении первого военного губернатора Камчатской области и капитана порта генерал-майора Василия Степановича Завойко²⁷⁶ находятся лишь 283 солдата²⁷⁷ и ни одного (!) офицера²⁷⁸. Город защищают семь лёгких орудий, в том числе одно полевое, которое перевозится лошадьми²⁷⁹.

Завойко предчувствует военное столкновение с Великобританией и Францией: в марте 1854 года дружески настроенный к России король Гавайских островов Камеамеа Третий (я расскажу о нём в своём эссе про Русскую Америку) в специальном письме предупреждает его о скором начале войны. Это послание доставляет в Петропавловск американское китобойное судно²⁸⁰. (Напомню, что в тот период отношения между нашей страной и Североамериканскими Соединёнными Штатами, как называли их тогда в России, были весьма дружественными). В конце мая²⁸¹ от русского генерального консула в Сан-Франциско приходит и официальное сообщение о начале войны. Его доставляет – вместе с тремястами русскими солдатами на борту – наш военный транспортный корабль «Двин»²⁸².

---

²⁷⁰ См. Википедию, статью «Отряд Беринга – Чирикова (Великая Северная экспедиция)».

²⁷¹ См. Википедию, статью «Петропавловск-Камчатский».

²⁷² См. Википедию, статью «Jean François de Galaup, comte de Lapérouse» (на английском языке).

²⁷³ См. Википедию, статью «Петропавловск-Камчатский».

²⁷⁴ См. Википедию, статью «Завойко, Василий Степанович».

²⁷⁵ Цит. по: В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 95.

²⁷⁶ См. Википедию, статью «Завойко, Василий Степанович».

²⁷⁷ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 214.

²⁷⁸ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 96.

²⁷⁹ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

²⁸⁰ См. там же.

²⁸¹ См. там же.

²⁸² Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 214.

Петровича Максúтова²⁸⁴ с тем, чтобы тот организовал артиллерийскую защиту города, и тут же назначает его помощником капитана петропавловского порта, то есть своим заместителем. Губернатор Камчатской области ни на минуту не пожалеет о своём выборе: Максúтов внесёт очень большой вклад в дело обороны Петропавловска, а впоследствии, кстати, и вовсе будет назначен (последним) Главным правителем Русской Америки и в 1882 году выйдет в отставку с присвоением звания контр-адмирала²⁸⁵.

Молодой лейтенант – а ему всего-то 22 года²⁸⁶, – не являясь, в общем-то, профессиональным инженером-фортификатором, немедленно приступает к работе, и вскоре Завойко уже рапортует своему начальству, что порт защищают семь батарей²⁸⁷. Самая важная из них, под номером 2, располагается на низкой косе перед входом в гавань и насчитывает одиннадцать орудий, в основном 36-фунтовых, то есть стреляющих – либо прямой наводкой, либо навесом – ядрами в 17,7 килограммов²⁸⁸. Поскольку в Петропавловске такие косы назывались кошками, то и батарея получает имя Кошечной. Командовать ею поручается самому Дмитрию. Нельзя сказать, что получилась она такой уж образцовой – сам автор называет её «некрасивой и неуклюжей»²⁸⁹, но тут же пишет, что «на деле она показала свои достоинства»²⁹⁰ – и это правда. (Справедливости ради следует отметить, что целиком Максúтов построил только данную батарею: вскоре оборонительные работы возглавил прибывший на «Двине» профессионал, 26-летний инженер-поручик Константин Мровинский – между прочим, будущий генерал-майор, а также дед выдающегося советского дирижёра Евгения Александровича Мравинского²⁹¹).

Второй по мощности становится так называемая батарея № 3, командиром которой назначается старший брат Дмитрия Максúтова Александр. От также очень молод – 23 года²⁹², тоже носит звание лейтенанта и прибывает в Петропавловск чуть ли не через несколько дней после него²⁹³. Она оборудуется пятью орудиями более мелкого калибра, 24-фунтовыми, то есть стреляющими 12-килограммовыми ядрами, и призвана не допустить обстрела города с моря. И хоть и располагается она довольно высоко, но явно должна принять один из самых первых и мощных ударов противника, так что получает имя Смертельная.

А я здесь хочу особо подчеркнуть, что, так же как и в Севастополе, на строительстве оборонительных укреплений Петропавловска работали чуть ли не все пригодные для этого жители города, в том числе, естественно, и гражданские. И вновь можно лишь изумиться, как простодушно и искренне считали эти люди забытую Богом Камчатку своей, русской землей, и через несколько дней отчаянно дрались с противником, проливая за неё свою кровь и отдавая жизнь. Вот уж воистину в корень смотрел – и хорошо знал характер русского человека! – российский император Николай Первый, заявивший за пару лет до этого: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен»²⁹⁴.

²⁸⁴ См. Википедию, статью «Максúтов, Дмитрий Петрович».

²⁸⁵ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максúтов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 348.

²⁸⁶ См. Википедию, статью «Максúтов, Дмитрий Петрович».

²⁸⁷ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максúтов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 98.

²⁸⁸ Как указывалось выше, в примечании № 247, русский артиллерийский фунт был равен 0,4914 кг (см. Википедию, статью «Фунт /единица измерения/»).

²⁸⁹ Цит. по: В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максúтов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 103.

²⁹⁰ Цит. по: там же.

²⁹¹ См. Википедию, статью «Мровинский, Константин Иосифович».

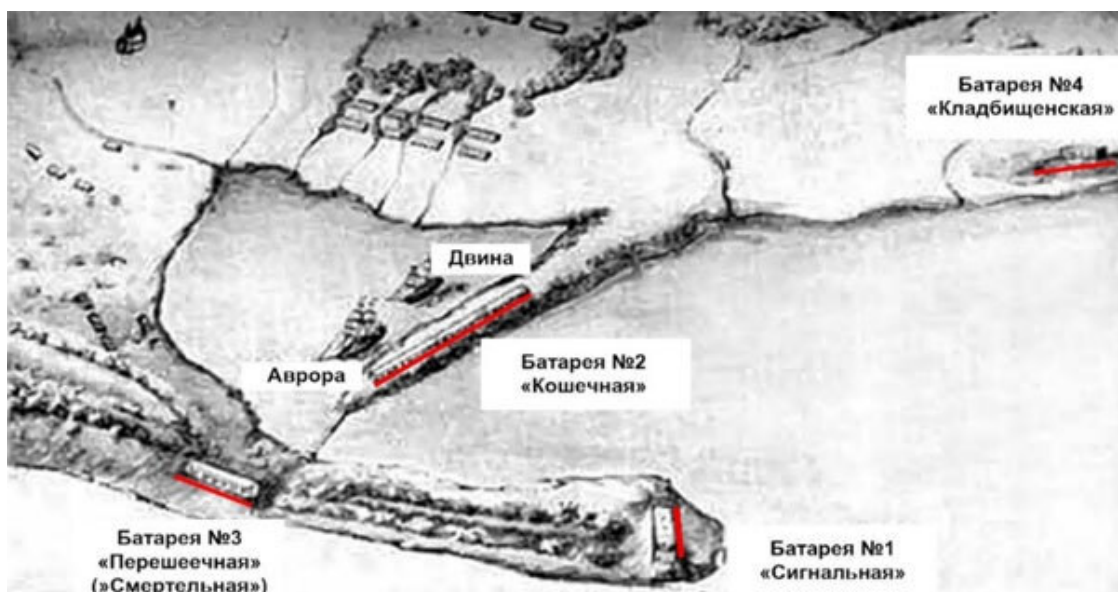
²⁹² В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максúтов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 45.

²⁹³ *Op. cit.*, стр. 98–99.

²⁹⁴ Цит. по: О.Р. Айрапетов «На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история», М.,

За косой-кошкой Завойко ставит прибывшую недавно в Авачинскую бухту «Аврору», а также «Двину». Поскольку, как и любое судно тех времён, оба они могут реально вести бой одновременно лишь одним бортом, губернатор приказывает снять с них половину орудий – 44 с «Авроры»²⁹⁵ и 12 с «Двины»²⁹⁶ – и усилить ими береговые батареи. С учётом подкреплений, прибывших на этих кораблях, город теперь защищают около пятидесяти офицеров и до одной тысячи нижних чинов, включая представителей местного населения²⁹⁷, в распоряжении которых 67 пушек²⁹⁸.

Много это или мало? Защитники города полагают, что вполне достаточно. Но разве могли они знать, *какая* сила приближается к ним с моря?!

Схема некоторых артиллерийских батарей Петропавловска в 1854 году

А англо-французская эскадра состоит из шести кораблей, вооружённых в совокупности 204 орудиями²⁹⁹. Как видите, пушек у союзников в три раза больше, хотя по мощности в целом тут разница небольшая: например, на самом тяжеловооружённом корабле англичан – 52-пушечном фрегате «Президент» («President») все орудия были так называемые 32-фунтовые³⁰⁰, что в пересчёте с британской системы измерений означало, что стреляли они снарядами весом в 14,5 килограммов³⁰¹.

Как бы то ни было, 17 августа в десять часов утра с одного из петропавловских маяков приходит сигнал: «Вижу военную эскадру из 6 судов»³⁰². В полдень все офицеры, по традиции, обедают у Завойко. Разговор не клеится, каждый занят своими мыслями. В час дня объявляется тревога. Артиллерийская прислуга Кошечной батареи выстраивается перед домом губер-

ООО «Торговый дом Алгоритм», 2014, стр. 34.

²⁹⁵ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 214.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 98; Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 214–215.

²⁹⁸ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

²⁹⁹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 213.

³⁰⁰ См. Википедию, статью «HMS President (1829)» (на английском языке).

³⁰¹ См. Википедию, статью «Фунт (единица измерения)», а также <https://www.merriam-webster.com/dictionary/pounder>.

³⁰² Цит. по: В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 103.

натора. Все снимают шапки, крестятся. Слышно: «Да будет воля Твоя»³⁰³. Затем отряд запекает песню и под командованием Дмитрия Максудова начинает выдвижение на боевые позиции.

Но в этот день ни одного выстрела не звучит. В Авачинскую гавань заходит входящий в союзную эскадру английский колёсный пароход «Вираго» («Virago») ³⁰⁴, для маскировки – которая, впрочем, никого в порту не обманывает – поднявший американский флаг. Близко к русским батареям он не приближается, ограничившись промером глубин и визуальной разведкой. Как только ему навстречу устремляется небольшой русский корабль, он немедленно отправляется восвояси.

Главнокомандующий союзной эскадрой ³⁰⁵ британский контр-адмирал Дэвид Пауэлл Прайс ³⁰⁶, принявший участие в этом разведывательном рейде, сразу же собирает на своём флагмане «Президент» военный совет. Он докладывает, что ближние подступы к порту защищены тремя артиллерийскими батареями в составе одиннадцати (очевидно, Кошечная), пяти (Смертельная) и трёх (Сигнальная, № 1) орудий ³⁰⁷, а также двумя судами (естественно, «Авро-рой» и «Двиной»), причём всё это, похоже, находится в полной боевой готовности. Так что о неожиданном нападении следует забыть. Слово берёт его французский коллега 58-летний контр-адмирал Огюст Фебврьё-Депуант ³⁰⁸. Он подробно перечисляет все риски, связанные с десантом, и однозначно заявляет: атака неблагоприятна. Однако, большинство присутствующих с ним не соглашается, и тогда в своём заключительном слове он меняет своё мнение на прямо противоположное ³⁰⁹. Диспозиция сражения утверждена.

На следующее утро неприятельская эскадра в полном составе входит было в бухту, но вдруг приостанавливается и возобновляет движение вперёд только к четырём дня. Как только она приближается на пушечный выстрел, русские батареи открывают огонь (хотя Кошечная пока молчит). Перестрелка оказывается достаточно вялой, ведётся с предельных расстояний и оканчивается попросту ничем – у русских нет ни убитых, ни раненых. Защитники Петропавловска недоумевают: что происходит? Почему атака начинается так поздно, почему ведётся столь нерешительно? Причина этого настолько невероятна, что им и в голову прийти не может. Дело в том, что при входе в Авачинскую бухту «Президента» на его борту происходит чрезвычайное происшествие: неожиданно кончает жизнь самоубийством Прайс. Ещё утром он спокойно прогуливается по палубе с одним из своих подчинённых, обсуждая предстоящую атаку, но потом спускается в каюту, достаёт пистолет, прямо на глазах у своего коллеги приставляет его себе к сердцу и нажимает на курок ³¹⁰. Смерть наступает мгновенно. Фебврьё-Депуант получает известие об этом в одиннадцать утра и, естественно, не верит своим ушам. Он, конечно же, принимает общее командование на себя, но план дня безнадежно сломан. Вот и мечется беспечно по бухте союзная эскадра вплоть до наступления темноты – к удивлению ни о чём не догадывающихся русских.

Так что же сподвигнуло опытного морского офицера вдруг свести счёты с жизнью под стенами неприятельской крепости, да ещё чуть ли не за несколько минут до начала решающей атаки на неё? Достоверно этого мы не узнаем никогда, так как никакой предсмертной записки он не оставил (есть, например, версия, что выстрел вообще произошёл случайно). Но мне кажется вполне логичным объяснение, данное в своё время советским историком академиком Тарле. Итак,

³⁰³ Цит. по: там же.

³⁰⁴ См. Википедию, статью «Siege of Petropavlovsk» (на английском языке).

³⁰⁵ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 214.

³⁰⁶ См. Википедию, статью «David Price (Royal Navy officer)» (на английском языке).

³⁰⁷ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 213.

³⁰⁸ См. Википедию, статью «Auguste Febvrier-Despointes» (на французском языке).

³⁰⁹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 227.

³¹⁰ Op. cit., стр. 215.

Дэвид Прайс назначается командующим британскими военно-морскими силами на Тихом океане в августе 1853 года, когда европейская политическая атмосфера буквально пропитана ожиданиями военного конфликта, который вскоре назовут Крымской войной. Уже Россия предъявила ультиматум Турции, а император Наполеон III направил французский флот – на всякий случай – поближе к проливам Босфор и Дарданеллы. Британский адмирал прибывает к новому месту службы буквально накануне официального объявления войны и прекрасно осознаёт, корабли какого государства будут его противниками. В перуанском порту Кальяо он знакомится с Фебврье-Депуантом, назначается главнокомандующим объединённой англо-французской флотилией, которая должна будет начать действия против русских судов, и вот узнаёт, что 2 апреля 1854 года³¹¹ в эту гавань заходит наш военный корабль – фрегат «Аврора». Действия по его возможному захвату облегчаются тем, что «Аврора» бросает здесь якорь, в общем-то, вынужденно: совершая кругосветное путешествие из Кронштадта в Петропавловск, она оказалась сильно потрёпанной проходом вокруг крайней оконечности Южной Америки – мыса Горн. Да к тому же на корабле началась цинга, появились случаи дизентерии. Правда, атаковать русское судно Прайс не может: и Великобритания, и Франция объявили России войну ровно неделю назад, но он находится на другом краю Земли, более чем в десяти тысячах километрах от Лондона, и об этом попросту пока ещё ничего не знает. (Это ж не сегодняшняя мгновенная спутниковая связь!) Так что английский адмирал решает пока ненавязчиво запереть «Аврору» в Кальяо и не дать ей выйти в открытое море.

Командир нашего судна капитан-лейтенант Иван Николаевич Изыльметьев (кстати говоря, будущий контр-адмирал³¹²), зайдя в порт, тут же понимает, что он в ловушке – здесь стоят аж пять военных кораблей вероятного противника (об объявлении войны он тоже ещё не знает). Но наш опытный офицер (хотя ему всего 40 лет) самообладания не теряет, обменивается визитами вежливости как с английским, так и с французским командующим, однако твёрдо решает из Кальяо улизнуть.

И вот в ночь на 14 апреля, более или менее приведя в порядок корабль, подлечив команду и пополнив запасы продовольствия и питьевой воды, он решается на отчаянный прорыв. Стоит густой туман. Изыльметьев спускает на воду семь десятивёрсельных шлюпок, беззвучно поднимает якорь и велит им взять «Аврору» – весом, между прочим, почти две тысячи тонн³¹³ – на буксир, на ещё и с кормы! Парусов фрегат не поднимает, да так задом наперёд и выходит втихаря из бухты. А через неделю Прайс получает официальное уведомление о том, что война объявлена.

Очевидцы того инцидента рассказывали, что британский адмирал раздосадован был чрезвычайно³¹⁴. Бросаться в погоню было поздно: за семь дней «Аврора» могла уйти Бог знает куда (хотя он, конечно же, подозревал, что взяла она курс на Петропавловск). Но, всё равно, потенциального противника он упустил и прекрасно понимал, что его лондонские начальники за это по головке его не погладят.

Вообще английские источники характеризуют Прайса как человека «тактичного, обходительного, но нерешительного и с трудом ладящего со своим французским коллегой Огюстом Фебврье-Депуантом»³¹⁵. В свете такой характеристики кажется неудивительным, что союзная эскадра искала русские суда, прямо сказать, неспеша, а зайдя в июле в столицу королевства Гавайских островов Гонолулу, и вовсе узнала, что упустила ещё и «Двину». Уж не знаю, сообщил ли кто-нибудь Прайсу, что на борту того судна находился довольно крупный отряд, зато

³¹¹ См. Википедию, статью «Аврора (фрегат)».

³¹² См. Википедию, статью «Изыльметьев, Иван Николаевич».

³¹³ См. Википедию, статью «Аврора (фрегат)».

³¹⁴ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 215.

³¹⁵ Цит. по: Википедии, статье «David Price (Royal Navy officer)» (на английском языке).

известно, что тот подробно расспросил о силе петропавловского гарнизона двух американских китобоев (один из участников тех событий ехидно называет их никому «неизвестными бродягами»³¹⁶), которые только что перезимовали там. А сколько было защитников у Завойко зимой? Вот-вот – даже не триста человек. Такая информация не могла Прайса не успокоить, но когда 17 августа он лично начинает осмотр укреплений города, перед его глазами картина предстаёт совершенно иная. Английский главнокомандующий видит тех, за кем так неудачно гонялся, да ещё и во всеоружии, видит и мощные артиллерийские батареи, которые явно обслуживает многочисленный гарнизон. Прайс понимает, что штурм будет, вопреки его надеждам, тяжёлым и кровавым, чувствует свою вину за всё произошедшее, вот нервы у него и не выдерживают.

Правильно ли такое объяснение или нет, но раз намеченную атаку отменять нельзя, и утром 19 августа союзная эскадра переходит к делу, так сказать, уже в полный рост. Начинается обстрел Сигнальной и Кошечной батарей³¹⁷, а вскоре следует высадка десанта у батареи № 4 – самой отдалённой от города (называемой Кладбищенской, поскольку располагалась она на отшибе, рядом с городским кладбищем; её хорошо видно на приведённой выше схеме). Командир батареи мичман Попов, в соответствии с заблаговременно полученным приказом, большого сопротивления превосходящим силам неприятеля оказывать не стал, заклёпывает (то есть портит) свои орудия и организованно отступает на заранее определённые позиции, забрав с собой весь порох и снаряды³¹⁸. Союзный десант топчется некоторое время около бесполезных теперь русских пушек и отправляется назад к своим кораблям. Тем боевые столкновения этого дня и заканчиваются. А мичман Попов, воспользовавшись темнотой, возвращается – вместе со своей командой, порохом и снарядами – на родную батарею, восстанавливает орудия и к утру вновь находится в полной боевой готовности.

Наступает «роковой»³¹⁹, как назовут его потом защитники Петропавловска, день 20 августа – хотя роковым он станет, скорее, для союзников. Ещё с ночи русские наблюдают частые сигналы, которыми обмениваются вражеские корабли, видят, что идёт промер глубин, и вот в шесть утра неприятель начинает поднимать якоря. К девяти англо-французская эскадра выстраивается в боевой порядок на расстоянии пушечного выстрела от Сигнальной батареи. В центре – «Вираго», слева от него – «Президент», справа – французский флагман фрегат «Форт» («Forte») и за ним – английский «Пик» («Picque»). Два остальных корабля (французские корвет³²⁰ «Эвридика» /«Eurydice»/ и посыльное судно³²¹ «Облигадо» /«Obligado»/) стоят поодаль. В пять минут десятого сражение начинает батарея № 4 – та самая, которую днём раньше враг вроде бы «захватил». Тут же отвечают союзники, подключаются прочие береговые орудия, и бал начинает править смерть. Следует подчеркнуть, что для защитников Петропавловска (за исключением, пожалуй, Завойко) это был первый в их жизни бой.

Основной огонь неприятель сосредотачивает на Сигнальной батарее, наиболее выдвинутой вперёд. Губернатор находится именно на ней, лично руководит огнём и, как пишет свидетель того боя, «каждый из её выстрелов шёл в дело»³²². Сильно достаётся и пятиорудийной батарее № 7, справа от Сигнальной, если смотреть со стороны побережья (она обозначена на схеме ниже), куда неприятель намеревается высадить десант. Довольно быстро оказывается сбитой четвёртая батарея, в десять утра замолкает Сигнальная, через полчаса – седьмая. Раз-

³¹⁶ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 227.

³¹⁷ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 104.

³¹⁸ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 216.

³¹⁹ Цит. по: В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 104.

³²⁰ См. Википедию, статью «Siege of Petropavlovsk» (на английском языке).

³²¹ См. там же.

³²² Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 217.

рушения там везде ужасающие: на седьмой основания орудий засыпаны землёй до колёс, сами пушки почти все повреждены, из 49 человек³²³ в строю остаются тридцать³²⁴. К тому же неприятель приступает здесь к высадке десанта в шестьсот человек³²⁵. На второй батарее ущерб не меньше, её командир лейтенант Пётр Гаврилов (ему сорок лет, и в этом звании он до сих пор во многом потому, что родился в простой солдатской семье³²⁶, а с таким происхождением продвигаться по службе в аристократической царской России было очень непросто) ранен в голову и в ногу, но своего поста не покидает. Так же туго вскоре приходится и Дмитрию Максудову. Он потом вспоминал: «/.../ неприятель /.../ весь свой огонь направил на мою батарею. Мы начали пальбу орудиями, и я лично наблюдал за каждым выстрелом, так как зарядов у нас было мало и порох нужно было беречь. Но скоро начался такой ад, что от дыма и пыли в двух шагах ничего не было видно, и потому, спрятав людей за бруствером³²⁷, я прекратил пальбу и ходил по батарее, наблюдая за неприятелем, и, чуть только он показывался, снова начиналась пальба орудиями»³²⁸.

Первым начинают отход защитники седьмой батареи – но отступление вновь идёт в соответствии с заранее полученным приказом и без паники, как и положено в дисциплинированной армии. Орудия успевают заклепать, хотя буквально через несколько минут на укрепление врываются французы и с восторженными криками поднимают над ним свой государственный флаг. Но тут происходит непредвиденное: английский пароход «Вираго» влепляет прямо в самый центр батареи мощную бомбу, которая наносит им урон тем более страшный, что причинили его свои. Воспользовавшись суматохой французов, по ним начинают бить «Аврора» и «Двина», а тут подтягиваются и русские резервы, в том числе матросы с «Авроры», и с криком «Ура!» начинают яростное наступление на врага, несмотря на то что наших почти в четыре раза (!) меньше³²⁹. Опешивший неприятель начинает стремительное отступление к берегу, более похожее на бегство: наши контратакующие войска просто не могут его догнать и когда сами достигают моря, все французы уже сидят в шлюпках, изо всех сил гребут к своим кораблям и находятся так далеко, что даже оружейный выстрел их не достаёт³³⁰.

Кошечная батарея (напомню, что на ней было одиннадцать пушек) бьётся более чем с 80 орудиями трёх союзных фрегатов. К половине четвёртого пополудни канонада противника достигает своей наивысшей точки, а вот наши отвечают не очень активно. И тогда отдаётся приказ подвезти им дополнительные пороховые заряды. От мысли о том, в каких условиях это было сделано, кровь стынет в жилах: на небольшом катере, битком набитом порохом, несколько человек (офицер и пара солдат) – под жёстким вражеским обстрелом – благополучно доставляют свой смертоносный груз по назначению. А ведь любой осколок, и их всех разорвало бы в клочья! Но в своём рассказе участник той «экспедиции» о своих волнениях по этому поводу не упоминает вообще, зато подробно описывает, как одному из совсем ещё мальчишек, которые помогали засыпать порох в снаряды, – а было им от 12 до 14 лет (явно гражданские лица!) – оторвало руку, и он, морщась и терпя, пока ему без наркоза отрезали обрывки мяса, тихо промолвил сквозь зубы, что ему не очень больно, потому что это – «за царя»³³¹. К семи часам

³²³ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

³²⁴ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 217.

³²⁵ Там же.

³²⁶ См. Википедию, статью «Гаврилов, Пётр Фёдорович».

³²⁷ Бруствер (от немецкого «brust», то есть «грудь», и «wehr», то есть «защита») – насыпь в фортификационном сооружении, предназначенная для защиты орудий и личного состава от огня противника (см. Википедию, статью «Бруствер»).

³²⁸ Цит. по: В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 104–105.

³²⁹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 218.

³³⁰ Там же.

³³¹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 219.

вечера обстрел прекращается. Союзная эскадра отходит. На батарею прибывает Завойко, благодарит всех за службу, а вскоре её защитники бросаются поздравлять и целовать друг друга да жать руку своему совсем ещё молодому командиру. Дмитрий Максutow пишет: «Я никогда не забуду вечера этого дня»³³². У него полностью сбито шесть орудий, остальные в той или иной степени повреждены, но самое удивительное, что батарея умудряется сохранить свою боеспособность, за ночь разрушения более или менее устраняются, десять орудий восстанавливаются³³³, и наутро всё готово к продолжению сражения.

Утро 21 августа выдаётся ясным и тихим во всех отношениях. Всю ночь защитники Кошечной батареи слышат с моря шум работ и вот в утренней дымке видят, что «Президент» и «Вираго» сильно накренились на правый борт, очевидно, из-за подводных пробоев³³⁴. На других судах союзной эскадры видны хотя и не столь серьёзные, но всё же совершенно очевидные и многочисленные повреждения. Так в ремонтных трудах день и проходит. Но случается в этот понедельник ещё одно событие, о котором русские опять ни сном ни духом не ведают, но который сыграет решающую роль во всей битве за Петропавловск.

В тот день, сойдя на берег поодаль от города для похорон контр-адмирала Прайса, союзники встречают четверых американских китобоев (опять китобои!), живших в этом месте в шалаше, и те говорят им, что наиболее уязвима крепость со стороны седьмой батареи, и рассказывают о едва приметной тропинке, которая ведёт прямо в Петропавловск³³⁵. Между французским командующим и занявшим должность Прайса английским капитаном Николсоном происходит бурная дискуссия. Феврь-Депуант считает повторение штурма немыслимым, британец же утверждает, что русские уже израсходовали большую часть боеприпасов, и второй натиск решит дело. Поскольку француз наотрез отказывается ещё раз подставлять свои суда под огонь неприятеля, Николсон предлагает взять основную тяжесть атаки на себя, подавить корабельным огнём соответствующие русские батареи, высадить после этого десант примерно в 700 человек³³⁶ в том же месте, что и в прошлый раз, но разделить его на две группы. Первая (и меньшая) должна будет занять господствующую высоту и, втащив на неё корабельные орудия-гаубицы, заставить их огнём замолчать «Аврору». Второй предстояло сосредоточиться у подножия, осуществить стремительный бросок в город, ворваться в него, зайти в тыл прежде всего Перешеечной батарее и взять её.

Феврь-Депуант ставит вопрос на голосование. Три британских капитана высказываются за штурм, два французских – против, один воздерживается. Остаётся голос главнокомандующего. И тут он ... тоже воздерживается, и решение об атаке принимается, таким образом, с перевесом в один голос. Французский адмирал во второй раз идёт в решающий момент на попятную, аргументируя потом свой шаг тем, что не хотел выглядеть трусом в глазах своих воинственных союзников³³⁷. Только вот результат этого оказывается таким же: кровавая трагедия, да ещё и более масштабная.

22 августа тоже проплывает над Авачинской бухтой тихо и мирно. А вот на следующий день среди кораблей противника начинает наблюдаться большое оживление, и это «заставляло предполагать, что завтра неприятель предпримет что-нибудь решительное»³³⁸. «Со своей стороны, – вспоминал потом один из защитников Петропавловска, – мы были совершенно

³³² Цит. по: В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максutow», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 105.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

³³⁵ См. Википедию, статью «Siege of Petropavlovsk» (на английском языке).

³³⁶ См. там же.

³³⁷ См. там же.

³³⁸ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 220.

готовы и, решив раз навсегда умирать, а не отступать ни шагу, ждали сражения как средства покончить дело разом. Вечер 23-го числа был прекрасен – такой, как редко бывает на Камчатке. Офицеры провели его в разговорах об отечестве, в воспоминаниях о далёком Петербурге, о родных, о близких. Стрелковые партии чистили ружья и учились драться на штыках; все же вообще были спокойны, так спокойны, что, видя эти весёлые физиономии, этих видных, полных здоровья и силы людей, трудно было верить, что многие из них готовятся завтра на смерть, трудно было верить, что многие, многие из них проводят свой последний вечер»³³⁹.

В четыре часа утра 24 августа с Кошечной батареи замечают, что «Вираго» начинает готовить десатные шлюпки. Объявляется тревога. В половине шестого³⁴⁰ он по обе стороны от себя берёт на буксир «Президента» и «Форга» (помните, что «Вираго» был единственным пароходом в эскадре, то есть кораблём, не зависимым от наличия ветра?) и тащит их по направлению к Сигнальной батарее. «Пик», «Эвридика» и «Облигадо» устраиваются у батарей № 1 (Сигнальной) и № 4 (Кладбищенской)³⁴¹. Утро стоит прозрачное и безветренное, только туманная дымка стелется по воде. «Форт» в конце концов встаёт напротив батареи № 3 (Смертельной), а «Президент» – примерно в восьмистах метрах³⁴² от седьмой, так бесплодно захваченной союзниками в ходе первой атаки.

Вскоре 25 орудий английского флагмана обрушиваются на пять пушек нашей батареи, которая быстро начинает оправдывать своё наименование – Смертельная. Для мощных орудий британского фрегата 800 метров – это стрельба практически в упор. Максутов-старший отвечает хладнокровно и умело: борт англичанина пробивает одно ядро, второе, третье повреждает мачту, четвёртое отправляет на дно одну из шлюпок, набитых десантниками. Но борьба идёт неравная. Наша батарея сплошь земляная, поэтому где-то через полчаса не только она, но и весь перешеек повсеместно изрыты бомбами, половина защитников перебита, у одного орудия отрывает ствол, три других повреждены так, что стрелять не могут. Максутов лично ведёт огонь из единственного оставшегося, сам заряжает, сам наводит – пока ядром ему не отрывает руку и сильно не контузит всю левую сторону тела. Молодой человек падает без сознания, его относят в тыл, оперируют, но 10 сентября он умирает. К орудию бросаются было несколько артиллеристов, но его тут же разносит вдребезги очередная английская бомба.

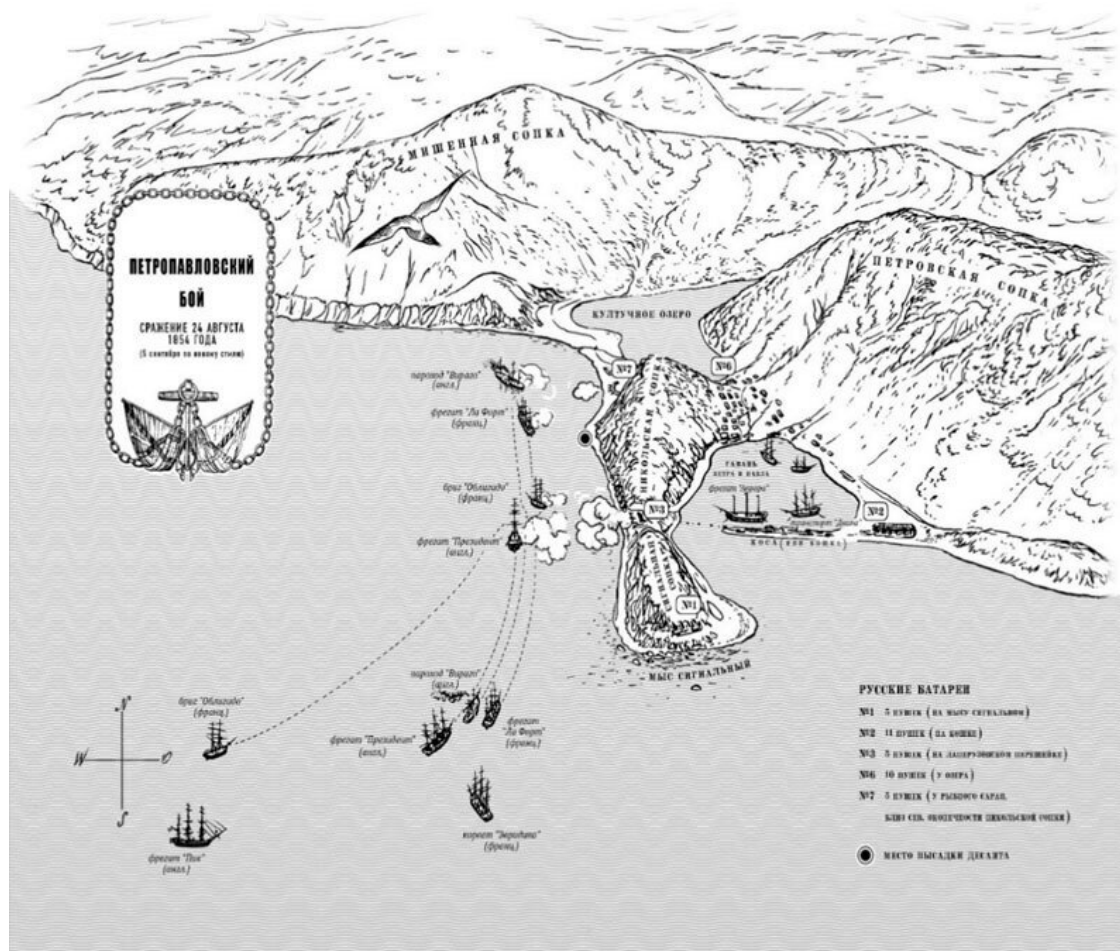
---

³³⁹ Цит. по: там же.

³⁴⁰ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максутов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 105.

³⁴¹ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

³⁴² Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 221; расстояние здесь приводится в мере морской длины – кабельтовых (1 кабельтов равняется 185, 2 метра – см. Википедию, статью «Кабельтов»).

Вскоре замолкает и седьмая батарея, и к половине девятого две первые колонны союзного десанта (это 120 английских морских пехотинцев) высаживаются на берег³⁴³. Они быстро выстраиваются в боевой порядок, и через пятнадцать минут вершина горы (она называется Никольской) оказывается захваченной. За ними следуют французы, но командир их отряда никак не может найти тропу, по которой можно было бы втащить вверх артиллерию, и в конце концов оставляет её внизу на пляже. Между тем другие десантные отряды расправляются (как, правда, вскоре выяснится, временно) с батареей № 6 – последней, прикрывающей подступы к Петропавловску. Англичане врываются в город и направляют удар на тылы Смертельной и Перешеечной батарей. Французы, однако, мешкают, никак не могут влезть на вершину и не только не поддерживают британцев, но и, опасаясь разрыва в рядах атакующих, пытаются их вернуть³⁴⁴. А тут ещё, теперь уже в глубоком тылу союзников, смешанный англо-французский отряд (120 моряков), начавший было наступление по пляжу в обход Никольской горы, попадает под интенсивный шрапнельный³⁴⁵ обстрел и останавливается. Ведёт его одна (!) лёгкая (!!) пушка, которую русские успевают увезти с шестой батареи, да так, что вскоре все офицеры

³⁴³ См. Википедию, статью «Siege of Petropavlovsk» (на английском языке).

³⁴⁴ См. там же.

³⁴⁵ Шрапнель, предназначенная для поражения живой силы противника, представляла собой снаряд, начинённый пулями и снабжённый взрывателем с замедлителем; при выстреле порох в замедлителе возгорался, но взрыв происходил через заданный промежуток времени, в полёте; снаряд, таким образом, разлетался в клочья над позициями противника, осыпая сверху его солдат пулями и осколками; назван в честь своего изобретателя – англичанина Генри Шрапнеля (см. Википедию, статьи «Шрапнель» и «Шрапнель, Генри»); предшественницей шрапнели является неоднократно упоминаемая мною ранее картечь.

отряда, постоянно пытавшиеся поднять своих залёгших подчинённых в атаку, расстаются с жизнью³⁴⁶.

Дальше – больше. Оказавшись, наконец (через 45 минут) на вершине горы, французские морские пехотинцы неожиданно для себя вступают в перестрелку с не пойми откуда взявшимися русскими. Она длится полтора часа (!), и только после этого выясняется, что обмениваются они выстрелами ... с англичанами³⁴⁷. Как могли французы так долго принимать союзника за врага, почему британцы не дали им знать об ошибке, в связи с чем сами-то они спутали их с русскими – мистика какая-то! Это уже севастопольскими приколами попахивает...

Но русским не до смеха. Судьба обороны висит на волоске: ещё один натиск союзников, и всё пропало. Завойко правильно оценивает ситуацию и бросает в бой всё, что у него только есть – солдатские резервы, артиллеристов, матросов с «Авроры» и «Двины», портовых рабочих, добровольцев из простых горожан и даже местное население – камчадалов. В качестве своего личного и последнего «неприкосновенного запаса» он оставляет тридцать человек³⁴⁸. Задумайтесь над этой цифрой. Тридцать человек! В случае если бы вражеский десант достиг своей цели, им бы ведь оставалось только погибнуть, защищая своего обречённого на смерть главнокомандующего! Но Завойко умирать пока совершенно не собирается и приказ своим людям отдаёт вполне решительный: «Сбить англичан с горы»³⁴⁹.

И происходит невероятное. Сначала продолжающая бой та самая лёгкая пушка вновь окатывает шрапнелью часть неприятельского отряда, не успевшего вскарабкаться на вершину и сгрудившегося у её подножия. Это приводит его в замешательство, и люди начинают лезть вверх. Но в это время с другой стороны горы, по крутому склону, со стороны города, на её гребень взбираются последние резервы Завойко. Уставшие, грязные, в кровь ободранные о камни и уже не думающие ни о чём, кроме смерти врагов, они яростно набрасываются на них в штыки, совершенно не заботясь о собственной жизни. А многие из них наверняка помнят слова одного из своих офицеров: «Теперь, друзья, я с вами, и клянусь Георгием³⁵⁰, которого честно ношу четырнадцать лет, не осрамлю имени командира! Если же вы увидите во мне труса, то заколите меня штыком, а на убитого – плюйте!»³⁵¹

Три сотни отчаявшихся людей бросаются врукопашную на семисот человек! Больше у Завойко просто нет! И союзники сначала подаются назад, потом начинают спускаться вниз, смешиваются с теми, кто, наоборот, карабкается вверх, и в конце концов кубарем катятся к спасительным шлюпкам. Толчея и неразбериха царят неопишуемые. Остервеневшие защитники города на этот раз не отстают, колят убегающих десантников штыками в спины, те в панике прыгают вниз с высоты нескольких десятков метров, разбиваются насмерть, калечатся, ползут к воде, а с утёсов их добивает русский ружейный огонь и между прочим, камчадалы – отличные стрелки. Союзные корабли начинают было отчаянную канонаду по склонам горы, но пользы это их отступающим войскам не приносит. Они, кстати, несмотря на поражающие их отовсюду пули, упорно стремятся подобрать не только всех своих раненых, но и убитых, однако это только замедляет отступление и увеличивает потери. Так, например, один английский катер, битком набитый людьми, в конце концов отчаливает лишь с восемью невредимыми гребцами – остальные пассажиры представляют собой сплошную шевелящуюся, окровавленную, и ревушую от боли массу³⁵². Французский 14-вёсельный катер уходит восвояси лишь с пятью гребцами³⁵³.

---

³⁴⁶ См. Википедию, статью «Siege of Petropavlovsk» (на английском языке).

³⁴⁷ См. там же.

³⁴⁸ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 222.

³⁴⁹ Цит. по: там же.

³⁵⁰ Имеется в виду орден Святого Георгия – высшая военная государственная награда Российской империи.

³⁵¹ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 216.

³⁵² *Op. cit.*, стр. 223.

В час дня всё кончено. Истерзанные неприятельские шлюпки и катера добираются, наконец, до своих кораблей, и те отходят от берега на расстояние почти трёх километров. Среди убитых наши солдаты находят тело командира десанта, в результате боя захватывается множество ружей и холодного оружия, семь офицерских сабель и самый главный трофей – знамя английского Гибралтарского полка морской пехоты³⁵⁴, выброшенное волной на берег на следующий день³⁵⁵. В плену оказываются всего четыре человека³⁵⁶. Захоронение погибших – как своих, так и чужих – начинается практически сразу. По англо-французским сведениям, в этом беспримерном бою их потери составили 209 человек. Пятьдесят два были убиты (по 26 у каждого из союзников) и 157 ранено (79 англичан и 78 французов)³⁵⁷. По нашим данным, это число составило более трёхсот³⁵⁸, а некоторые источники даже приводят цифру, равную семистам³⁵⁹. Потери защитников Петропавловска составили 34 человека³⁶⁰. Непосредственно в бою не погиб ни один русский офицер. Город празднует победу.

25 августа от неприятельской эскадры отделяется «Вираго» и, таща за собою три небольших судна, направляется к тому месту, где ранее союзники похоронили адмирала Прайса. Англичане и французы отдают последние почести своим погибшим товарищам, предавая их земле недалеко от их бывшего главнокомандующего. Вплоть до глубокой ночи с моря опять доносится стук работ – заделываются пробоины, исправляются повреждения, нанесённые русской артиллерией. В таких же трудах проходит и следующий день, потом ещё один.

И вот 28 августа, в половине восьмого утра союзная эскадра начинает поднимать якоря и ставить паруса. Работа идёт медленно и как-то неряшливо: сказывается большая потеря в людях. Так или иначе, вскоре неприятель скрывается за горизонтом (по пути, правда, он захватывает и сжигает небольшой русский корабль «Анадырь» и уводит в плен наше гражданское судно «Ситха»). А в Петропавловске начинается уже настоящий праздник. Прежде всего, конечно же, в главном соборе города служится благодарственный молебен, а потом начинается то, что сегодня мы бы назвали народными гуляньями. Генерал-майор Завойко лично обходит все казармы, благодарит гарнизон за героизм, выпивает в каждом месте по чарке водки – за царя и за души погибших – и приглашает офицеров к себе на обед. Как же непохож он на тот, что был у главнокомандующего одиннадцать дней назад! Тосты следуют один за другим, алкоголь льётся рекой, все смеются, поздравляют друг друга, обнимаются, целуются. А на улицах простой народ веселится так, что вскоре «пьяницы валялись по канавам и кустам»³⁶¹. Ничего хорошего в этом, конечно же, нет, но ведь люди радовались не только своей победе, но и тому, что остались в живых. Так что Бог им судья.

В Санкт-Петербург новость об успешном отражении двух вражеских штурмов приходит лишь в конце ноября. Привозит её один из героев петропавловской обороны лейтенант Дмитрий Максutow, который тут же получает очередное воинское звание капитан-лейтенанта, 1 декабря – орден Святого Владимира 4-й степени с бантом, а к концу года и драгоценный

---

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максutow», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 113.

³⁵⁵ См. Википедию, статью «Siege of Petropavlovsk» (на английском языке).

³⁵⁶ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

³⁵⁷ См. Википедию, статью «Siege of Petropavlovsk» (на английском языке).

³⁵⁸ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максutow», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 106.

³⁵⁹ *Op. cit.*, стр. 117.

³⁶⁰ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

³⁶¹ Цит. по: В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максutow», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 106.

для каждого военного ордена Святого Георгия 4-й степени³⁶². (Завойко награждается орденом Святого Георгия 3-й степени³⁶³.)

В Лондоне же с Парижем камчатский провал встречается с нескрываемым раздражением. Никто из англичан – участников этой экспедиции никаких знаков отличий не получает, а во Франции всех собак вешают на контр-адмирала Феврье-Депуанта. Он, служивший родине до фиаско под Петропавловском совершенно безупречно, слава Богу, этого не слышит. Французский командующий заболевает вскоре после ухода с Камчатки и 5 марта 1855 года умирает на борту своего корабля недалеко от берегов Перу. Так что Петропавловск по зловещему стечению обстоятельств забирает жизнь и британского адмирала, и французского.

Читая этот рассказ, вы, наверное, спрашиваете себя, а почему описываемые события попали в раздел, который называется «Поражения героев»? Ведь это ж победа по всем статьям! Не торопитесь: на следующий год союзники всё же добьются своего.

Руководство России прекрасно, кстати, осознаёт, что Англия с Францией просто так Камчатку в покое не оставят и попытаются сделать всё, чтобы смыть свой позор. Ясно у нас всем и то, что второго штурма Петропавловск выдержать просто не в состоянии. И вот 29 декабря 1854 года Василию Степановичу Завойко направляется указание генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва о том, что город должен быть оставлен, всё военное имущество вывезено, то, что невозможно вывезти, надёжно спрятано или уничтожено, а укрепления разрушены. Завойко получает это предписание 3 марта 1855 года и полностью выполняет его уже через 25 дней. Портовые сооружения и дома разбираются, наиболее ценные их части (окна, двери и т. д.) прячутся, остальное сжигается, местному населению приказывается отойти на север, а казакам – наоборот, на юг, к устью реки Авача. И вот 5 апреля «Аврора» и «Оливуца», взяв на борт пушки, порох, оружие, домашние пожитки уезжающих, а также дрова и доски, вместе с тремя транспортными кораблями, включая «Двину», начинают выход из Авачинской бухты. Ещё очень холодно, она скована льдом, и матросы вынуждены пропиливать проход в открытое море. Вскоре караван берёт курс на юго-восток, к дельте Амура³⁶⁴.

В начале мая у Петропавловска появляется англо-французская эскадра, состоящая аж из четырнадцати кораблей³⁶⁵. Но её встречают лишь голые берега, безлюдные горы да кричащие чайки. Раздосадованные союзники, обстреляв зачем-то то, что раньше было городом, бросаются в погоню, правильно догадавшись, что русским, кроме как в дельте Амура, спрятаться негде.

9 мая³⁶⁶ передовой отряд неприятеля настигает наш караван в бухте Де-Кастри, зажатой между материком и островом Сахалин. Названа она была так в 1787 году уже упоминавшимся мною французским путешественником Лаперузом в честь морского министра Франции Шарля Эжена Габриэля де Кастри³⁶⁷. (С 1952 года она носит имя известного русского адмирала Николая Матвеевича Чихачёва, который во время описываемых событий, командовал, кстати говоря, «Двиной»³⁶⁸.) Два союзных корабля открывают было огонь³⁶⁹, по к ночи канонада стихает, и противник уходит: русские суда обнаружены, нужно сообщить об этом своим основным силам и добить их.

---

³⁶² Ор. cit., стр. 118.

³⁶³ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

³⁶⁴ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 229.

³⁶⁵ См. Википедию, статью «Петропавловская оборона».

³⁶⁶ Г.И. Невельской «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849-55 гг. При-Амурский и при-Уссурийский край», СПб., Русская Скоропечатня (И.С. Нахимова), 1878, стр. 364.

³⁶⁷ См. Википедию, статьи «Залив Чихачёва» и «Charles Eugène Gabriel de La Croix» (на французском языке).

³⁶⁸ См. Википедию, статью «Чихачёв, Николай Матвеевич».

³⁶⁹ Г.И. Невельской «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849-55 гг. При-Амурский и при-Уссурийский край», СПб., Русская Скоропечатня (И.С. Нахимова), 1878, стр. 364.

На борту «Оливуцы» проходит совещание. На нём присутствует командующий в этих краях контр-адмирал Геннадий Иванович Невельской, доказавший шесть лет назад, что Сахалин – остров, а Амур судоходен (я расскажу об этом в эссе о российско-китайских отношениях), и именно он предлагает Завойко уходить через пролив на север. 14 мая³⁷⁰ наши корабли берут курс на дельту Амура. Чтобы предотвратить утечку информации неприятелю всё местное население забирается с собой, а нашему небольшому отряду, оставленному в бухте, приказывается при обнаружении англо-французского флота уходить в лес и далее следовать на соединение со своими, но строения не разрушать, вынудив, таким образом, неприятеля провести разведку, что задержит погоню.

Вражеская эскадра появляется в бухте Де-Кастри через три дня, никого, к своему удивлению, в ней не обнаруживает, высаживает на берег десант, но не находит там ничего, кроме случайно забытого мешка с ржаной мукой³⁷¹. Высыпав её зачем-то на землю, разведка возвращается, англичане с французами решают, что они, видимо, с русскими разминулись, и берут курс ... на юг, обратно, то есть в направлении прямо противоположном! Идти на север им и в голову не приходит, поскольку об открытии Невельского известно было тогда только нашему правительству, а в Европе считалось, что Сахалин – *полуостров*. Так и рыщут союзные корабли – прямо скажем, как дураки – совершенно в другом месте, а Завойко тем временем благополучно проводит свой караван в конце мая в Амур³⁷².

Сколько бы ещё продолжалась эта «погоня», неизвестно, да только в Великобритании узнают о том, русские союзников обдурили, ... со страниц газеты «Таймс». Происходит страшный скандал. Английский главнокомандующий обвиняется в трусости и некомпетентности, но всю эту откровенно позорную историю и в Лондоне, и в Париже стараются всё же как можно быстрее замять. Так и до сих пор об этой «весёлой проделке» Завойко можно в основном прочитать в русских источниках.

А нам пора возвращаться в Крым.

Оборона Севастополя

*Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя,
которой героем был народ русский...*

Л. Н. Толстой «Севастопольские рассказы»

Как-нибудь, если вам вздумается прогуляться по Москве, вы можете спуститься в метро и доехать до станции «Севастопольская», расположенной в южной части города (это так называемая «серая» ветка). Поднявшись на поверхность, вы окажетесь на Севастопольской площади, на которой располагается гостиница «Севастополь». А если пройдёте от этой площади по Азовской улице пару километров на юг, то выйдете к Балаклавскому проспекту.

В столице Франции Париже тоже можно спуститься в метро, пересечь на девятую линию, доехать до станции «Альма – Марсеб» («Alma – Marceau») и выйти к площади Альма (La place de l'Alma) и далее к мосту Альма (Pont de l'Alma), под которым, кстати, в 1997 году в автомобильной катастрофе погибла любимица англичан британская принцесса Диана. Пересекая по этому мосту Сену, не забудьте перейти на его левую сторону и глянуть вниз (а ещё лучше это сделать с набережной). Вы увидите фигуру какого-то воина в полный рост – не то француза, не то араба, – которая, между прочим, после затяжных ливней служит для парижан своеобразным мериллом, показывающим, насколько поднялся уровень реки. Это зуав. Перейдя на её другую сторону, можно вновь воспользоваться метро и добраться до станции «Реомюр –

---

³⁷⁰ Op. cit., стр. 365.

³⁷¹ Op. cit., стр. 368.

³⁷² Op. cit., стр. 368–369.

Севастополь» («Réaumur – Sébastopol»), что на четвёртой линии, и выйти к Севастопольскому бульвару (Boulevard de Sébastopol). А с юго-запада к Парижу вообще примыкает целый район (коммуна), который называется «Малакóфф» (La commune de Malakoff).

В Лондоне, столице Великобритании, вы найдёте памятник гвардейцам, павшим в Крымской войне (the Guards Crimean War Memorial), есть там и Севастопольская улица (Sebastopol Road). Русские пушки, захваченные в Севастополе в виде трофеев, стоят в нескольких местах в Лондоне, во многих городах Великобритании, а также в Канаде, Ирландии³⁷³ и даже в такой экзотической стране, как южноамериканская Гайана³⁷⁴.

Так что напомним об этой войне в разных странах много, и я здесь лишь замечу, что про битвы при реке Альма и на подступах к Балаклаве рассказы ещё впереди, французское «Севастополь» в переводе, думается, не нуждается, зуав – это действительно воин, причём одного из храбрейших подразделений французской армии, ну, а таинственный «Малакóфф» – это офрануженное название Малахова кургана, взятием которого, собственно, и завершилась севастопольская эпопея.

И ещё я не могу не сказать о следующем.

По странному – и совершенно несправедливому! – стечению обстоятельств первая оборона Севастополя, длившаяся 328 дней³⁷⁵, – с 17 октября 1854 года (первая бомбардировка) по 9 сентября 1855 года (последний штурм), – почему-то оказалась в тени второй, которая, во-первых, продолжалась меньше (247 дней – с 30 октября 1941 года по 3 июля 1942 года³⁷⁶), и, во-вторых, навсегда запятнана позорной эвакуацией – а попросту бегством – с Крымского полуострова командного состава Красной армии, а также гражданских коммунистов-руководителей³⁷⁷. Это циничное спасение только начальников бросило на произвол судьбы огромное количество наших героически сражавшихся солдат и офицеров (около 80.000 человек³⁷⁸ – население целого города!), оставшихся без своих командиров и обречённых на смерть или плен. (А ведь, как известно, в те времена сдача в плен считалась тяжелейшим преступлением.) Какой убийственный контраст с событиями времён Российской империи, в ходе которых высший офицерский корпус нашей армии покидал Севастополь одним из последних, и в мыслях не имея бросить своих подчинённых (кроме тяжело- и безнадежно раненых, которых нельзя было трогать) на растерзание врагу! И тем не менее, – вот, поди ж ты! – все вышеупомянутые московские улицы, площади и т. д. названы в честь Севастополя как «города-героя»³⁷⁹, а это звание присваивалось исключительно по итогам боёв Великой Отечественной войны. Так что люди, проливавшие свою кровь за этот город в XIX веке, в данном случае как бы оказались и ни при чём. Вот уж воистину – тот, кто не помнит прошлого, не имеет будущего...

Но всё по порядку.

---

³⁷³ См. Википедию, статью «Siege of Sevastopol (1854-55)» (на английском языке).

³⁷⁴ См. там же.

³⁷⁵ Общепринятая продолжительность обороны Севастополя – 349 дней – считается от даты объявления города на осадном положении, то есть с 27 сентября 1854 года (см. Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 341).

³⁷⁶ См. Википедию, статью «Оборона Севастополя (1941–1942).

³⁷⁷ См. там же.

³⁷⁸ Точнее – 79.956, см. С. Ткаченко «Севастополь, 1942: партизанский миф», журнал «Military Крым» 1/26, 2015, стр. 67.

³⁷⁹ См. Википедию, статью «Севастопольский проспект».

Сражение на реке Альма (20 сентября 1854 года)

День 8 сентября³⁸⁰ останется участвовавшим в нём навсегда памятным своим беспорядком и поучительным относительно неумения выбирать главных начальников.

Генерал Николай Кишинский³⁸¹, участник сражения³⁸²

Это сражение ещё называют Альминской битвой. Оно стало первым столкновением русской армии с высадившимся в Крыму англо-франко-турецким корпусом и отчётливо выявило те противоречивые моменты, которыми так «прославилась» Крымская кампания: бросающаяся в глаза некомпетентность высшего командования, иногда граничащая с должностным преступлением, и предприимчивость нижестоящих чинов; пассивность одних генералов и находчивость других; откровенная трусость и настоящий героизм, особенно рядового состава – причём все это наблюдалось с обеих сторон.

Но вообще-то официально этот международный конфликт вспыхнул почти годом ранее, когда 16 октября 1853 года Турция объявила войну России³⁸³. Сделано это было в ответ на ввод наших войск в Молдавию и Валахию³⁸⁴ – государства-княжества с преобладающим православным населением на левом берегу Дуная, зависимыми от Турции, но обладавшими некоторой автономией. А сделал это Николай I для того, чтобы надавить на султана и заставить его согласиться с нашими требованиями по поводу той самой церкви в Вифлееме и вообще в вопросе покровительства православным, проживающим на территории Турции, со стороны России. То есть русский император хотел защищать права граждан другого государства и для этого ввёл свои войска на территорию княжеств, зависимых от этого государства! Думаю, понятно, кто сделал первый практический шаг к войне.

Потом последовали боевые столкновения с турками в Молдавии и Валахии (так называемая «Дунайская кампания»), а также на Кавказе, потом – то самое Синопское сражение, объявление нам войны со стороны Великобритании и Франции, высадка в болгарском Варне мощного англо-французского корпуса (Болгария тогда принадлежала Турции), отступление русских войск обратно на свою территорию и, наконец, решение союзников высадить десант в Крыму с целью захвата Севастополя и уничтожения нашего Черноморского флота. А вообще планы в отношении нашей страны были грандиозными. Министр иностранных дел Великобритании Генри Пальмерстон³⁸⁵ писал: «Мой идеал окончания войны /.../ с Россией предусматривает: Аландские острова³⁸⁶ и Финляндия возвращаются Швеции; часть немецких провинций России на Балтике уступаются Пруссии; восстанавливается независимое Польское королевство – в качестве барьера между Германией и Россией; /.../ Крым, Черкесия³⁸⁷ и Грузия отторгаются от России, причём Крым и Грузия передаются Турции, а Черкесия становится либо независимой, либо владением султана»³⁸⁸. Ему вторит император Франции: Россию нужно «заставить /.../ вернуться в Азию»³⁸⁹.

---

³⁸⁰ Дата приводится по старому стилю.

³⁸¹ См. Википедию, статью «Кишинский, Николай Семёнович».

³⁸² Цит. по: С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 107.

³⁸³ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 1, стр. 275.

³⁸⁴ Сегодня Валахия входит в состав Румынии.

³⁸⁵ См. Википедию, статью «Пальмерстон, Генри Джон Темпл».

³⁸⁶ Острова в Балтийском море, между Швецией и Финляндией; в настоящее время принадлежат Финляндии.

³⁸⁷ Территория на черноморском побережье нашей страны, которая простиралась от Анапы до Сочи, а также охватывала практически все современные северокавказские республики России, гранича с нынешней Чечнёй и Дагестаном (см. Википедию, статью «Черкесия»).

³⁸⁸ Цит. по: The Later Correspondence of Lord John Russell/edited by G.P. Gooch – London: Longmans, Green, 1925, Vol. 2:

Мощный союзный флот с огромным десантом на борту появляется у западного берега Крыма в полдень 13 сентября 1854 года³⁹⁰, встав на якорь прямо напротив Евпатории. К нашим границам подходит армада в составе примерно 360 кораблей (не считая мелких)³⁹¹, на которых находятся более 62.000 человек: более 28.000 тысяч французов, до 27.000 англичан и порядка 7.000 турок³⁹², а также не менее 4.000 лошадей³⁹³, более 160 полевых и осадных орудий, 5,6 миллиона патронов и свыше 44 тысяч снарядов (только у французов)³⁹⁴, тонны продовольствия, тысячи единиц инструментов для постройки укреплений, медикаменты, палатки, обмундирование и ещё масса вещей, которые могут пригодиться на чужой земле всему этому войску.

Что же мог противопоставить противнику главнокомандующий русской армией в Крыму адмирал Александр Сергеевич Меншиков (между прочим, правнук любимца Петра I Александра Даниловича Меншикова)?

Да, в общем-то, совсем немного. В его распоряжении находились 51.500 человек³⁹⁵, но это на всём Крымском полуострове. Рядом же с местом высадки у него было лишь немногим более 33.000 штыков³⁹⁶, то есть почти в два раза меньше, чем у союзников. Кроме того, обладая разведывательными данными о том, что противник высадится в районе Евпатории, наш главнокомандующий всё же уверен в этом не был. Так, например, за 2,5 месяца до этого император Николай I писал ему: «Спешу тебя уведомить, любезный Меншиков, что /.../ скоро тебе предстоит ожидать сильной атаки на Крым /.../. Как эта атака последует, вовсе не знаю, вероятно высадкой у Феодосии /.../»³⁹⁷. А ведь от Евпатории до Феодосии, что располагается на юго-восточном побережье полуострова, более 180 километров, то есть для его армии чуть ли не неделя пути. Так что Меншиков опасался, что не успеет вовремя и в нужном месте прикрыть Севастополь, потому что неприятельский флот очевидно передвигался с большей скоростью, чем он. Адмирал колебался, и в конце концов в результате его нерешительности (за которую его совершенно справедливо ругают почти все историки) союзники сошли на берег абсолютно беспрепятственно.

Что же предстало перед их глазами? Предоставим слово Уильяму Расселу, сотруднику английской газеты «Таймс», который сопровождал британскую армию во время всей Крымской кампании и стал тем самым первым в истории военным корреспондентом, о котором я упоминал выше: «/.../ унылый и голый берег, /.../ населённый лишь чайками да прочей птицей /.../»³⁹⁸. А вот как описывает эту местность русский генерал Александр Николаевич фон Лидерс³⁹⁹: «вокруг /.../ одни только степи, /.../ поселений очень мало, и /.../ судам невозможно наливать пресную воду»⁴⁰⁰. И совсем уж понятно, что с пресной водой было там туго не только кораблям, но в первую очередь людям.

1840–1878, Р. 160.

³⁸⁹ Цит. по: А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014, стр. 185.

³⁹⁰ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 259.

³⁹¹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 101.

³⁹² Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 254–255.

³⁹³ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 69–70.

³⁹⁴ *Op. cit.*, стр. 73.

³⁹⁵ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 235.

³⁹⁶ *Op. cit.*, стр. 269.

³⁹⁷ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 105.

³⁹⁸ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 223.

³⁹⁹ См. Википедию, статью «Лидерс, Александр Николаевич».

⁴⁰⁰ Цит. по: С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 33.

Крым, кстати говоря, в те времена был совершенно не похож на сегодняшний. Во-первых, это была одна из наименее населённых областей европейской части России⁴⁰¹. Во-вторых, здесь почти не было дорог, а имевшиеся «оставаясь почти в своём первобытном, естественном виде, /.../ с трудом поддерживались местными средствами, чтобы не сделаться совершенно непроходимыми. /.../ В северной части Крыма, в безводной и малонаселённой степи, дороги пролегают большей частью по глинистому грунту. В летнее сухое время они весьма хороши; но во время дождей и в зимнюю распутицу нередко делаются почти вовсе непроходимыми»⁴⁰². (Как же затрудняют эти горе-дороги снабжение нашей армии в ходе военных действий!) Транспортным центром полуострова был – как и сейчас – Симферополь, но дорог от него расходилось немного, и четырьмя основными были: на север на Перекоп (150 км), на запад на Евпаторию (около 70 км), на юг через Бахчисарай на Севастополь (80 км) и на восток через Феодосию на Керчь (чуть больше 200 км). В-третьих, большинство жителей Крыма было представлено татарами: из 430.000 человек их насчитывалось 257 тысяч⁴⁰³. Остальными были: «/.../ немцы-колонисты, /.../ греки, небольшое число русских переселенцев, болгары, армяне и евреи»⁴⁰⁴. Обратите внимание, что Тотлебен, которого я цитирую, пишет о «небольшом числе русских», то есть всего каких-то 160 лет назад мы составляли на полуострове ничтожное меньшинство! Странно слышать, правда?

Учитывая явное неравенство сил, Меншиков решает укрепиться на левом берегу реки Альма при впадении её в Чёрное море, примерно в 30 километрах от Севастополя, и, преградив противнику дорогу к городу, дать сражение, рассчитывая, как минимум, задержать его. А союзная армия, завершив высадку, в девять часов утра 19 сентября⁴⁰⁵ выступает ускоренным маршем из-под Евпатории и направляется вдоль морского берега ему навстречу. Англо-французский флот идёт параллельно. В тот же день, к двум часам дня передовые части обеих армий встречаются, происходит короткая стычка, и противники располагаются в шести километрах друг от друга в ожидании следующего дня.

Что же за люди командовали противоборствующими армиями? Начну я, естественно, с главнокомандующего нашего.

---

⁴⁰¹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 154.

⁴⁰² Цит. по: *op. cit.*, стр. 155.

⁴⁰³ В том числе 4.000 караимов (*op. cit.*, стр. 162), исповедующих религию, которая является разновидностью иудаизма (см. Википедию, статью «Караимы»).

⁴⁰⁴ Цит. по: Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 158.

⁴⁰⁵ *Op. cit.*, стр. 263.

Морской министр, генерал-адъютант, генерал-адмирал, светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869)

Князю Александру Сергеевичу Меншикову было тогда 66 лет, и он находился на вершине своей карьеры. В юности, получив домашнее образование, он выезжает за границу, продолжает обучение в Германии, в возрасте 18 лет возвращается в Россию и начинает службу в Коллегии иностранных дел⁴⁰⁶. Свободно владея несколькими иностранными языками, работает в русских посольствах в Берлине, Лондоне и Вене. В 1809 году, когда ему исполняется 22 года, начинает службу в армии, участвует в русско-турецкой войне 1806–1812 годов, где получает своё первое ранение (в правую ногу), а также чин флигель-адъютанта, то есть одного из помощников главнокомандующего. В 1812 году в звании поручика присоединяется к действующей армии, сражающейся с войсками Наполеона, принимает участие в Бородинском сражении и за проявленную в нём храбрость получает очередное звание штабс-капитана. В ходе заграничных походов, при взятии Парижа, получает второе ранение – вновь в ту же ногу. В 1816 году Мен-

---

⁴⁰⁶ Здесь и далее биография А.С. Меншикова приводится по Википедии, статье «Меншиков, Александр Сергеевич» – за исключением случаев, оговоренных особо.

шикову присваивается звание генерал-майора, но из-за своей слишком критической позиции по отношению к властям он попадает в немилость к императору и уходит в отставку.

Со вступлением на трон Николая Первого карьера Меншикова просто взлетает. Новый император отправляет его с дипломатической миссией в Персию, но её правитель-шах сажает его под арест (!), который продолжается примерно год. По возвращении в Санкт-Петербург Александр Сергеевич получает от царя указание преобразовать морское министерство страны и успешно с этим справляется.

Вскоре Россия вступает в очередную войну с Турцией (1828–1829 гг.), и Меншиков вновь находится в центре боевых действий. В июне 1828 года возглавляемые им войска штурмом берут турецкую крепость Анапу, которая после заключения мира окончательно переходит к России. (Сегодня в этом городе есть бульвар Адмирала Меншикова). Через несколько месяцев он приступает к осаде Варны, ведёт её весьма энергично, но получает третье ранение, тяжёлое, в обе ноги, и армию покидает.

В 1829 году Александр Сергеевич возглавляет главный морской штаб империи, становится командующим её военно-морскими силами, на следующий год назначается генерал-губернатором Финляндии, а в 1833 году производится в адмиралы. Так что военной карьере этого человека можно позавидовать. Но не только ей.

Дело в том, что Меншиков был одним из очень немногих людей, пользовавшихся полным доверием Николая I⁴⁰⁷. Он был умён, прекрасно образован, храбр не только в бою, но и в общении с императором, слыл «самым остроумным человеком в России»⁴⁰⁸, а также – вы не поверите! – отличался изумительной честностью и никогда не воровал государственных денег⁴⁰⁹ (черта для высокопоставленного русского чиновника всех времён чрезвычайно редкая). С другой стороны, ум у него был «отрицательный, характер сомнительный»⁴¹⁰, князь был завистлив⁴¹¹, откровенно презирал своё окружение (за исключением, естественно, царя) и, не доверяя людям, был подозрительным. К сожалению, это касалось и армии. Герой Крымской войны генерал Виктор Иларионович Васильчиков⁴¹² писал по этому поводу: «Основная черта характера князя Меншикова состояла в полнейшем безотчётном недоверии ко всем окружающим его личностям. В каждом из своих подчинённых он видел недоброжелателя, подкапывающегося под его авторитет /.../. Последствием такого прискорбного настроения было то, что он везде хотел распоряжаться самолично и, лишивши себя всякой помощи со стороны подчинённых, остался без помощников, а сам, конечно, не был в состоянии исполнить всё то, что требовалось обстоятельствами»⁴¹³. Как главнокомандующего его практически не интересовали судьбы собственных офицеров и боевой дух армии, и он, похоже, был убеждён, что уже «сама служба царю, несмотря на все её тяготы и невзгоды, должна быть счастьем для ‘слуг государевых’»⁴¹⁴. Русский и советский военный теоретик Александр Свечин⁴¹⁵ в связи с этим отмечал: «Светлейший князь Меншиков, остроумнейший человек, никогда не мог принудить себя сказать несколько слов перед солдатским строем /.../»⁴¹⁶. А вот ещё характеристика: «/.../ князь Меншиков /.../ не доверял своим войскам, не верил способностям подчинённых ему начальников, не искал сближения и установления нравственных связей со своими войсками и часто

⁴⁰⁷ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 36.

⁴⁰⁸ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 1, стр. 240.

⁴⁰⁹ Ор. cit., т. 2, стр. 161.

⁴¹⁰ Цит. по: ор. cit., т. 1, стр. 240.

⁴¹¹ С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 103.

⁴¹² См. Википедию, статью «Васильчиков, Виктор Иларионович».

⁴¹³ Цит. по: С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 36.

⁴¹⁴ С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 104.

⁴¹⁵ См. Википедию, статью «Свечин, Александр Андреевич».

⁴¹⁶ Цит. по: С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 102.

принимал меры, могущие служить к умалению, а не к возвеличиванию нравственных сил в войсках [то есть их боевого духа]. Откуда же ему было почерпнуть решимости на энергические и наступательные действия?»⁴¹⁷

Армия платила своему командиру той же монетой. Замечательный советский историк академик Евгений Викторович Тарле⁴¹⁸, фундаментальный труд которого о Крымской войне я так часто цитирую, пишет: «Моряки не хотели всерьёз верить, что князь Меншиков – адмирал над всеми адмиралами; армейские военные не понимали, почему он генерал над всеми генералами; ни те, ни другие не могли, главным образом, взять в толк, почему он главнокомандующий»⁴¹⁹. В общем, Александр Сергеевич был скорее политик, военный чиновник и мастер дворцовых интриг, нежели полководец и уж тем более не «отец солдатам» как Суворов.

Обратимся теперь к главнокомандующим наших противников⁴²⁰. В течение всей Крымской кампании общего командира у англо-французского корпуса не было. Это и не мудрено. Впервые чуть ли не за тысячу лет своего существования Великобритания и Франция воевали не друг с другом, а были союзниками. И тем не менее, несмотря на этот союз, взаимное недоверие офицеров двух армий было так велико, что, например, командующий английскими войсками лорд Раглан (я ещё расскажу о нём), говоря о русских как о противнике, неизменно произносил «французы», что очень раздражало его «братьев по оружию»⁴²¹. Так что о едином командовании и речи быть не могло – разве могли англичане подчиняться французам, и наоборот?

Итак, поговорим для начала о первом союзном военачальнике – французском.

---

⁴¹⁷ Цит. по: *op. cit.*, стр. 104.

⁴¹⁸ См. Википедию, статью «Тарле, Евгений Викторович».

⁴¹⁹ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 248.

⁴²⁰ Я намеренно не буду рассказывать вам о турецких командующих (генерале Юсуфе и затем Омере Люфти-паше), поскольку роль турецкого контингента в боевых действиях Крымской кампании была, совершенно очевидно, подчинённой.

⁴²¹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 20.

Маршал Арман Жак Ашиль Леруа де Сент-Арно (1798–1854)

При рождении имя будущего маршала Франции Армана Жака Ашиля Леруа де Сент-Арно было значительно скромнее – Арман Леруа⁴²². Он родился в 1798 году в семье адвоката и начал военную службу в 1817 году. Через три года молодой человек поступает в отряд телохранителей короля Людовика XVIII, но вскоре по требованию своих сослуживцев его увольняют – за воровство. В 1822 году он направляется в Грецию, сражается там на стороне повстанцев против турок (Греция находилась тогда в составе Турции), попадает в плен к турецким пиратам, потом последовательно перебирается в Италию, Бельгию и Великобританию. В 1827 году Арман возвращается во французскую армию, но, когда его полку приказывается отплыть на остров Гваделупа в Карибском море, он на корабль не является и объявляется в розыск как дезертир. Перебивается случайными заработками, работает учителем фехтования и музыки и даже играет в театре под псевдонимом Флориваль. Но попадает на неуплате долгов и оказывается за это в тюрьме.

После июльской революции во Франции 1830 года⁴²³ Арман Леруа вновь возвращается в армию, и тут его карьера начинает идти в гору. Он берёт себе имя Сент-Арно, получает

---

⁴²² Здесь и далее биография Сент-Арно приводится по Википедии, статьям «Леруа де Сент-Арно, Арман Жак Ашиль» и «Armand Jacques Achille Leroy de Saint-Arnaud» (на французском языке) – за исключением случаев, оговоренных особо.

⁴²³ В результате революции 27–30 июля 1830 года был свергнут король Карл X, и его преемником был провозглашён

чин лейтенанта, но вновь ссорится со своими сослуживцами и уезжает в Северную Африку, в Алжир, где Франция вовсю ведёт войну за превращение этой страны в свою колонию. Там он воюет жёстко и даже жестоко. Так, например, в 1845 году он загоняет алжирских повстанцев вместе с мирным населением в пещеры, блокирует из них все выходы и запускает вовнутрь дым. Люди задыхаются все до одного⁴²⁴. А Сент-Арно между тем производится в капитаны и опять попадает на воровстве, но его начальство решает дело замять. В 1847 году за взятие в плен одного из алжирских лидеров Сент-Арно присваивается звание бригадного генерала. Революция 1848 года⁴²⁵ застаёт его в Париже, он активно подключается к её подавлению, громит баррикады, попадает в руки революционеров, но освобождается и вновь отбывает в Алжир. Но вот 26 октября 1851 года президент Франции Луи Наполеон, давно симпатизирующий этому не знающему сомнений генералу и уже вовсю готовящийся провозгласить себя императором, назначает Сент-Арно военным министром, и чуть больше чем через месяц тот становится активнейшим участником переворота, который даёт Франции очередного (и, кстати говоря, последнего в её истории) императора – Наполеона III. А Сент-Арно становится маршалом и с началом Крымской войны назначается командующим французской армией. Но, вообще-то, личность он неприятная, правда? И от себя замечу – имеющая опыт боевых действий только против арабских повстанцев да своих собственных сограждан-парижан. Забавно, что супруг британской королевы Виктории принц Альберт называл его «проходимцем до мозга костей»⁴²⁶.

Фельдмаршал Фицрой Джеймс Генри Сомерсет, 1-й барон Реглан (1788–1855)

герцог Орлеанский, коронованный 9 августа под именем Луи-Филипп I (см. Википедию, статьи «Июльская революция» и «Луи-Филипп I»).

⁴²⁴ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 10–11.

⁴²⁵ Революция 22–24 февраля 1848 года привела к свержению короля Луи-Филиппа (см. выше) и провозглашению так называемой Второй республики; 10 декабря её президентом был прямым народным голосованием избран племянник Наполеона Бонапарта Шарль Луи, который 2 декабря 1851 года осуществил военный переворот и стал императором Франции под именем Наполеона III (см. Википедию, статьи «Революция 1848 года во Франции», «Наполеон III» и «Государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 года»).

⁴²⁶ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 492.

Английский главнокомандующий Фицрой Джеймс Генри Сомерсет, 1-й барон Реглан на своего французского коллегу был совсем не похож и даже, пожалуй, являлся его противоположностью. Его фамилия по-английски правильно действительно звучит как «Реглан», но в России как-то уж сложилось называть его «Раглан», так что я в своём повествовании буду придерживаться второго варианта.

Между прочим, портным следует поблагодарить этого английского джентльмена за новый вид покроя рукава. Дело в том, что в 1815 году лорд Раглан, участвуя в качестве адъютанта английского главнокомандующего герцога Веллингтона⁴²⁷ в знаменитом сражении при Ватерлоо, лишился правой руки. В ходе Крымской войны, особенно в дождливую осень 1854 и ненастную зиму 1854–1855 годов, вода постоянно проникала сквозь его китель, в том числе и через шов на рукаве, что приносило ему большие неудобства. В результате специально для фельдмаршала был придуман новый крой рукава, вместе с плечевой частью, который впоследствии и был назван «реглан»⁴²⁸.

Так вот после Ватерлоо карьера лорда Раглана была исключительно мирной, и он никогда и ничем не командовал⁴²⁹. Был секретарём посольства Великобритании во Франции, затем поехал со специальной дипломатической миссией в Испанию, а в 1826 году – в Санкт-Петербург. 25 лет занимал должность военного секретаря главнокомандующего британской армией (того же Веллингтона), дослужился до звания генерал-лейтенанта и накануне Крымской войны был произведён в полные генералы. В отличие от авантюриста и пройдохи Сент-Арно, лорд Раглан был честнейшим человеком (он «не солгал бы [даже] для того, чтобы сохранить себе жизнь»⁴³⁰, говорили о нём), и слово «честь» для него значило всё. Он был изысканно вежлив, несколько медлителен в мыслях и действиях, холоден с подчинёнными и чрезвычайно ревниво относился к своей власти, что порождало в нём подозрительность и некоторую скрытность. Храбрость его была несомненна, но вот практического военного опыта ему сильно не доставало, и он тяжело переживал свои ошибки в ходе Крымской кампании, которых было немало. «То был истый английский джентльмен, – пишет Рассел, – из него вышел бы безупречный солдат, а при хорошем командире – и неплохой лейтенант. Однако я имею все основания сомневаться в том, что был он великим или даже неплохим полководцем»⁴³¹.

А мы возвратимся к реке Альме.

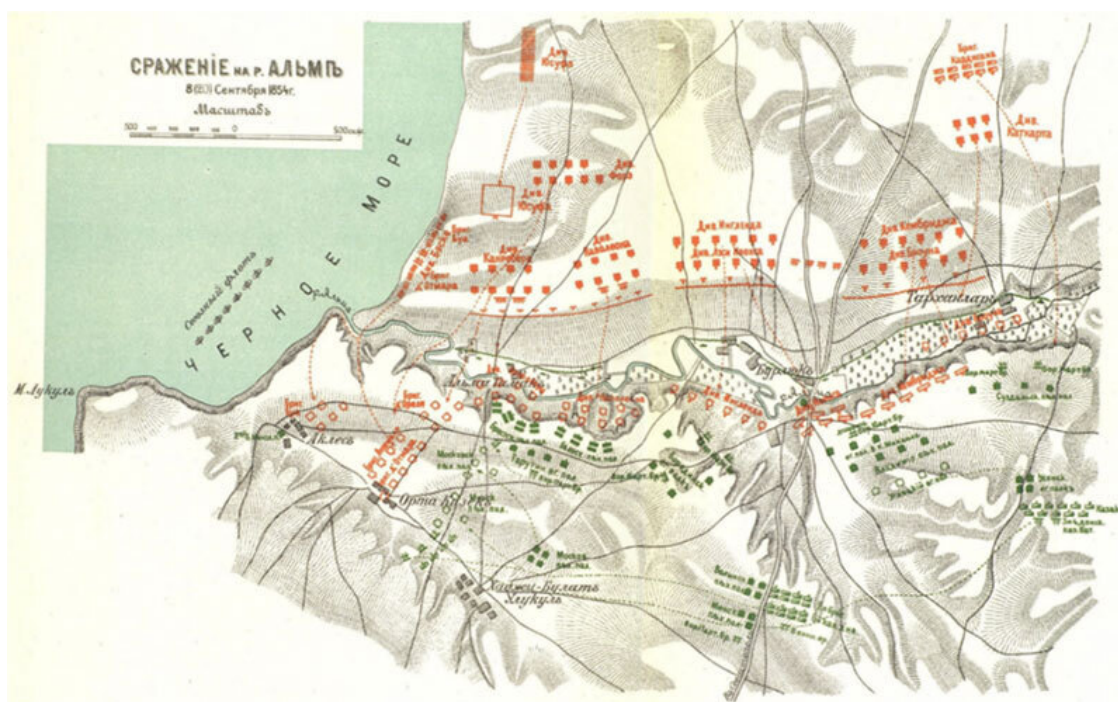
⁴²⁷ См. Википедию, статью «Веллингтон, Артур Уэлсли».

⁴²⁸ См. Википедию, статью «Реглан».

⁴²⁹ Здесь и далее биография лорда Раглана приводится по Википедии, статье «Сомерсет, Фицрой Джеймс, 1-й барон Реглан» – за исключением случаев, оговоренных особо.

⁴³⁰ Цит. по: Википедия, статья «Сомерсет, Фицрой Джеймс, 1-й барон Реглан».

⁴³¹ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 252.

По-татарски её название означает «яблоко»⁴³² (по её берегам и сегодня растёт много яблонь), да и рекой её можно назвать с трудом. Скорее, речушка, а летом так и вовсе ручей. Русский главнокомандующий обратил внимание на её левый, южный берег ещё летом 1854 года⁴³³ – хотя в конце концов, накануне сражения, место предстоящего боя даже не стал осматривать⁴³⁴.

На вышеприведённой карте, где наши войска обозначены зелёным цветом, а неприятельские – красным, отчётливо видно, что её южный берег круто поднимается вверх, причём чем ближе к побережью Чёрного моря, тем отвеснее. Северный же берег, наоборот, довольно пологий, почти равнина. Это, естественно, давало возможность нашей армии, занявшей и укрепившей свои оборонительные позиции на господствующих высотах южного берега, с успехом сдерживать наступление союзников, а при удачном повороте событий, глядишь, и отбросить их назад к Евпатории. Почему же Меншиков заранее отдал инициативу врагу? Да потому что у Альмы у него было, как мы помним, где-то 33.000 штыков и 96 орудий⁴³⁵ (по другим данным – 84⁴³⁶), а французы, англичане и турки подошли к ней примерно с 55 тысячами человек и со 112 орудиями⁴³⁷. Да и поддержки флота у князя не было. К тому же, если у нашей артиллерии ещё была возможность сражаться с союзниками более или менее на равных, то стрелковое оружие, стоявшее на вооружении у наших пехотинцев, и по дальности, и по скорострельности, и, самое главное, по меткости неприятельскому уступало (ниже я расскажу об этом подробнее).

Ночь перед боем была ясная и холодная, на землю быстро легла обильная роса. Обе армии хорошо видели костры друг друга, а море у побережья вообще светилось как днём: корабли союзников были ярко освещены. Поздно вечером лорд Раглан приглашает своего французского коллегу к себе. Французские разведчики уже доложили Сент-Арно, что отвесные берега Альмы около моря не так уж и непреодолимы, а флотская разведка сообщила, что в этом месте через

⁴³² См. Википедию, статью «Альма».

⁴³³ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 115.

⁴³⁴ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 115.

⁴³⁵ Э.И. Тоглебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 269.

⁴³⁶ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 115.

⁴³⁷ Op. cit., стр. 114.

реку вообще есть брод. Так что маршал предлагает начать завтра с атаки на левый фланг наших позиций. Рано поутру часть его войск сначала скрытно, а потом под прикрытием огня союзного флота, перейдёт Альму, вскарабкается – вместе с артиллерией! – на её крутые склоны и обрушится на русские части, расположенные наверху на плато. Турецкий корпус будет следовать сзади, чтобы в случае нашей успешной контратаки оказать поддержку главному направлению удара союзников. В этот момент на наш центр начнут наступление другие французские части, а слева правый фланг русских должны будут стараться прорвать англичане. Таким образом, исходным – и решающим – моментом сражения должен стать французский манёвр у моря. Раглан «сидел с непроницаемым видом, иногда сдержанно улыбаясь, внимательно слушал, не оспаривал собеседника и не предлагал собственного мнения»⁴³⁸. В общем, предложение Сент-Арно без особых обсуждений принимается.

20 сентября, перед рассветом, с французского адмиральского корабля звучит сигнальный выстрел, и тут же в лагере противника начинают играть подъём. В густом тумане солдаты отчётливо слышат со стороны моря лязганье железа. Это поднимает якоря союзный флот. Французские позиции обволакиваются густым ароматом кофе: солдаты завтракают перед боем. Многие, несмотря на то что революция много лет назад расправилась с религией, подходят к священникам и молятся.

Просыпается и русский лагерь. Здесь молебен идёт с размахом. Полковые священники обходят ряды нашей армии, кропят всех, от генералов до рядовых, святой водой. Звучит барабанная дробь, тысячи людей начинают молиться. Обстановка торжественная, но чего-то явно не хватает. Ну, конечно же, – не слышно хлопанья знамён. Главнокомандующий, опасаясь, как бы они не попали в ходе боя в руки противника, приказывает держать их в чехлах⁴³⁹! И это сыгрывает свою пагубную роль, поскольку русские солдаты и офицеры привыкли биться под боевым стягом, более того, – в этот день они неоднократно увидят, как неприятель при каждом успехе будет водружать на захваченных у нас позициях свои знамёна, а им ответить будет нечем!

А что же происходит в это время в лагере англичан? Да ничего! Оттуда доносится многоголосый богатырский мужской храп. Да-да: британцы спят и будут спать даже тогда, когда французы уже начнут движение в направлении наших позиций. В этом бою они опоздают со своим ударом, и такие опоздания станут характерной чертой их участия в Крымской кампании.

В половине шестого утра⁴⁴⁰ французы, скрытые густой пеленой тумана и стараясь не шуметь, начинают движение вдоль моря к Альме. Через час они стоят на её берегу в полной готовности к переходу реки вброд. Но приказ однозначен: продолжать наступление только при выходе на условленные позиции англичан. А те ещё только-только пробудились ото сна. Изумлённые и возмущённые французы отправляют к ним адъютанта, и тот слышит от командира 2-й британской дивизии генерал-лейтенанта⁴⁴¹ сэра Джорджа де Лэйси Эванса⁴⁴² (мы ещё вспомним о нём при описании боя на Инкерманских высотах), что он вообще никаких указаний о наступлении не получал⁴⁴³! Сент-Арно отправляет адъютанта к лорду Раглану, но он невозмутимо заявляет, что часть его войск накануне легла спать очень поздно⁴⁴⁴, вот задержка и вышла. В общем, утро идёт наперекосяк, и французы вынуждены стоять без движения ещё

⁴³⁸ Цит. по: А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»», 2014, стр. 284.

⁴³⁹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 121.

⁴⁴⁰ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 242.

⁴⁴¹ *Op. cit.*, стр. 519.

⁴⁴² Произносится также как «Джордж де Ласи Эванс» – см. Википедию, статьи «Де Ласи Эванс, Джордж» и «De Lacy Evans» (на английском языке).

⁴⁴³ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 242.

⁴⁴⁴ Там же.

пять часов⁴⁴⁵ (!), ожидая своих неторопливых союзников. За это время туман, естественно, рассеивается, и ни о каком скрытом манёвре и речи уже быть не может.

Наши замечают французские соединения у Альмы ещё около семи утра. Меншиков тут же направляет к генералу Василию Кирьякову⁴⁴⁶, командующему русскими войсками на этом направлении, своего адъютанта с предостережением, что напротив него, внизу, в долине реки, стоят крупные силы французов «и чтобы он был очень осторожен»⁴⁴⁷. Кирьяков отвечает, что тоже наблюдает их, абсолютно этого не опасается и вообще «шапками забросает неприятеля»⁴⁴⁸. И не предпринимает ровно никаких шагов для того, чтобы хоть как-то укрепить свои позиции на вершинах глубоких лошин, по которым вскоре начнёт подъём противник. А ведь у него было на это четыре с половиной часа! Более того, на самом опасном участке у него войск не оказывается вообще! Кирьяков отдаёт соответствующий приказ своему подчинённому, тот его почему-то не выполняет, а «редко бывавший в /.../ трезвом состоянии»⁴⁴⁹ генерал не удосуживается проверить, как там реально обстоят дела⁴⁵⁰. Как видите, бардак царит не только в войске союзников, но и у нас, и неизвестно, где его больше.

В половине двенадцатого англичане добираются, наконец, до своих исходных позиций, и французы приступают к наступлению, которого они так долго ждали. Через час они форсируют Альму⁴⁵¹, и вскоре зуавы, под прикрытием огня союзного флота, начинают карабкаться по крутым склонам. За ними тащится артиллерия.

Пришло время сказать пару слов об этих отчаянных рубаках. Слово «зуав» – арабское, но пришло во Францию через Оттоманскую империю. Так в ней называли представителей арабских племён, проживавших на севере Алжира. Турки активно вербовали их в свою армию, поскольку о храбрости этих воинов ходили легенды. После прихода в Алжир французов турецкие вербовщики предложили свои услуги новым хозяевам, и таким образом во французской армии появилось новое подразделение, игравшее роль лёгкой пехоты. Дисциплина у них, правда, здорово хромала, и постепенно это привело к тому, что арабов в тех частях стали вытеснять французы – выходцы из низших городских слоёв. Храбростью и бесшабашностью они отличались не меньшей, а вот изобретательность демонстрировали значительно большую, да и к приказам своих командиров относились так, как это должно быть в армии. Их военная форма была ярко выраженного восточного кроя: широкие шаровары, короткие куртки, фески, но к началу Крымской войны, в отличие от широко распространённого мнения, подавляющее их большинство было представлено французами. Авторитет зуавов, что среди своих однопольчан, что в рядах противника, был чрезвычайно высок⁴⁵².

Основные силы французов поднимаются по довольно крутому, но глубокому оврагу-ложбине. Легко вооружённые зуавы быстро оказываются на вершине плато, не обнаруживают там, к своему удивлению, никого, кроме какой-то полусотни казаков⁴⁵³, дают знак остальным, и вскоре масса французских войск уже строится в боевые порядки. Более того, на плато беспрепятственно втаскиваются орудия и разворачиваются в сторону наших позиций. На них располагается лишь один из батальонов Минского полка, но он из-за опасения попасть под огонь

---

⁴⁴⁵ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 272.

⁴⁴⁶ См. Википедию, статью «Кирьяков, Василий Яковлевич».

⁴⁴⁷ Цит. по: С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 128.

⁴⁴⁸ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 117.

⁴⁴⁹ *Op. cit.*, стр. 116.

⁴⁵⁰ *Op. cit.*, стр. 129.

⁴⁵¹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 273.

⁴⁵² У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 503–504; см. также Википедию, статью «Зуав».

⁴⁵³ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 116.

союзного флота стоит так далеко (примерно в километре⁴⁵⁴), что манёврам противника помешать совершенно не в силах, а вот для его убийственного артиллерийского огня оказывается прекрасной мишенью.

Меншиков, не доверяя словам генерала Кирьякова, решает лично ознакомиться с ситуацией на нашем левом фланге и, к своему ужасу, видит в полукилометре от себя приближающихся французов. Кирьяков наступление врага попросту прохлопал! Главнокомандующий понимает, что время для организации эффективной контратаки практически упущено, но всё же отдает приказ подтянуть в это место кавалерию и особенно артиллерию. А сам бессильно наблюдает за тем, как на плато колонна за колонной появляются синие мундиры французов. Одновременно ему сообщают, что противник начал наступление по центру наших позиций.

Завязывается интенсивная артиллерийская перестрелка. Поначалу на плато преимущество в огневой мощи оказывается на нашей стороне, и Меншиков приказывает Кирьякову провести немедленную атаку. Но тот... приказ игнорирует⁴⁵⁵! Зато бросается вперёд другой генерал – Михаил Куртьянов, совершенно не учитывая ситуацию. Человеком он был храбрым, но глупым, и сочетание этих двух качеств у военного командира, опасное даже в мирное время, оказалось в боевых условиях в прямом смысле слова убийственным. На совершенно открытой местности он поднимает несколько рот Московского полка в штыковую атаку, причём плотно сомкнутыми рядами. Не пройдя и ста метров, наши солдаты попадают под страшный ружейный и артиллерийский огонь, выкашивающий их десятками. Нет нужды говорить, что русская контратака захлёбывается. Количество французских орудий нарастает, и вскоре становится очевидным, что сбросить неприятеля с плато уже не представляется возможным. Наши полки начинают подаваться назад – во главе всё с тем же генералом Кирьяковым. Начальник штаба Меншикова полковник Василий Вунш⁴⁵⁶ потом вспоминал: «/.../ проскакав ещё некоторое пространство, мы встретили генерала Кирьякова в лощине, пешего»⁴⁵⁷, причём он так и не смог ответить на вопрос, где же находятся вверенные ему войска, ограничившись лишь неуместным замечанием, что «под ним была убита лошадь»⁴⁵⁸.

Где-то до половины второго русская армия, несмотря на двойное превосходство противника на своём левом фланге⁴⁵⁹, бомбардировку со стороны союзного флота, а также сильнейшее давление по центру, в целом держит удар. Сент-Арно нервничает и отправляет к лорду Раглану просьбу начать действия на нашем правом фланге. Англичане вступают в бой лишь в районе двух часов дня⁴⁶⁰, но вместо того, чтобы давить на нас там, где просят французы, несколько сдвигаются к центру. В результате фронт сражения начинает всё больше и больше сужаться, и союзники вместо того, чтобы сбросить русских в море, наоборот, оттесняют их всё дальше и дальше от береговой линии.

Их наступление по центру идёт с трудом: русская артиллерия действует исключительно успешно, метко работают наши стрелки-егеря. Практически все французы, которые приняли участие в сражении на Альме, отмечают эти две главные проблемы, с которыми им пришлось столкнуться⁴⁶¹. К сожалению, однако, вновь играет свою негативную роль натура нашего главнокомандующего. Я уже говорил, что он не верил в способности своих подчинённых, и вот теперь постепенно начинает от руководства сражением попросту уклоняться. Достаточно ска-

⁴⁵⁴ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 269.

⁴⁵⁵ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 131.

⁴⁵⁶ *Op. cit.*, стр. 121.

⁴⁵⁷ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 117.

⁴⁵⁸ Цит. по: там же.

⁴⁵⁹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 134.

⁴⁶⁰ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 283.

⁴⁶¹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 133.

зять, что после полудня он не отдаёт войскам ни одного приказа⁴⁶²! Князь разъезжает по полю боя, расспрашивает, как обстоят дела, но далее в своих действиях не идёт. А брошенная им на произвол судьбы армия продолжает сражаться. И как сражаться! Приведу лишь два примера действий солдат и офицеров Московского пехотного полка, командир которого, тот самый генерал Кирьяков⁴⁶³, «потерял лошадь»⁴⁶⁴.

72 стрелка этого полка под командованием поручика Култашёва⁴⁶⁵ (к сожалению, я не нашёл, как его звали) меткой стрельбой останавливают наступление превосходящих сил французов, заставляют их отойти назад, а потом «ещё долгое время»⁴⁶⁶ продолжают удерживать свои позиции. Более того, они обеспечивают организованный отход своим товарищам за Альму, а сами отходят лишь когда оказываются под угрозой полного уничтожения в рукопашной схватке. При этом отряд не теряет ни одного человека, и только покинув прикрывающие его виноградники, попадает под картечный обстрел, унесший 13 жизней. Но и после этого не бежит, а рассыпается цепью на новых позициях и вновь заставляет французов остановиться на противоположном берегу Альмы⁴⁶⁷. Затем горстка героев, с трудом отбиваясь штыками и прикладами от наседавшего неприятеля, организованно отходит на высоты южного, «русского» берега реки, видит Брестский резервный полк, пытается присоединиться к нему, но тот начинает быстрое отступление. Култашёвцы и здесь не теряют самообладания, организуют защиту позиций, оставленных этим полком, и, может быть, благодаря им отступление их товарищей не превращается в бегство и разгром⁴⁶⁸.

Так же умно, храбро и умело действует третий батальон Московского полка под командованием подполковника Соловьёва (его имени я тоже не знаю). Сначала он успешно обороняет деревню Альматама́к (сегодня – село Песчаное⁴⁶⁹), на левом фланге наших позиций, затем, когда сдерживать натиск французов не остаётся уже никакой возможности, организованно отходит за Альму, рас-средотачивается в прибрежном кустарнике и вновь открывает огонь. О том, сколько хлопот принёс французам этот небольшой отряд (в русском пехотном батальоне в те времена реально насчитывалось не более 900 человек⁴⁷⁰, но ведь в бою подразделение Соловьёва несло значительные потери) свидетельствует хотя бы тот факт, что честь сражения с ним приписывают себе как минимум три французские бригады⁴⁷¹. Для количественного сравнения скажу, что только одна из них – под командованием генерала Эли́ Фредерика Форé – насчитывала 5.158 человек⁴⁷². А Соловьёв отходит тем временем дальше, взбирается на «наши» высоты, видит ряды Тарутинского полка, ещё не принявшего участия в сражении, и устремляется туда в надежде прикрыться им и перевести дух.

И тут происходит непоправимое: Тарутинский полк начинает быстрое отступление, на грани бегства. Отступает без приказа главнокомандующего, при первых же выстрелах французов в его сторону! Ответственность за этот позорный манёвр, несомненно, лежит на его командире – генерал-майоре Семёне Волкове⁴⁷³. Отступление тарутинцев играет в судьбе сражения

⁴⁶² *Op. cit.*, стр. 134.

⁴⁶³ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга II, стр. 836.

⁴⁶⁴ Справедливости ради следует сказать, что вскоре Кирьяков вновь берёт в свои руки командование полком и даже с успехом руководит действиями артиллерии в центре нашей позиции (см. С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 140).

⁴⁶⁵ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 136 и 138.

⁴⁶⁶ *Op. cit.*, стр. 136.

⁴⁶⁷ *Op. cit.*, стр. 138.

⁴⁶⁸ *Op. cit.*, стр. 142.

⁴⁶⁹ См. Википедию, статью «Песчаное (Крым)».

⁴⁷⁰ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 121.

⁴⁷¹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 138.

⁴⁷² Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 833.

⁴⁷³ См. Википедию, статью «Волков, Семён Алексеевич».

трагическую роль. В центре русской позиции образовывается никем не защищаемая брешь чуть ли не в километр шириной⁴⁷⁴, наш левый фланг к этому времени оказывается отжатым от берега уже почти на три километра⁴⁷⁵, и начинается отступление практически по всему фронту – за исключением продолжающего держаться против англичан правого фланга.

Там выдвинувшиеся наконец-то к Альме британцы тут же попадают под наш меткий артиллерийский и ружейный огонь. Рассел пишет: «Правый фланг заволкло клубами чёрного дыма от горящей деревни. Фронт противника взорвался вулканом огня и белого дыма. Рёв пушек сделался нестерпимым, мы слышали, как, тяжело гудя, пролетали ядра, как со страшным грохотом падали они на землю. Вокруг трещали деревья, сокрушаемые этой яростной мощью. Из стен летели камни и щепы. /.../ тут прозвучал приказ наступать»⁴⁷⁶.

Основная схватка разворачивается за мост через реку недалеко от деревеньки Бурлюк (сейчас это село Вилино⁴⁷⁷). Англичане наступают под ураганным артиллерийским огнём (очевидцы вспоминали, что уже после окончания битвы пройденный ими до русских позиций путь напоминал широкую дорогу, заваленную пятнами красных мундиров их убитых и раненых солдат). Подойдя к Бурлюку, англичане неожиданно для себя видят, что он вспыхивает как спичка: этот сюрприз устраивают им наши сапёры. Дым мешает целиться, град русских ядер не прекращается, британцы сбиваются в кучу, их атака теряет стройность. В конце концов они всё же врываются в горящую деревню, но обнаруживают, что за ней никого нет: русские отошли к склонам высот, на которых стоят их батареи. А англичане тут же вновь попадают под яростный огонь, отчаянно отстреливаются, однако вскоре их ряды окончательно расстраиваются, и атака останавливается. Часовая схватка завершается, и неизвестно, чем бы вообще закончилась вся эта затея, если бы не глупейшая расхлябанность русских тыловых служб.

Через некоторое время британцы опять бросаются к мосту, их встречает дружный ружейный залп, а потом... тишина. У наших стрелков кончаются патроны, а патронные ящики тыловики доставили куда-то в другое место!

Неприятель мгновенно вламывается на мост, да так стремительно, что наши сапёры даже не успевают его поджечь. Это переламывает ситуацию. Англичане врываются на наши батареи на так называемом Большом редуте, захватывают на них после яростной рукопашной схватки два орудия и поднимают там свой флаг. Увидев это, два батальона Владимирского полка бросаются в штыковую атаку, несут от вражеского ружейного огня страшные потери, но батарею вместе с орудиями отбивают. Англичане бегут назад примерно полкилометра⁴⁷⁸, после чего залегают в кустах. Но владимирцам – увы! – неизвестно, что сзади них, наверху, французы уже разорвали наш центр и основные силы русских отступают.

Наши бойцы тут же попадают под жестокий обстрел, причём ведут его теперь уже не только английские, но – с тыла – и французские орудия⁴⁷⁹. Большая часть офицеров оказывается убитой или раненой, под их командиром, 64-летним генералом Петром Дмитриевичем Горчаковым⁴⁸⁰ (старшим братом Михаила Горчакова, командующего русской Дунайской армией в этой войне) погибает лошадь, его шинель пробивают шесть пуль⁴⁸¹.

Горчаков и находящийся рядом с ним генерал Онуфрий Александрович Квицинский решают ударить по врагу вновь. Атака эта была ужасающей для обеих сторон. Русские солдаты выходят из-за укреплений и под мерную барабанную дробь молча, взяв ружья с примкнутыми

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 144.

⁴⁷⁶ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 259.

⁴⁷⁷ См. Википедию, статью «Вилино».

⁴⁷⁸ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 156.

⁴⁷⁹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 290.

⁴⁸⁰ См. Википедию, статью «Горчаков, Пётр Дмитриевич».

⁴⁸¹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 288.

штыками наперевес, устремляются без единого выстрела на англичан. Расстояние между противниками очень короткое, поэтому британцы едва успевают сделать один ружейный залп. Они отступают, поначалу организованно, то тут, то там завязываются рукопашные схватки, но в конце концов их охватывает форменная паника, и они откатываются обратно к Альме. Бегство оказывается таким бурным, что английские пехотинцы врезаются в плотно стоящие на их пути ряды своих же гвардейцев и ломают несколько из них рёбра⁴⁸²!

Но гвардия на то и элитная часть армии, чтобы в критический момент не терять хладнокровия. По наступающим владимирцам чуть ли не в упор производится дружный залп, нанёсший им страшный урон. Наши солдаты были на пределе своих физических возможностей, им срочно требовалось подкрепление. «/.../ мимо меня несли раненого нашего начальника /.../ генерал-лейтенанта Квицинского, – вспоминает один из офицеров – участников той атаки. – Подозвав меня к себе, генерал приказал мне передать, чтобы войска, стоявшие на второй линии, немедленно наступали и поддержали молодцов владимирцев; но не успел ещё генерал окончить этих слов, как новая пуля поразила его в ту же раненую ногу»⁴⁸³. Адьютант генерала несётся к стоящему недалеко Углицкому полку – совсем свежему! – передаёт просьбу своего начальника и спешит назад к своим в надежде на скорую помощь. Но командир Углицкого полка генерал-майор Евстафий Шонерт⁴⁸⁴ приказ командира дивизии Квицинского, то есть своего непосредственного командира, не выполняет и, наоборот, начинает отступление! Это просто уму непостижимо!!!

Владимирцы оказываются практически в окружении, и тут начинается штыковая атака уже английской гвардии. Расстреляв первые шеренги наших солдат, британцы врываются на батарею, на которой происходит страшная, кровавая и беспощадная рукопашная схватка. В пороховом дыму противники иногда замечают друг друга буквально в нескольких шагах и убивают, убивают, убивают – штыками, прикладами ружей, камнями, подвернувшимися под руку палками. Вскоре преданные всеми, брошенные и совершенно обессиленные владимирцы начинают отступать. Именно отступать – не бежать. Недалеко от них так же отчаянно и безнадежно бьются два батальона Казанского полка. Дело решает английская артиллерия, приступившая к планомерному и прицельному расстрелу уже совершенно беззащитных людей. Отступление становится беспорядочным.

К шести часам вечера⁴⁸⁵ сражение практически завершается. Русская армия откатывается по всему фронту, её отход первоначально прикрывают ещё продолжающие сражаться Минский и Московский пехотные полки, поле боя остаётся за союзниками. Нам вслед безнаказанно бьёт артиллерия противника. Один из очевидцев писал: «Это скорбное зрелище могло свести с ума человека слабого и чувствительного. Невозможно было без сострадания видеть сотни изувеченных солдат, бредущих из последних сил за своими товарищами, едва не теряющих сознание, стонающих от мучительной боли при каждом шаге. /.../ Некоторые солдаты получили несколько ран – их могло быть и шесть, и семь – в разные части тела. Как правило, это были пулевые ранения. Раны быстро воспалялись, в них попадала инфекция. Помимо прочего, люди невыносимо страдали от жажды, но воды не хватало, как не хватало врачей, фельдшеров, повозок. Раненым приходилось самим о себе заботиться – для перевязок им служили рубахи или оторванный подол мундира. Они молили о помощи проходящих мимо здоровых солдат...»⁴⁸⁶.

В общем, победа союзников неоспорима. Но вот каковы её реальные военные плоды?

---

⁴⁸² С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 158.

⁴⁸³ Цит. по: там же.

⁴⁸⁴ См. Википедию, статью «16-я пехотная дивизия (Российская империя)».

⁴⁸⁵ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 120.

⁴⁸⁶ Цит. по: А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом 'Амфора'», 2014, стр. 253.

Да, наш отход к Севастополю, дисциплинированный вначале, потом проходит в полнейшем беспорядке. «Трудно представить себе что-нибудь подобное нашему отступлению после проигранного нами /.../ дела при Альме, – вспоминает один из его участников. – По мере отдаления от неприятеля и наступления сумерек уцелевшие в разброде остатки полков /.../ всё более и более смешивались и, не получая никаких приказаний, оставаясь в совершенном неведении, куда идти и что предпринять, образовывали кучки разнообразной формы мундиров и подходили к нам осведомиться, куда мы идём и в каком направлении находятся штабы таких-то и таких полков /.../. Мы отвечали, что /.../ о полках мы ничего не знаем. С наступлением темноты и продолжавшейся общей неизвестности распространилась по войскам паника: подходящие кучки солдат сообщали, что неприятель /.../ сбросил десант и /.../ мы отрезаны от Севастополя /.../. Словом, если бы появился небольшой отряд неприятеля, вооружённый не ружьями, а просто палками, то погнался бы всех как стадо баранов»⁴⁸⁷. В армии «царили полнейшие безначалие и беспечность»⁴⁸⁸, «солдатики горланили, бродили и мародёрничали по хуторам и жилью, покинутыми их хозяевами»⁴⁸⁹. «Ночью солдаты разбрелись по селению, зажгли его, разбили бочки с вином, и многие перепились»⁴⁹⁰. Строй сохранил только один полк – Волынский, который, собственно, и прикрывал общий отход, причём прикрывал так, что союзники всей этой каши не заметили и назвали наше отступление «прекрасным»⁴⁹¹. Но мы-то знаем, что в ту ночь русская армия в своём подавляющем большинстве на армию была, мягко говоря, не очень похожа.

Итак, поле боя осталось за союзниками. Оно представляло собой страшное зрелище. Вот как описывает увиденное английский хирург: «Эти два дня я решительно купался в крови. Никакое описание не может передать всех ужасов этого поля сражения: мёртвые, умирающие, лошади, ружья, лафеты, тела без голов, туловища без ног, раны такие, что у меня кровь стынет в жилах при одном воспоминании о них /.../. В редутах мёртвые и раненые лежали одни на других целыми грудями. Когда я проходил между ранеными, мольбы их разрывали мне сердце, и пока я занимался одним из них, двадцать других с отчаянием призывали меня к себе»⁴⁹². «Меня разбудили чьи-то предсмертные стоны, – пишет Рассел, – а наутро я обнаружил возле любезно предоставленной мне палатки труп русского солдата. Мы не видели его, когда ложились спать. Вероятно, несчастный с окончания боя бродил по холмам, мучимый голодом. Потом завидел наши костры, сполз в долину и умер, так и не добравшись до них. Мы нашли потом ещё несколько таких тел»⁴⁹³.

В ходе четырёхчасового боя при Альме у нас было ранено и контужено 5 генералов, убито 46 офицеров, ранено и контужено – 140, без вести пропало⁴⁹⁴ – 7. Нижних чинов, то есть в основном простых солдат, было убито 1.755 человек, ранено и контужено – 3.028 и пропало без вести – 728 человек⁴⁹⁵. Итого 5.709 человек. Самые страшные потери понёс геройский Владимирский полк – кстати говоря, один из старейших в нашей армии (он был образован в 1700 году⁴⁹⁶): 1.307 человек⁴⁹⁷, то есть более 25 % своей штатной численности⁴⁹⁸.

⁴⁸⁷ Цит. по: С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 164.

⁴⁸⁸ Цит. по: *op. cit.*, стр. 172.

⁴⁸⁹ Цит. по: там же.

⁴⁹⁰ Цит. по: там же.

⁴⁹¹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 163 и 165.

⁴⁹² Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 149.

⁴⁹³ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 289.

⁴⁹⁴ К без вести пропавшим тогда в основном относили попавших в плен, а также убитых, тела которых остались на позициях, занятых неприятелем.

⁴⁹⁵ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 292.

⁴⁹⁶ Был расформирован коммунистами-большевиками в 1918 году (см. Википедию, статью «Владимирский 61-й пехотный полк»).

Во французской армии 6 офицеров было убито и 59 ранено; среди солдат цифры были 259 и 1.092 соответственно. Англичане потеряли убитыми 25 офицеров и 327 солдат и ранеными – 73 и 1.539 соответственно. Потери турок никто не считал, но в любом случае они должны были быть незначительными, поскольку те играли в сражении второстепенную роль. Итак, союзники потеряли не менее 3.380 человек, то есть почти в 1,7 раза меньше.

И тем не менее первые восторги после одержанной победой быстро развеялись. Да, русские отступили, но разгрома не произошло. Количество пленных было невелико – каких-то 423 человека⁴⁹⁹, причём почти все из них были ранены. Захвачено 2 орудия⁵⁰⁰. Не взято ни одного знамени⁵⁰¹ (ещё бы – Меншиков-то приказал их в войска не давать). И самое главное: союзники столкнулись с ожесточённейшим сопротивлением, которое стало для них неприятной неожиданностью. Участник сражения, штабной офицер лорда Раглана, а впоследствии историк Крымской войны Александр Кинглэк⁵⁰² (он написал о ней аж восьмитомный труд!) впоследствии особо подчёркивал силу духа (*fortitude*), которую демонстрировали русские солдаты даже при отступлении: «порядок был сохранён, и колонна, с минуты на минуту истребляемая всё больше, шла величаво»⁵⁰³. И далее он пишет: «Я стремился признать храбрость и стойкость русской пехоты»⁵⁰⁴.

Кроме того, за усреднённым показателем потерь – к слову сказать, немалых – скрывались цифры куда более печальные, особенно для тех же англичан.

Так, например, их 33-й пехотный полк потерял в схватке с нашим Владимирским полком офицеров больше, чем в сражении при Ватерлоо⁵⁰⁵. А 23-й Королевский Уэльский фузилёрный⁵⁰⁶ полк владимирцами просто был растерзан: убитыми и ранеными были потеряны 2/3 командного состава, в том числе все старшие офицеры, причём восемь из них, включая и командира полка полковника Честера, были убиты на месте⁵⁰⁷. 95-й Дербиширский пехотный полк, находившийся в центре боевого порядка союзников, тоже потерял почти 2/3 офицеров, а также четверть солдат и сержантов. Все офицеры и сержанты, охранявшие полковое знамя, были убиты или ранены, и его в конце концов подхватил рядовой Кённан⁵⁰⁸ – случай для британской армии исключительный, поскольку знамя доверялось только офицерам.

Такая вот виктория... По этому поводу участник Альминского сражения герцог Кембриджский, двоюродный брат английской королевы Виктории, грустно заметил: «Ещё одна такая победа, и Англия останется без армии»⁵⁰⁹.

Так что русские битву на Альме конечно же проиграли. Но в своём большинстве показали такой героизм, такую стойкость и такую готовность биться до последнего вздоха в буквальном смысле этого слова, что союзникам стало ясно: Крымская кампания лёгкой прогулкой (как они полагали) совершенно не будет.

⁴⁹⁷ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 292.

⁴⁹⁸ *Op. cit.*, часть I, книга II, стр. 825.

⁴⁹⁹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 165.

⁵⁰⁰ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 531.

⁵⁰¹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 118.

⁵⁰² См. Википедию, статью «Alexander William Kinglake» (на английском языке).

⁵⁰³ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 118.

⁵⁰⁴ Цит. по: там же.

⁵⁰⁵ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 505.

⁵⁰⁶ В переводе с французского слово «фузилёр» («fusilier») означает «стрелок из ружья» (см. Википедию, статью «Фузилёры»), то есть фузилёрный полк иными словами можно назвать стрелковым.

⁵⁰⁷ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 507.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Цит. по: *op. cit.*, стр. 509.

Подвиги наших солдат в том бою, слава Богу, не забыты. На его месте, неподалёку от села Вилино (тот самый Бурлюк) располагается военно-исторический мемориал «Поле Альминского сражения», где проводятся реконструкции событий того далёкого сентябрьского дня. В 1884 году в память о павших здесь воинах был установлен первый капитальный монумент-стела, а 8 сентября 1902 года (по старому стилю) на средства, выделенные русским императором Александром Вторым, – памятник воинам Владимирского полка, сохранившиеся до сих пор. Есть здесь памятник солдатам того самого британского 23-го полка, которому так досталось от владимирцев; раньше был небольшой монумент и 33-му полку (не сохранился)⁵¹⁰, а также другие братские могилы и захоронения. Тут же стоит миниатюрная часовня. Я был там. Съездил и поклонился незнакомым мне героям. Ведь они защищали нашу страну ничуть не хуже солдат и офицеров Великой Отечественной войны.

Укрепление Севастополя. Первая бомбардировка (17 октября 1854 г.)

Кажется совершенно невероятным, но главная база русского Черноморского флота, хорошо защищавшая его с моря, почти не имела укреплений, прикрывающих город с суши. До Восточной войны об этом просто никто не думал: наши военные корабли хозяйничали в Чёрном море и делали там всё, что хотели, поскольку слабый турецкий флот тягаться с ними и близко не мог, а больше никакие страны прямого выхода к этому морю не имели. Когда же война началась, никому поначалу и в голову не приходило, что в Крыму может быть высажен такой огромный десант – это считалось технически невозможным. А вот когда такая перспектива замаячила, было уже поздно.

О незащитности Севастополя с суши союзники хорошо знали. Несмотря на то, что город это был закрытый и иностранцам посещать его было запрещено, осенью 1852 года в Крым в качестве туриста приехал один родившийся в Южной Африке шотландец по имени Лоренс Олифант⁵¹¹. Каким-то образом он умудрился пробраться в Севастополь, исходил его вдоль и поперёк и по возвращении в Великобританию свои впечатления опубликовал. И вот что он, в частности, написал: «/.../ в одном нет ни малейшего сомнения: как бы хорошо ни был защищён Севастополь от нападения с моря, ничто не может воспрепятствовать какой-либо армии высадиться в нескольких милях южнее города /.../ и промаршировать прямо по главной улице, – если, конечно, эта армия окажется достаточно сильной, чтобы совладать с возможным противодействием русских на открытом пространстве. А взяв и разграбив город, можно сжечь и флот»⁵¹². Здесь я бы отметил, что папа господина Олифанта, сэр Энтони⁵¹³, был генеральным прокурором Капской колонии (сейчас эта территория входит в состав Южно-Африканской Республики) и консультировал правительство Великобритании по её делам, а сам он в 1853 году стал секретарём генерал-губернатора Канады (которая в то время была британской колонией), а в 1865 году вообще стал членом английского парламента⁵¹⁴. Так что и папа, и сын имели обширные связи в политических кругах Лондона, и можно предположить, что Лоренс отправился в 1852 году в Россию, то есть, когда отношения Англии и особенно Франции с нашей страной уже начали обостряться, не только как турист. И ещё: перед отплытием из Англии на войну лорд Раглан с господином Олифантом встречался...⁵¹⁵

---

⁵¹⁰ Op. cit., стр. 505.

⁵¹¹ См. Википедию, статьи «Олифант, Лоренс» и «Laurence Oliphant (author)» (на английском языке).

⁵¹² Цит. по: А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»», 2014, стр. 293.

⁵¹³ См. Википедию, статью «Anthony Oliphant» (на английском языке).

⁵¹⁴ См. Википедию, статьи «Олифант, Лоренс» и «Laurence Oliphant (author)» (на английском языке).

⁵¹⁵ А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»», 2014, стр. 294.

Севастополь ведёт свою историю с 3 июня 1783 года⁵¹⁶, когда другой шотландец, на нашей службе, родившийся в Архангельске (его отец был русским контр-адмиралом), Томас – или, как его называли на русский манер, – Фома Фомич Мекензи⁵¹⁷ заложил первые четыре каменные постройки будущего города: пристань, часовню, кузницу и свой дом⁵¹⁸. А двумя месяцами ранее, 8 апреля 1783 года⁵¹⁹ русская императрица Екатерина II Великая подписала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана⁵²⁰ и всей Кубанской стороны под Российскую Державу»⁵²¹. Почти сразу же следует указание капитану второго ранга Ивану Берсеневу обследовать побережье Крыма для поиска места, подходящего для основания военного порта. В том же месяце Берсенев бросает якорь в удобной глубоководной бухте на южном берегу полуострова, недалеко от татарского посёлка Ак-Яр, и рекомендует для постройки военно-морской базы именно её⁵²². Вскоре туда приводит флотилию из девяти фрегатов и нескольких более мелких судов назначенный командующим Черноморским флотом контр-адмирал (как и его отец) Мекензи, и закладывает на месте этого поселения город, который называет Ахтиаром, а бухту – Ахтиарской⁵²³. И, наконец, 10 февраля 1784 года Екатерина II подписывает указ об основании в этом месте военного порта-крепости с адмиралтейством. Будущий город был назван ею Севастополем, что в переводе с греческого языка означало «величественный город», «священный город», а также «императорский город»⁵²⁴. Мекензи трудился не покладая рук: строил госпитали, церкви, каменоломни, жилые дома для офицеров и казармы для матросов и солдат, на выделенных морскому ведомству землях организовал сельскохозяйственные угодья, позволявшие снабжать трудившихся над возведением города людей многими необходимыми продуктами. Часто ради ускорения работ он нарушал некоторые бюрократические предписания, это повлекло за собой обвинения в нецелевом использовании государственных денег, Фома Фомич с возмущением отрицал это и чрезвычайно переживал из-за таких наветов, что, несомненно, сыграло роль в его преждевременной смерти, – можно сказать, на рабочем месте, – в Севастополе 10 января 1786 года⁵²⁵. Но зато, когда годом спустя императрица лично приезжает ознакомиться с ходом работ, новая военно-морская база встречает её сорока кораблями⁵²⁶. Память о первом строителе Севастополя хранится и поныне: горы, вплотную прилегающие сегодня к городу с севера, называются Мекензиевыми. Там находился когда-то хутор, подаренный Фоме Фомичу могущественным фаворитом Екатерины Второй Григорием Потёмкиным⁵²⁷.

⁵¹⁶ По старому стилю.

⁵¹⁷ См. Википедию, статью «Мекензи, Фома Фомич».

⁵¹⁸ См. Википедию, статью «Севастополь».

⁵¹⁹ По старому стилю.

⁵²⁰ Так в манифесте назван Таманский полуостров (см. М.В. Каховский «Краткое примечание о полуострове Таврическом и острове Тамань. Мая 11 дня 1792 года», «Русский архив», 1873, выпуск 3, стр. 606).

⁵²¹ Полное собрания законов Российской Империи. Собрание Первое, СПб., типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830, том XXI, с 1781 по 1783, стр. 897.

⁵²² Э.И. Тоглебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 165.

⁵²³ Интересно, что первые земляные укрепления в этом месте возвёл за пять лет до этого наш знаменитый полководец А.В. Суворов; он же разместил в них русские войска (см. Википедию, статью «Севастополь»).

⁵²⁴ «Сева́стос» (Σεβαστός) по-гречески означает «высокопочтимый, священный», а «полис» (πόλις) – «город»; кроме того, «севастос» – это эквивалент латинского титула «Август» (дословно – «божественный», «величественный»), поэтому это название можно ещё перевести и как «августейший город», «императорский город» (см. Википедию, статью «Севастополь»).

⁵²⁵ См. Википедию, статью «Мекензи, Фома Фомич».

⁵²⁶ Э.И. Тоглебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 166.

⁵²⁷ См. Википедию, статью «Мекензиевы горы».

Вид на Севастополь в 50-е годы XIX века (северная сторона – справа, южная – слева)

К моменту высадки союзников в Крыму Севастополь был городом не очень большим: в нём насчитывалось около 45.000 жителей⁵²⁸, главным образом, естественно, военнотружущих и членов их семей. Две широкие главные улицы – Екатерининская и Морская – были покрыты щебнем и простирались с востока на запад в окаймлении красивых добротных зданий. Больше ни одной мощёной улицы в городе, в общем-то, не было, и от центра вверх на холмы совершенно беспорядочно поднимались во все стороны узкие извилистые проулки.

Екатерининская улица получила своё название в 1787 году, в честь визита в Севастополь Екатерины Великой, и носила его в течение 130 лет, пока большевики-коммунисты не «осчастливили» её сначала именем Троцкого, а потом – Ленина⁵²⁹, хотя, в отличие от русской императрицы, эти товарищи никакого отношения к Севастополю не имели. Так до сих пор это нелепое название она и носит. Морской улице повезло больше: к её наименованию лишь прибавилось прилагательное «Большая»⁵³⁰.

---

⁵²⁸ См. Википедию, статью «Севастополь».

⁵²⁹ http://sevdig.sevastopol.ws/gal/gal_old/eketerina.html.

⁵³⁰ См. Википедию, статью «Большая Морская улица (Севастополь)».

Генерал-адъютант (с 1855 года), инженер-генерал (с 1869 года), граф (с 1879 года) Эдуард Иванович (Франц Эдуард Граф⁵³¹ фон) Тотлебен (1818–1884)

Как я уже отмечал, Севастополь с суши был почти не защищён. Несмотря на то, что один из будущих героев обороны города вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов (я ещё расскажу о нём) ещё в 1852 году настаивал на его срочном укреплении на этом направлении, командование ничего не предпринимало. За полгода до высадки французов и англичан в Крыму Корнилов подаёт Меншикову очередной проект, в котором подчёркивается, что офицеры-черноморцы, а также штатские жители города готовы осуществить необходимое строительство за свой счёт, и даже приводятся подписи этих людей⁵³²! Наш главнокомандующий не только отвергает это предложение, но и делает это «с негодованием»⁵³³.

В августе 1854 года командующий русской Дунайской армией генерал Михаил Дмитриевич Горчаков⁵³⁴ направляет к Меншикову 36-летнего военного инженера подполковника Эдуарда Тотлебена, характеризуя того в своём рекомендательном письме как «деятельного, разумного, храброго»⁵³⁵ офицера и особо отмечая его знания в области фортификации. Подозрительный Меншиков тут же видит в молодом человеке шпиона-соглядатая и, прочитав письмо Горчакова, холодно замечает: «В городе стоит сапёрный батальон. Передохните после

---

⁵³¹ Это имя, а не титул.

⁵³² Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 128–129.

⁵³³ Цит. по: *op. cit.*, стр. 129.

⁵³⁴ См. Википедию, статью «Горчаков, Михаил Дмитриевич».

⁵³⁵ Цит. по: Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 19.

дороги и отправляйтесь обратно на Дунай»⁵³⁶. Обескураженный Тотлебен направляется к Корнилову, который в то время занимал должность начальника штаба Черноморского флота, то есть являлся его фактическим командующим, и тот принимает его с распростёртыми объятиями. Наконец-то в городе появляется столь необходимый военный инженер! Вскоре происходит высадка союзников, и молодой подполковник проявит себя с такой блистательной стороны, что даже князь Меншиков, к его чести, высоко оценит результаты труда своего подчинённого. Ведь можно безоговорочно утверждать, что не будь Тотлебена, Севастополь не продержался бы и нескольких дней.

Эдуард Иванович быстро понимает, какая смертельная опасность грозит городу с суши: оборонительные стены прикрывали не более 25 % всей его окружности, а остальное пространство было совершенно открыто⁵³⁷. За месяц до высадки союзников он представляет князю свои соображения относительно срочного укрепления Севастополя, но в ответ слышит, что «крепость не ждёт никаких покушений со стороны крымских татар»⁵³⁸. А ведь Меншиков тогда уже знал о готовящемся десанте, в том числе и от императора Николая Первого⁵³⁹!

И вот 14 сентября⁵⁴⁰ близ Евпатории та самая высадка и начинается. Становится ясно, что угроза городу надвигается с севера. А линия обороны на этом направлении настолько слабая, что моряки называют её «тоненькой стенкой в три обтёсанных кирпичика»⁵⁴¹. Главное укрепление предназначается лишь для шестнадцати (!) лёгких орудий⁵⁴², было построено ещё в 1818 году⁵⁴³, и с тех пор какие-либо существенные работы на нём не производились, всего для защиты Северной стороны было предназначено 198 орудий, тоже в большинстве своём лёгких⁵⁴⁴, но, например, непосредственно на главном укреплении их было... 12⁵⁴⁵!. Более того, ряд укреплений, вопреки логике, находились *под* господствующими высотами и к тому же легко могли быть обойдены противником.

Тотлебен принимается за работу. Счёт остающемуся в его распоряжении времени идёт буквально на часы, особенно после поражения нашей армии на Альме. Враг находился в каких-то тридцати километрах от Северной стороны – это где-то два дня пути! Понимая, что строительство мощных сооружений по всем правилам военно-инженерного искусства просто невозможно, Эдуард Иванович ставит перед собой задачу возвести по обе стороны главного укрепления комплекс полевых артиллерийских батарей, соединив всё двумя рядами траншей, а его самого обновить так, чтобы внешне оно выглядело солидно и устрашающе. То есть в данном случае пустить неприятелю пыль в глаза. Но тут выясняется, что строить нечем: в Севастополе почти нет лопат, кирок, тачек, топоров и всего того, что так необходимо для фортификационных работ. Вы только представьте себе размер бедствия: в городе находятся в исправном состоянии 248 железных лопат, 24 лома, 99 кирок, 15 мотыг и 1.082 мешка⁵⁴⁶! Есть, правда, ещё 123 годные лопаты, но они деревянные⁵⁴⁷, а почва вокруг крепости – камень. Тотлебен немедленно распоряжается наладить производство необходимого инструмента и прежде всего такого как кирка – скорость строительства была превыше всего. Работы же пока начинаются, но идут так

⁵³⁶ Цит. по: там же.

⁵³⁷ Ор. cit., стр. 196.

⁵³⁸ Цит. по: ор. cit., стр. 19.

⁵³⁹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 105.

⁵⁴⁰ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 261.

⁵⁴¹ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 131.

⁵⁴² Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 197.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 131.

⁵⁴⁵ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 29.

⁵⁴⁶ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 194.

⁵⁴⁷ Там же.

медленно, что он понимает: «/.../ они могли быть окончены не ранее как по истечении нескольких месяцев»⁵⁴⁸. А их нет – нет даже нескольких дней! Он почти не спит, постоянно находится на позициях, и люди заражаются его энергией: днём и ночью вгрызаются в грунт малопригодными инструментами, роют землю ножами, носят её в шинелях. И происходит невероятное! 22 сентября⁵⁴⁹, к моменту выхода передовых частей союзников к Северной стороне, их встречает солидно выглядящая линия укреплений, ошетинившаяся многочисленными орудиями. Уильям Рассел пишет: «Рекогносцировка показала, что враг выставил мощные батареи вдоль северо-западной оконечности Севастопольской гавани, рядом с /.../ Северным укреплением, чтобы ослабить и задержать наше наступление с этой стороны»⁵⁵⁰. И невдомёк было и ему, и союзному командованию, что главное укрепление так грозно выглядело лишь внешне (правда, пушки везде стояли самые что ни на есть настоящие!). К тому же разведка у англичан с французами была налажена из рук вон плохо, память о потерях в недавнем сражении свежа, и они решают приостановиться и посоветоваться ещё раз. А пока они совещаются, задумаемся о том, что большую часть этого оборонительного рубежа длиной в несколько километров Тотлебен возвёл практически с нуля за восемь дней (!!!), да ещё и при тех трудностях, которые я только что описал! Это было первое – но далеко не последнее – чудо, совершённое молодым военным инженером в ходе севастопольской эпопеи.

---

⁵⁴⁸ Цит. по: Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 25.

⁵⁴⁹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 132.

⁵⁵⁰ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 296–297.

Севастополь и окрестности (современная карта)

За свои героические действия он будет уже после падения Севастополя назначен генерал-адъютантом, получит звание инженер-генерала, потом будет руководить укреплением наших военных портов на Балтике, с началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов станет главным распорядителем по обороне Черноморского побережья, а потом вообще будет назначен главнокомандующим всей русской армией⁵⁵¹. Эдуард Иванович будет награждён золотой

⁵⁵¹ Здесь и далее биография Э.И. Тотлебена приводится по Википедии, статье «Тотлебен, Эдуард Иванович» – за исключением случаев, оговоренных особо.

саблей с надписью «За храбрость», тринадцатью русскими орденами, включая Святого Георгия 4-й, 3-й и 2-й степеней и Святого апостола Андрея Первозванного, а также пятнадцатью орденами иностранными, в том числе тремя прусскими, двумя сербскими и даже бразильским. В 1879 году он будет возведён в графское достоинство, станет, в частности, генерал-губернатором Одессы, командующим войсками Одесского военного округа, генерал-губернатором Северо-западного края Российской империи.

У Эдуарда Ивановича было 13 детей – трое сыновей и десять дочерей, – причём дочерей он неизменно узнавал только когда видел их всех вместе, а вот порознь – не всегда. Умер он в возрасте 66 лет в Германии и по указанию императора Александра III был похоронен на Братском кладбище Севастополя. Его могила, к счастью, сохранилась до сих пор, хотя в двадцатых годах прошлого века большевики-коммунисты украли с её надгробья серебряные венки⁵⁵², а в 1944 году его бюст расстрелял из пистолета какой-то лейтенант Красной армии⁵⁵³. В 1909 году Тотлебену поставили в Севастополе один из самых красивых памятников в городе, который тоже сохранился. Правда, во время обороны Севастополя в 1941–1942 гг. взрывной волной или снарядом ему отрывает голову⁵⁵⁴. В 1945 году приехавший на конференцию в Ялте премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль выражает пожелание посетить Севастополь (он, между прочим, хочет возложить венки к могиле англичан, погибших в ходе Крымской войны, – но об этом позже), и местные власти решают памятник поправить. Но поскольку оторванную голову найти так и не удаётся, её отпиливают у одного из сапёров, стоящих на его постаменте, и приделывают Тотлебену. Впопыхах никто не обращает внимания на то, что сапёр – в фуражке, а наш знаменитый фортификатор уже держит её в левой руке. После отъезда Черчилля советские реставраторы восстанавливают его исконный – и правильный – вид и, кстати, возвращают голову сапёру. Если будете у этого памятника, подойдите к его левой стороне (если смотреть ему в лицо). Там вы увидите того самого сапёра – со швом на шее.

Память о Тотлебене хранится и в Болгарии: в городе Плевен ему установлен бюст, а в болгарской столице Софии – памятная доска на бульваре, названном его именем. Есть в этой стране даже село Тотлебен.

А мы вернёмся к союзникам. Что же они обсуждают? Вопрос, в общем-то, простой: что делать дальше. Но вот копий при поиске ответа на него оказывается сломано немало, и решение принимается совершенно неправильное. Но обо всём по порядку.

Утром 22 сентября⁵⁵⁵ английский генерал сэр Джон Бэргойн сообщает лорду Раглану о (мнимой) мощности укреплений Северной стороны, а также информирует его о том, что русские загородили своими военными кораблями вход в бухту Севастополя, скрепив их канатами, но оставя всё же проходы между ними и берегами. Бэргойн делает вывод о том, что наземная атака с ходу приведёт к большим потерям и что наш флот не оставил затеи выйти в открытое море и дать бой союзникам. Рекомендация его однозначна: Северную сторону не штурмовать, город обойти, выйти к его южной части и нанести удар оттуда. Британский главнокомандующий, как обычно, решает сам ничего не решать и приказывает Бэргойну доложить обо всём Сент-Арно. А тот, надо сказать, уже длительное время тяжело страдает от рака желудка⁵⁵⁶, причём состояние его здоровья неуклонно ухудшается: он чрезвычайно слаб, уже не может встать с кушетки, и жить ему к этому моменту остаётся всего-то несколько дней.

23 сентября со стороны Севастополя слышатся буханья орудий, и через несколько часов союзники узнают от своих разведчиков, что русские расстреляли и затопили те самые корабли

---

⁵⁵² Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 15.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ См. Википедию, статью «Памятник Э.И.Тотлебену», а также <http://spravka.sevas.com/org/totlebenu-eduardu-ivanovichu-general-lejtenantu-pamyatnik-v-sevastopole>.

⁵⁵⁵ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 132.

⁵⁵⁶ См. Википедию, статью «Jacques Leroy de Saint-Arnaud» (на английском языке).

(об этом драматическом событии я ещё расскажу). Вначале англичан и французов охватывает радость – ещё бы: противник уничтожает собственный флот! – но быстро приходит понимание того, что зато теперь у их флота нет никаких шансов прорваться в севастопольскую гавань. И слабеющий Сент-Арно, выслушав Бэргойна, говорит своим коллегам: «Сэр Джон прав: обойдя Севастополь и напад на него с юга, мы будем иметь все наши средства в нашем распоряжении при посредстве гаваней, которые находятся в этой части Крыма и которых у нас нет с этой [Северной] стороны»⁵⁵⁷. Это был переломный момент Крымской кампании: из короткой победоносной карательной экспедиции она довольно быстро превратится в изнурительную войну.

Решение союзного командования стало подвергаться критике чуть ли не моментально. Услышав о предстоящем манёвре (его назвали фланговым маршем), британский контр-адмирал лорд Эдмунд Лайонс⁵⁵⁸ заявляет лорду Раглану: «Это операция стратегическая, а к стратегическим операциям мы не готовы. Мы пришли сюда за быстрым успехом»⁵⁵⁹. Уильям Рассел пишет: «/.../ фланговый марш стал прологом к затяжной осаде, кровопролитным боям и большим потерям, свидетельством робости и в то же время – безрассудства, которое /.../ явилось отступлением от принципов кампании и вряд ли может быть оправдано с военной точки зрения»⁵⁶⁰.

Уже после войны, Тотлебен скажет тогда уже маршалу Франции Франсуа Канробэру⁵⁶¹ (в сентябре 1854 года он сменил умершего Сент-Арно), что если бы тогда союзники всё же атаковали Северную сторону, то город был бы взят⁵⁶². Ему вторит начальник Севастопольского гарнизона барон Остен-Сакен – тот самый, который в апреле 1854 года командовал оборонной Одессы: «В Севастополе оставался ничтожный гарнизон, и если бы неприятель действовал решительно, то и всей армии было бы недостаточно для защиты Севастополя, вовсе не подготовленного к принятию осады»⁵⁶³. А вот мнение вице-адмирала Корнилова: «Должно быть, Бог не оставил ещё Россию. Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошёл на Севастополь, то легко бы завладел им»⁵⁶⁴. Нахимов выразился ещё хлеще: «Знаете, первая просьба моя к государю по окончании войны – это отпуск за границу; так вот-с, поеду и назову публично ослами и Раглана и Канробера»⁵⁶⁵.

Да-а-а, для защитников города, ожидавших атаки на него буквально с часу на час, всё это казалось просто чудом. А я хочу здесь обратить внимание на следующее. Что только и кого только не винят иностранные историки за тот несомненный ляп – и болезнь Сент-Арно, и нерешительность лорда Раглана, и плохую разведку, и недостаточную принципиальность не согласных с предложенным решением генералов, не ставших до конца отстаивать своё мнение, но давайте вспомним, что в большинстве своём русский солдат сражался при Альме так отчаянно и яростно, что неприятель после своей победы два дня⁵⁶⁶ стоял на поле боя и заливал раны. И вспомним о беспримерном труде таких же русских солдат и моряков, только под Севастополем, которые под руководством молодого военного инженера-немца совершили невозможное. Всё это, как минимум, подтолкнуло противника к роковому для него решению. Разве не так?

⁵⁵⁷ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 132.

⁵⁵⁸ См. Википедию, статью «Лайонс, Эдмунд».

⁵⁵⁹ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 299.

⁵⁶⁰ Цит. по: *op. cit.*, стр. 298–299.

⁵⁶¹ См. Википедию, статью «Канробер, Франсуа».

⁵⁶² Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 33.

⁵⁶³ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 132.

⁵⁶⁴ Цит. по: *op. cit.*, стр. 132–133.

⁵⁶⁵ Цит. по: Э. Бекир-Заде «Адмирал Нахимов», М., «Олимп», 1998, стр. 192.

⁵⁶⁶ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 180.

Но вообще-то во фланговом манёвре союзников своя логика была. Ведь ещё до высадки у Евпатории Сент-Арно и Раглан договорились о нападении на Севастополь именно с юга⁵⁶⁷. О том же наверняка говорил английскому главнокомандующему уже упоминавшийся мною Лоренс Олифант – может быть, единственный иностранец, который тщательно изучил ту местность лично. Кроме того, с южной стороны действительно было несколько бухт (Балаклавская, Камышовая и т. д.), удобных для снабжения войск осаждающих и – что немаловажно – для выгрузки тяжёлой осадной артиллерии. Наконец, атака Северной стороны привела бы к тому, что армия удалилась бы от флота на недопустимое расстояние, а это было очень рискованно⁵⁶⁸. Как бы то ни было, жребий был брошен, и союзники направились в обход.

А что же делает в это время наш главнокомандующий, князь Меншиков? Перед ним стоят, если можно так выразиться, задача-минимум и задача-максимум. Задача-минимум – привести в порядок растрёпанную армию. Её решение достигается без особого труда, и во многом помогает этого добиться... опять же русский солдат (естественно под командованием офицеров). Уже к 24 сентября управляемость войсками была полностью восстановлена, и в их рядах даже появилось нечто вроде обиды за поражение под Альмой⁵⁶⁹. А вот задача-максимум была более сложной.

Князю предстояло решить, что важнее: сохранение армии или спасение Севастополя. И он выбирает первое. Да-да! Меншиков, очевидно, рассуждает так: падение крепости и уничтожение Черноморского флота не обязательно приведёт к потере Крыма, а вот уничтожение армии неизбежно повлечёт за собой и сдачу Севастополя, и сожжение флота, и утрату всего полуострова. А это уже катастрофа: южные границы страны окажутся беззащитными, в войну, глядишь, вступит Австрия, а то и Пруссия, и тогда пиши пропало. Но о чём тогда думал Александр Сергеевич мы, конечно же, никогда не узнаем, поскольку своему окружению он, как известно, не доверял и ни с кем своими планами не делился. И правильно делал: обстановка в его штабе была такова, что все намерения командования тут же выбалтывались, и о предстоящих движениях армии не знал разве что глухой⁵⁷⁰. Так или иначе, утром 24 сентября, Меншиков начинает вывод армии из Севастополя.

Выйдя из города, войска идут через посёлок Инкерман⁵⁷¹, держа курс на север, к Мекензиевым горам, оттуда – ещё дальше на север на Бельбék (сегодня это село Фруктовое⁵⁷² – см. карту выше), потом на северо-запад, ближе к берегу моря, на Качу⁵⁷³ и затем почти точно на восток к Бахчисараю. Часть обоза уходит на юг, к хутору Бракера (сейчас рядом с этим местом находится железнодорожная станция «Севастополь-Товарная»⁵⁷⁴). Выход из города продолжается и на следующий день, с той лишь разницей, что на этот раз движение идёт через Инкерман на северо-восток, в направлении деревни Отár-Кой (сегодня – село Фронтовое⁵⁷⁵). А через несколько дней через Ахтиарскую бухту с Южной стороны на Северную⁵⁷⁶ переправляются остатки обоза и присоединяются к войскам.

⁵⁶⁷ А. Трубецкой «Крымская война: неизвестная мировая война», СПб., ЗАО «Торгово-издательский дом 'Амфора'», 2014, стр. 296.

⁵⁶⁸ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 186.

⁵⁶⁹ *Op. cit.*, стр. 188.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ См. Википедию, статью «Инкерман».

⁵⁷² См. Википедию, статью «Фруктовое (Севастополь)».

⁵⁷³ См. Википедию, статью «Кача (посёлок)».

⁵⁷⁴ <https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?t=1356884>.

⁵⁷⁵ См. Википедию, статью «Фронтовое (Севастополь)».

⁵⁷⁶ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 189.

Самое удивительное, что 24 сентября, едва ли не минута в минуту⁵⁷⁷, союзники тоже снимаются с места, начиная свой обходной манёвр. Причём противники пересекают ту же местность навстречу, а иногда даже наперерез (!) друг другу, зачастую идут чуть ли не параллельно, двигаясь просто по разные стороны холмов, но имеют об этом представление весьма приблизительное. (Я уже говорил: разведка что у тех, что у других была поставлена отвратительно⁵⁷⁸) Так, например, русская армия направляется к Бельбеку тогда, когда там ещё стоят союзники⁵⁷⁹, а 25 сентября лорд Раглан вообще неожиданно нарывается на нашу пехоту, идущую к Бахчисараю (похоже, что это была часть обоза), и вынужден галопом спасаться под прикрытие своих орудий⁵⁸⁰. Происходит короткая стычка, и англичанам достаются «честные»⁵⁸¹ трофеи: сапоги, рубахи, деньги, шампанское и даже изрядно нагруженный им русский офицер-артиллерист⁵⁸². И это был случай не единичный⁵⁸³: армии противников шли в густом тумане так близко друг к другу, что не встретились по полной разметке просто каким-то чудом! В общем, и смех и грех.

В конце концов Сент-Арно с Рагланом добираются до своей цели, а Меншиков – до своей. И тут выясняется занятная вещь. Посмотрите ещё раз на карту. Англичане с французами стоят теперь южнее Севастополя, в районе Балаклавы, а русская армия – юго-западнее Бахчисарая, причём заняв 26 сентября и Бельбек (Фруктовое) вместе с окружающей его долиной, и Инкерман⁵⁸⁴. Теперь она контролирует всю территорию северо-восточнее и севернее Севастополя и накрепко отрезала союзников от их базы в Евпатории, которая как раз к северу от города и находится. Так что в этой несурзадной игре в жмурки русские, если можно так выразиться, неприятеля «пережмуривают», да ещё и предотвращают полную блокаду крепости. (Это сыграет просто неоценимую роль с точки зрения снабжения города всем необходимым в ходе начавшейся вскоре осады.)

А я пока вернусь на пару дней назад.

Сразу же после поражения на Альме Меншиков назначает Нахимова командующим обороной Южной стороны Севастополя, а Корнилова – Северной. Корнилов спрашивает, что ему делать с флотом. Князь в свойственной ему язвительной манере отвечает: «Засуньте его себе в карман»⁵⁸⁵. Оторопевший адмирал настаивает, но к своему ужасу слышит в ответ: «Вход в бухту загородить, корабли просверлить и изготовить к затоплению, морские орудия снять, а моряков отправить на защиту Севастополя»⁵⁸⁶. (Естественно, приказ касался не всех судов, а лишь устаревших и наименее пригодных для обороны города.) Утром 21 сентября Владимир Алексеевич собирает всех флотских командиров и сообщает им о приказе главнокомандующего. Моряки, естественно, в ужасе: корабли для них и дом родной, и жизнь, и честь. В результате Корнилов вновь отправляется к Меншикову и заявляет, что выйдет всё-таки в море и даст неприятелю последний бой, в котором наш флот, может, и погибнет, но погибнет достойно. Лишённый таких эмоций князь взрывается и бросает адмиралу, что, если тому не угодно повиноваться, он отстраняет его от должности и приказывает отправляться в Николаев (черноморский порт примерно в 740 километрах к западу от Севастополя). Корнилов в отчаянии воскли-

⁵⁷⁷ *Op. cit.*, стр. 183.

⁵⁷⁸ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 151.

⁵⁷⁹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 183 и 188.

⁵⁸⁰ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 301.

⁵⁸¹ Цит. по: там же.

⁵⁸² *Op. cit.*, стр. 301–302.

⁵⁸³ *Op. cit.*, стр. 537–539.

⁵⁸⁴ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 189.

⁵⁸⁵ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 137.

⁵⁸⁶ Цит. по: там же.

цает: «Остановитесь. Это самоубийство... К чему вы меня принуждаете... Но, чтобы я оставил Севастополь, окружённый неприятелем, – невозможно! Я готов повиноваться вам!»⁵⁸⁷

Примерно в четыре часа дня 21 сентября предназначенные для затопления суда начинают выходить на свои последние в жизни боевые позиции. Приговорёнными к смерти оказываются пять линкоров и два фрегата⁵⁸⁸. Весь следующий день с них снимают всё, что может пригодиться при обороне Севастополя, но всю артиллерию перенести на берег всё же не успевают. На рассвете 23 сентября⁵⁸⁹ при большом стечении народа начинается «казнь»: срубаются мачты, звучит команда «Свистать всех наверх», экипажи выстраиваются на палубах, отдавая парусникам последний салют, некоторые матросы держат в руках любимых кошек⁵⁹⁰. У всех на глазах слёзы, люди молятся, многие рыдают как дети. Наконец специально подготовленные группы спускаются вниз и одновременно приступают к прорубанию в днищах отверстий.

Первыми начинают величаво погружаться под воду линейные корабли «Варна»⁵⁹¹ и «Силистрия»⁵⁹² (когда-то им командовал Нахимов⁵⁹³), а также фрегат «Сизополь»⁵⁹⁴. За ними следуют линейные корабли «Уриил»⁵⁹⁵ и «Селафаил»⁵⁹⁶. В 8 часов утра исчезает фрегат «Флора»⁵⁹⁷. И только 120-пушечный линкор «Три Святителя»⁵⁹⁸ – герой Синопского боя, в котором он получил 48 пробоин⁵⁹⁹, но вернулся в родной Севастополь – продолжает бороться за свою жизнь. Он заваливается на правый бок, но ко дну идти отказывается. Тогда отдаётся приказание прекратить мучения заслуженного ветерана, и пароход «Громоносец» выпускает по нему несколько ядер⁶⁰⁰. Гигант начинает медленно скрываться в волнах, напоследок взбурлив над собой море, словно делая последний выдох. Всё кончено.

Но севастопольцы не только молятся да плачут. Они отчаянно работают, пытаются максимально защитить свой город от неминуемых и скорых вражеских атак. Корнилов пишет: «Наш Севастополь готовится к обороне /.../ Пошли [работы] с большим успехом: не только рабочий, но и мужик с охотой работают. /.../ На укреплениях работают без усталости, и они идут с большим успехом»⁶⁰¹. Основной упор делается теперь, естественно, на южное направление. И опять

⁵⁸⁷ *Op. cit.*, стр. 138.

⁵⁸⁸ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 307.

⁵⁸⁹ *Op. cit.*, стр. 308.

⁵⁹⁰ Э. Бекир-Заде «Адмирал Нахимов», М., «Олимп», 1998, стр. 199.

⁵⁹¹ Корабль назван в память о взятии русскими войсками 29 сентября 1828 года этой турецкой крепости на территории Болгарии в ходе войны 1828–1829 гг.; активную роль в той операции сыграл наш флот (см. Википедию, статью «Варна»).

⁵⁹² Корабль назван в память о взятии этой турецкой крепости на Дунае русскими войсками 18 июня 1829 года в ходе войны 1828–1829 гг.; сейчас располагается в Болгарии и называется Силистра (см. Википедию, статью «Силистра»).

⁵⁹³ См. Википедию, статью «Силистрия (линейный корабль)».

⁵⁹⁴ Корабль назван в память о взятии в результате десантной операции турецкой черноморской крепости Созопол русскими войсками 18 февраля 1829 года в ходе войны 1828–1829 гг.; в России это название произносилось как Сизополь; в настоящее время располагается в Болгарии (см. Википедию, статьи «Сизополь /фрегат, 1841/» и «Созопол»).

⁵⁹⁵ Корабль назван в честь одного из восьми православных архангелов; в переводе с иврита это имя означает «свет Божий»; Уриил властвует над небесными светилами (см. Википедию, статьи «Архангел Уриил» и «Архангел»).

⁵⁹⁶ Корабль назван в честь одного из восьми православных архангелов Селафила (хотя назывался он именно «Селафаил», то есть с написанием через две буквы «а»; так же имя корабля написано и в соответствующем донесении Корнилова – см. Википедию, статью «Селафаил /линейный корабль, 1840/», а также Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 138); в переводе с иврита это имя означает «молитва к Богу» или «молитвенник Божий»; Селафиил молится Богу за людей (см. Википедию, статью «Архангел Селафиил»).

⁵⁹⁷ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 308–309.

⁵⁹⁸ Корабль назван в честь живших в IV и V веках н. э. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста – трёх христианских архиепископов, уроженцев Каппадокии (область, в настоящее время находящаяся на востоке Турции, у её границ с Грузией, Арменией и Ираном); внесли большой вклад в разработку многих церковных канонов; иногда их ещё называют «Отцами церкви» и «Святыми отцами» (см. Википедию, статьи «Три святителя /значение/», «Каппадокия», «Турция», «Василий Великий», «Григорий Богослов», «Иоанн Златоуст», «Канон» и «Отцы Церкви»).

⁵⁹⁹ См. Википедию, статью «Три святителя (линейный корабль, 1838)».

⁶⁰⁰ Э. Бекир-Заде «Адмирал Нахимов», М., «Олимп», 1998, стр. 199.

⁶⁰¹ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 129.

подполковник Тотлебен творит чудеса! Когда он приступил к работам по укреплению оборонительных рубежей с юга, там, например, на Малаховом кургане, который являлся ключом к Севастополю, находилось всего пять (!) орудий среднего калибра⁶⁰². В этой связи он потом вспоминал: «Наше положение в Севастополе было критическое; ежеминутно готовились мы встретить штурм вдесятеро сильнейшего неприятеля и по крайней мере умереть с честью, как храбрые воины /.../. Севастополь /.../ с сухопутной стороны не был почти совсем укреплен, так что совершенно был открыт для превосходных сил неприятельской армии. Начертание укреплений и расположение войск поручено мне ген[ерал]-ад[ъютантом] Корниловым. Нам помогает также храбрый адмирал Нахимов, и всё идёт хорошо /.../. Случались дни, когда мы теряли всякую надежду спасти Севастополь, я обрекал себя уже смерти, сердце у меня разрывалось /.../»⁶⁰³.

Тотлебен прекрасно понимает, что и на Южной стороне строить капитальные оборонительные укрепления невозможно: уже в первый день работ, 27 сентября⁶⁰⁴, здесь появляются передовые и пока немногочисленные отряды союзников (это англичане)⁶⁰⁵. Они неприятно удивлены. «Когда мы открывали кампанию, он [Севастополь] виделся нам некой гипсовой декорацией, – пишет Рассел, – которая /.../ обрушится от одного только грома наших пушек»⁶⁰⁶. А теперь на всей протяжённости севастопольского рубежа англичане видят «/.../ массы рабочих, расположенных вокруг города и яростно роящих землю для создания новых оборонительных сооружений, для укрепления старых и образования различного рода препятствий»⁶⁰⁷.

---

⁶⁰² Op. cit., стр. 131.

⁶⁰³ Цит. по: op. cit., стр. 143–144.

⁶⁰⁴ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 202.

⁶⁰⁵ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 325 и 333.

⁶⁰⁶ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 322.

⁶⁰⁷ Цит. по: Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 36.

Начальник штаба Черноморского флота (командующий флотом) вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов (1806–1854)

Батареи, редуты и форты русских растут буквально на глазах, и начинается неистовая гонка со временем, причём с обеих сторон. Эдуард Иванович принимает решение на удивление простое: максимально вписать возводимые укрепления в рельеф, то есть главное – это не их мощь, а их защищённость складками местности. А когда неприятель принимается строить свои сооружения, Тотлебен отвечает как опытный шахматист: против артиллерийской батареи врага – своя батарея, но на более выгодной позиции, против окопа – свой окоп, но с более удобным углом стрельбы. Если нужно – окапываемся, зарываемся в землю, соединяя батареи траншеями, возводя линию фронта. Если нужно – выносим укрепления вперёд, вправо, влево, создаём то, что называется промежуточными позициями, а то и выбиваем неприятеля с уже созданного им укрепления⁶⁰⁸. Получается нечто вроде гибкой, активной обороны. Такого до Тотлебена не применял в фортификации никто: укрепления тогда строились «на века», на все случаи жизни, он же приспособил всё к ситуации совершенно конкретной. На батареях в первую очередь возводятся прикрития для артиллеристов и других солдат, потом там немедленно водружаются орудия, которые могут тут же начинать стрельбу, и лишь потом уже позиции укрепляются окончательно. Работы идут круглосуточно, и в них участвуют чуть ли не все поголовно: войска гарнизона, вольные мастеровые и рабочие, обычные горожане, женщины – жёны и дочери моряков, дети и даже заключённые, большинство из которых для этих целей

---

⁶⁰⁸ Op. cit., стр. 37.

освобождают⁶⁰⁹. Работают в две смены по 12 часов, в каждой смене задействовано от 5 до 6 тысяч человек⁶¹⁰.

29 сентября начинаются взаимные обстрелы – сначала ведётся ружейный огонь, потом подключается артиллерия, включая корабельную⁶¹¹. Тотлебен же с удовлетворением констатирует, что к этому времени «/.../ многие наши батареи были уже готовы и вооружены морскими орудиями большого калибра»⁶¹². А 9 октября работы в основном завершаются. Вы только подумайте: за тринадцать дней на фронте шириной более семи километров⁶¹³ выросла, можно сказать, в чистом поле «внушительных размеров фортификация»⁶¹⁴ (это слова англичан) более чем с двадцатью новыми артиллерийскими батареями, на которых было установлено 341 орудие, то есть почти в два раза больше, чем до начала работ⁶¹⁵, редутами, завалами, волчьими ямами и т. д. И всё это соединено разветвлённой сетью окопов и траншей. Тотлебен во второй раз спасает Севастополь! Корнилов по этому поводу скажет: «В неделю сделали больше, чем прежде делали в год»⁶¹⁶. (Хотя, замечу в скобках, сам Эдуард Иванович качество строительства оценивал весьма критически⁶¹⁷.)

Меншиков приезжает в город 30 сентября и приводит с собой долгожданное подкрепление – чуть более 8.000 человек, а также несколько лёгких орудий⁶¹⁸. Не ахти что, но ведь севастопольский гарнизон поначалу составлял всего 10.000 человек⁶¹⁹, то есть был совершенно ничтожным! Теперь же он постепенно возрастает до 35.000 бойцов⁶²⁰. Однако союзная армия, также получившая подкрепление, насчитывала около 58.000 штыков⁶²¹. Как говорится, почувствуйте разницу.

Вообще с 24 сентября, когда главнокомандующий увёл армию из города, ситуация в нём установилась крайне напряжённая. Корнилов в этой связи писал: «Князь должен дать отчёт России в отдаче города. Если бы он не ушёл бог весть куда, то мы бы отстояли. Если бы я знал, что он способен на такой изменнический поступок, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышел дать сражение двойному числу врагу»⁶²². И ещё: «Что будет – то будет, положили стоять; слава будет, если устоим; если же нет, то князя Меншикова можно назвать изменником и подлецом /.../. Войско кипит отвагой, но всё это может только увеличить резню, но не воспрепятствовать входу неприятеля»⁶²³. Раздражение моряков на Меншикова было таким, что в течение этой недели его приказы практически не принимались во внимание, а солдаты вообще называли «князем Изменщиковым»⁶²⁴. Например, если вы помните, князь не оставил в городе единого командующего. Так вот Нахимов, будучи старше Корнилова и по возрасту, и по выслуге лет, сам восстанавливает единоначалие, заявив, что отныне будет

⁶⁰⁹ Ор. cit., стр. 350–351.

⁶¹⁰ Там же.

⁶¹¹ Ор. cit., стр. 352.

⁶¹² Цит. по: там же.

⁶¹³ Ор. cit., стр. 323.

⁶¹⁴ Цит. по: У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 306.

⁶¹⁵ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 394–395.

⁶¹⁶ Цит. по: С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 117.

⁶¹⁷ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 391–392.

⁶¹⁸ Ор. cit., стр. 354.

⁶¹⁹ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 142.

⁶²⁰ Ор. cit., стр. 147.

⁶²¹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 341.

⁶²² Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 143.

⁶²³ Цит. по: ор. cit., стр. 142.

⁶²⁴ Цит. по: Э. Бекир-Заде «Адмирал Нахимов», М., «Олимп», 1998, стр. 201.

подчиняться приказам Владимира Алексеевича⁶²⁵. (Вообще-то самым старшим по возрасту и выслуге был в Севастополе генерал-лейтенант Фёдор Моллер⁶²⁶, но он совершенно самоустрашился от командования, в связи с чем Нахимов как-то во всеуслышание сказал, что охотно променял бы его на мичмана.⁶²⁷)

А союзники пока облюбовали себе две бухты южнее города: Балаклавскую – англичане, Камышовую – французы. У их берегов каждый устроил себе лагерь и базу снабжения, в них же немедленно начали выгружать всё необходимое для осады и в первую очередь тяжёлую артиллерию.

Наконец, после лихорадочных фортификационных работ, новый командующий французской армией дивизионный генерал Франсуа Канробёр⁶²⁸ (Сент-Арно умирает 29 сентября на борту французского корабля, увозившего его в Турцию⁶²⁹, – к его раку желудка прибавилась ещё и холера⁶³⁰) и лорд Раглан принимают решение о массированном обстреле Севастополя и последующем взятии города атакой пехотных соединений.

Впервые речь об этом заходит 13 октября, когда лорд Раглан приказывает своему флоту поддержать армию с моря в момент «/.../ предприятия решительных действий»⁶³¹. На следующий день союзное командование проводит дополнительную разведку и принимает окончательное решение: бомбардировку начать утром 17 октября, одновременно с суши и с моря, по окончании которой завершить операцию штурмом.

Пришло время познакомить вас с новым главнокомандующим французской армией.

Франсуа Канробер родился в 1809 году в семье, придерживавшейся роялистских убеждений⁶³². В то время его отцу Антуану Канроберу – отставному капитану армии короля Людовика XVI и стойкому приверженцу так называемого Старого, то есть дореволюционного, режима (l'Ancien Régime) – было уже 55 лет. Антуан не принял революцию 1789 года, через три года, после фактического отстранения Людовика от власти, уходит в отставку и потом сражается против революционеров на стороне роялистов. Молодой же Франсуа в возрасте 17 лет поступает в элитное военное заведение Франции – Особую военную школу Сен-Сир⁶³³, которую заканчивает в 1828 году. Через шесть лет его командируют в Алжир, в котором Франция ведёт колониальную войну, где он принимает участие в многочисленных сражениях, получает ранение, а вместе с ним и пятую (низшую) степень самой престижной государственной награды Франции – рыцарский крест ордена Почётного легиона⁶³⁴. Ему 27 лет. Канробер продолжает службу в Алжире вплоть до 1850 года, получает четвёртую (офицер) и третью (командор) степень этого ордена и в звании полковника отзывается в Париж по личному распоряжению пока ещё принца-президента Луи-Наполеона Бонапарта, который быстро производит его в бригадные генералы. Меньше чем через год принц-президент устраивает военный переворот и провозглашает себя императором Наполеоном III. Люди выходят на улицу с протестами, и Канробер приказывает открыть по ним огонь. Погибает около трёхсот парижан, несколько сотен ранены. По стране прокатывается волна репрессий, генерал активно участвует в расследовании дел арестованных, и в результате император назначает его своим адъютантом. В Крым Канро-

---

⁶²⁵ Op.cit., стр. 135.

⁶²⁶ См. Википедию, статью «Моллер, Фёдор Фёдорович».

⁶²⁷ Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 142.

⁶²⁸ Op.cit., стр. 499–500.

⁶²⁹ Op.cit., стр. 307; С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 198.

⁶³⁰ См. Википедию, статью «Леруа де Сент-Арно, Арман Жак Ашиль».

⁶³¹ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 210.

⁶³² Здесь и далее биография Франсуа Канробера приводится по Википедии, статье «François Certain de Canrobert» (на английском языке) – за исключением случаев, оговоренных особо.

⁶³³ См. Википедию, статью «Сен-Сир».

⁶³⁴ См. Википедию, статью «Ordre national de la Légion d'honneur» (на французском языке).

бер отбывает с секретным указанием Наполеона III сменить в случае смерти больного маршала Сент-Арно – что тот и делает. На посту главнокомандующего он, правда, особыми успехами похвалиться не сможет, заработает репутацию перестраховщика и в мае 1855 года, по приказу из Парижа, сдаст свою должность дивизионному генералу Эмблю Пелисье. Но французский император будет добр к нему: присвоит звание маршала, будет держать вблизи себя и поручать командование крупными воинскими соединениями. В ходе франко-прусской войны 1870 года он попадёт в плен, после освобождения станет сенатором и умрёт в 1895 году в возрасте 85 лет. Канробер – вежливый, сдержанный человек – без сомнения, был опытным и профессиональным военным, во время Крымской войны не раз выручал англичан, а в Инкерманском сражении, о котором я ещё расскажу, вообще спас их от разгрома, но авторитета Сент-Арно не имел.

Дивизионный генерал (с 1856 года – маршал Франции) Франсуа Марселен Сертен де Канробер (1809–1895)

Севастопольцам же до перемен во французском командовании, по большому счёту, дела нет. Они знают: кто бы ни руководил союзниками, бомбардировка и штурм неизбежны. И ждут их со дня на день. 15 сентября Корнилов обращается к войскам: «Товарищи, на нас лежит честь защиты Севастополя, защиты родного нам флота! Будем драться до последнего! Отступить нам некуда, сзади нас море. Всем начальникам частей я запрещаю бить отбой, барабанщики должны забыть этот бой! Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите, братцы, такого начальника, заколите и барабанщика, который осмелится бить позорный отбой! Товарищи, если бы я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот из вас будет подлец, кто не убьёт меня!»⁶³⁵ Интересно, что в это время в крепости присутствует главнокомандующий, но «/.../ князь Меншиков ничего не хочет делать, с солдатом не здоровается, раненых не посещает, говорит, что армия наша ‘дрянь’ и с нею ни на что решиться нельзя /.../»⁶³⁶. Конечно, указанная характеристика едва ли касается именно того момента, но она очень точно отражает настрой главнокомандующего. Разве можно ожидать от него речи перед армией, которую он чуть ли не поголовно презирает, и люди знают об этом?!

17 октября с рассветом передовые русские посты сообщают, что со стороны французских окопов слышится шум, на позициях наблюдается повышенная активность, а как только на высотах более или менее рассеивается туман, становится видно, что их артиллеристы начинают открывать в брустверах⁶³⁷ батарей амбразуры, в которых тут же появляются стволы орудий. Всем становится ясно: сейчас начнётся.

В половине седьмого утра с французских позиций в сторону города с короткими интервалами выпускаются три бомбы – это сигнал к началу бомбардировки⁶³⁸. И тут же 120 орудий союзников, расположенные на 15 батареях⁶³⁹, выплёвывают на наши оборонительные укрепления первую порцию смертоносного огня. Русским артиллеристам есть чем ответить: в их распоряжении орудий почти столько же, и немедленно следует ответный залп. Погода весь этот день будет стоять тихая и ясная, на море будет штиль, но вокруг Севастополя быстро установится суший ад, и бал начнёт править смерть. «/.../ Застонала земля, задрожали окрестные горы /.../. Бомбы, калёные ядра, картечи /.../ сыпались градом, /.../ всё это сливалось в страшный и дикий гул, нельзя было различить выстрелов, было слышно только одно дикое и ужасающее клокотание; земля, казалось, шаталась под тяжестью сражающихся»⁶⁴⁰.

Следует отметить, что мощность и расположение артиллерийских позиций французов и англичан сильно различались, так что бившаяся с ними русская артиллерия имела перед собой разных противников. У французов орудий было меньше, чем у противостоящих им наших батарей – 49 против 64⁶⁴¹, а с точки зрения калибра и дальности пушек силы были примерно равны. Кроме того, неприятель неудачно расположил свои батареи, сгрудив их практически в одной точке, что в конце концов и привело к печальному для них исходу. Соотношение же сил с англичанами было совсем не в нашу пользу. Во-первых, орудий у них было больше – 71 против наших 54⁶⁴². Во-вторых, мощность а, следовательно, и дальность их артиллерии превышали русскую, и, кроме того, у них было значительно больше мортир, то есть орудий,

⁶³⁵ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 154–155.

⁶³⁶ Цит. по: С.В. Ченнык «Награды героев Крымской войны», М., ООО «Принципиум», 2017, стр. 117.

⁶³⁷ Что такое бруствер, объясняется в примечании № 327.

⁶³⁸ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 212.

⁶³⁹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 419 и 423; С.В. Ченнык приводит иное количество орудий – 144 (см. С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 212).

⁶⁴⁰ Цит. по: С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 212–213.

⁶⁴¹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 419.

⁶⁴² Op. cit., стр. 423.

стреляющих навесом. И, наконец, в-третьих, они настолько удачно расположили свои батареи на местности, что могли обстреливать наши и в лоб, и с флангов, а навесной огонь вести ещё и по тыловым позициям. Так что на этом направлении русским артиллеристам пришлось очень туго.

Надо заметить, что со стороны севастопольцев в этой смертоносной дуэли участвовали почти исключительно моряки. Их выучка, опыт и боевой дух были, кстати говоря, на порядок выше, чем у их сухопутных коллег. Матросы чувствовали себя на возведённых Тотлебенем позициях словно на палубе, тем более что стреляли они из орудий, снятых с затопленных и других кораблей. Командовали ими их же офицеры, а ведь на флоте офицер действительно являлся отцом и авторитетом для своих подчинённых – иначе и быть не могло при службе на таком ограниченном пространстве, каким представляет собой любое, даже очень большое судно. Здесь, как говорится, все у всех на виду, и отношения между людьми ближе и неформальнее. Большинство моряков уже бывали в бою, участвовали в Синопском сражении и регулярно вели учебные стрельбы под руководством тех же Корнилова и Нахимова. Наконец, эти люди защищали *свой* город – город, в котором они жили, где жили их семьи и друзья.

Среди них один из самых известных – матрос Кошка. Об этом поистину героическом человеке знают у нас все, поэтому здесь смысла о нём рассказывать нет. Но пару слов я всё же скажу. Во-первых, звали его Петром Марковичем и был он украинцем: родился в селе Омётинцы⁶⁴³, примерно в семидесяти пяти километрах к юго-востоку от Винницы. Среди множества его отчаянных подвигов, есть, по преданию, один, который превратился в поговорку, и дело якобы было так.

Во время первой бомбардировки Севастополя рядом с Корниловым упала вражеская бомба, Кошка схватил её и успел до взрыва бросить в котёл с кашей. Фитиль, естественно погас, и адмирал поблагодарил матроса. А тот ответил: «Доброе слово и Кошке приятно»⁶⁴⁴. Так что правильное в известной русской поговорке слово «кошка» было бы писать с большой буквы.

Как только начинается обстрел, Корнилов вскакивает на своего гнедого с белой гривой коня⁶⁴⁵ и пулей несётся туда, где особенно жарко – в центр, на четвёртый бастион⁶⁴⁶, по которому бьют и французские, и английские орудия. Флаг-офицер Корнилова, то есть его адъютант⁶⁴⁷, капитан-лейтенант (и будущий генерал-лейтенант) Александр Жандр⁶⁴⁸ вспоминал: «Когда мы взошли на /.../ бастион/.../, канонада была уже в полном разгаре, воздух сгустился, сквозь дым солнце казалось бледным месяцем, и Севастополь был опоясан двумя огненными линиями: одну составляли наши укрепления, другая посылала нам смерть»⁶⁴⁹. А вот как другой очевидец описывает в тот момент Корнилова: «Спокойно и строго было выражение его лица; лёгкая улыбка едва заметно играла на его устах; глаза, эти удивительные, умные и пронзительные глаза светились ярче обыкновенного, щёки пылали. Высоко держал он голову, сухощавый и несколько согнутый стан его выпрямился, он весь как будто сделался выше ростом. Я никогда не видел человека прекраснее его в эти минуты»⁶⁵⁰. С четвёртого бастиона вице-адмирал едет правее, на пятый – к Нахимову. Едет верхом, под ураганным огнём, на перепуганной, опирающейся лошади.

⁶⁴³ См. Википедию, статью «Ометинцы».

⁶⁴⁴ См. Википедию, статью «Кошка, Пётр Маркович».

⁶⁴⁵ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 216.

⁶⁴⁶ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 401.

⁶⁴⁷ См. Википедию, статью «Флаг-офицер».

⁶⁴⁸ См. Википедию, статью «Жандр, Александр Павлович».

⁶⁴⁹ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКМО», 2003, т. 2, стр. 155.

⁶⁵⁰ Цит. по: там же.

Тут Нахимов «/.../ распоряжался /.../ как на корабле: здесь, как и там, он был в сюртуке с эполетами, отличавшими его от других во время осады»⁶⁵¹. Нахимов был легко ранен осколком⁶⁵² в голову, но «/.../ с окровавленным лицом, /.../ в порыве геройского увлечения сам направлял орудия, открыто становясь в амбразуры»⁶⁵³. «Разговаривая с Павлом Степановичем, Корнилов взошёл на банкет⁶⁵⁴ /.../ бастиона, и оттуда они долго следили за повреждениями, наносимыми врагам нашей артиллерией, – вспоминает Жандр. – Ядра свистели около, обдавая нас землёй и кровью убитых, бомбы лопались вокруг, поражая прислугу орудий»⁶⁵⁵. В этот момент к Нахимову подъезжает один из адъютантов Николая I и говорит, что император в письме Меншикову велел передать ему личный поклон. Адмирал взрывается: «Милостивый государь-с! Вы опять с поклоном-с, благодарю вас покорно-с. Я от первого поклона был целый день болен-с, не надобно нам поклонов-с, попросите нам плеть. Плеть-с пожалуйста, милостивый государь, у нас порядка нет...». – «Вы ранены?» – спрашивают его. – «Слишком мало-с, слишком мало-с...», – отвечает Павел Степанович⁶⁵⁶.

С пятого бастиона Корнилов, забрызганный кровью и глиной, скачет ещё правее – на шестой, после чего примерно к половине девятого утра⁶⁵⁷ отправляется в город к себе на квартиру, где его ждёт Меншиков. Адмирал кратко информирует главнокомандующего о ситуации, отмечая, что огонь противника утихает. После этого Владимир Алексеевич провожает князя до Екатерининской бухты в центре города, тот перебирается на Северную сторону и Севастополь покидает. А Корнилов летит на третий бастион, слева от четвёртого: тому сильно достаётся от артиллерии англичан.

Но почему всё-таки вдруг ослабевает неприятельский обстрел? Да потому что наши моряки-артиллеристы разделяют французов в этой адской дуэли просто под орех – и чем дальше, тем больше! Примерно в половине десятого утра попаданием нашей бомбы вдребезги разносит пороховой склад на одной из их батарей. Чудовищный взрыв разом убивает и ранит около сотни человек⁶⁵⁸. Через час после первого взрыва следует второй, в результате чего в половине одиннадцатого утра французские батареи «принуждены были совершенно замолчать»⁶⁵⁹.

---

⁶⁵¹ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 156.

⁶⁵² С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 214.

⁶⁵³ Цит. по: Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 401.

⁶⁵⁴ В данном случае – насыпь с внутренней стороны бруствера, для размещения на ней стрелков (см. Википедию, статью «Банкет /фортификация/»).

⁶⁵⁵ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 156.

⁶⁵⁶ Цит. по: Э. Бекир-Заде «Адмирал Нахимов», М., «Олимп», 1998, стр. 208.

⁶⁵⁷ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 214.

⁶⁵⁸ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 318.

⁶⁵⁹ Цит. по: Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 420.

У англичан дела обстоят намного лучше. Тотлебен, прибывший на наш третий бастион (британцы окрестили его Большим реданом), «нашёл его в критическом положении: несколько орудий на нём были подбиты, а многие амбразуры засыпаны. Но и здесь, как везде, матросы и сапёры соперничали между собой в усердии и самоотвержении»⁶⁶⁰. Разрушения заделывались тут же, прямо под ураганным огнём.

А между тем, начиная с десяти часов утра с севера, со стороны Качи, и с юга, от Камышовой бухты, к Севастополю начинает приближаться союзный флот. Примерно в 12:30 он полукругом занимает боевые позиции перед нашими береговыми батареями: слева, напротив и справа от входа в перегороженную затопленными кораблями Ахтиарскую бухту. В первой линии встают французы, за ними выстраиваются англичане с турками⁶⁶¹, всего – 52 борта⁶⁶². Перед флотом стоит задача, в общем-то, вспомогательная: подвергнуть город обстрелу как бы с тыла, нанести его береговым укреплением максимальный урон и, самое главное, отвлечь своим огнём силы обороняющихся с тем, чтобы они не смогли сосредоточиться на отражении общего – и главного – штурма после массированной бомбардировки со всех сторон⁶⁶³. Канонада с моря начинается в 12–45⁶⁶⁴, французские корабли стоят справа, англичане образуют левый фланг, турки выстраиваются во второй линии. И тут же активизируется артиллерийский огонь с суши.

Страшно даже себе представить, что творилось вокруг. На море, как вы помните, был штиль, и противники мгновенно оказываются скрытыми друг от друга плотной завесой порохового дыма. Очевидец всего этого вспоминал: «В час пополудни подвинулся к укреплениям и неприятельский флот и открыл по нам страшную пальбу. Закипел бой ужасный /.../, закотало море, вообразите только, что из тысячи орудий с неприятельских кораблей, пароходов и сухопутных батарей, а в то же время и с наших батарей разразился адский огонь. /.../ И этот свирепый бой не умолкал ни на минуту, продолжался ровно 12 часов и прекратился лишь когда совершенно смерклось. Мужество наших артиллеристов было невыразимо. Они, видимо, не дорожили жизнью»⁶⁶⁵.

⁶⁶⁰ Цит. по: op. cit., стр. 405.

⁶⁶¹ Op. cit., стр. 404.

⁶⁶² У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 546.

⁶⁶³ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 426.

⁶⁶⁴ У.Х. Рассел «Британская экспедиция в Крым», М., издательство «Принципиум», 2014, т. 1, стр. 319.

⁶⁶⁵ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 162.

Преимущество союзного флота было просто колоссальным. Их корабли несли 1.492 орудия, которым наши артиллеристы могли противопоставить лишь 73⁶⁶⁶! Так что даже если учесть, что их суда могли, естественно, стрелять только одним бортом, то всё равно получается 746 против 73, то есть более чем десятикратный перевес!!! Специалисты могут также заметить, что по понятиям того времени одно береговое орудие по своей эффективности приравнивалось к трём-четырёх корабельным⁶⁶⁷ (ведь целиться им было намного удобнее, чем качающимся на волнах судам). Допустим. Но и тогда преимущество у союзников оказывается по самым невыгодным для нас подсчётам в 2,5 раза. Более того, русские батареи были в первую очередь предназначены для того, чтобы не дать неприятелю ворваться в Ахтиарскую бухту, то есть держать под перекрёстным огнём её. Многие орудия поэтому просто не могли быть повернуты в сторону моря, в то время как неприятельский флот свободно маневрировал и подходил к нашим укреплениям так, чтобы ему стрелять было удобно, а нам – нет. Это привело у нас к существенным, хотя и некритичным, потерям и разрушениям, в том числе, например, на Константиновской батарее, которая стояла на Северной стороне и сражалась с англичанами. Она, например, была вооружена 94 орудиями, то есть, вроде бы, мощно, но 83 из них как раз и были предназначены для стрельбы по близлежащим водам да по бухте, так что оставшиеся одиннадцать⁶⁶⁸ должны были отбиваться от английских 259 (если считать только один борт)⁶⁶⁹.

Корнилов же между тем направляется на Малахов курган – к сердцу, как его называли, обороны Севастополя. Здесь командует контр-адмирал Истомин. Он один из четырёх героев севастопольской эпопеи (троих из них я уже упомянул: вице-адмирала Корнилова, вице-адмирала Нахимова и подполковника Тотлебена), о заслугах которого перед Отечеством должен знать каждый уважающий себя гражданин нашей страны.

Владимир Иванович родился в семье, скажем так, не очень морской⁶⁷⁰. Его отец служил, правда, одно время на одном из русских учебных фрегатов, но большую часть своей жизни провёл на суше. А вот все его пятеро сыновей стали моряками, причём трое адмиралами (всего в семье было семеро детей)⁶⁷¹. Владимир был четвёртым ребёнком и, кстати говоря, при крещении был назван Владиславом, и именовался так во всех официальных документах вплоть до 1830 года. В 1823 году, в возрасте тринадцати лет, он поступает в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, по окончании которого получает своё первое звание – гардемарин. В возрасте семнадцати лет он участвует в знаменитом Наваринском сражении, в котором объединённая российско-англо-французская эскадра разгромила турецко-египетский флот⁶⁷². За храбрость в том бою юного гардемарина производят в мичманы. В 1837 году он, уже в чине лейтенанта, служит на пароходе «Северная звезда», на котором осуществляет плавание по Чёрному морю Николай I, а с 1845 по 1850 год поступает в распоряжение выдающегося государственного деятеля, русского наместника на Кавказе князя Михаила Семёновича Воронцова (того самого, которого Пушкин так глупо и несправедливо назвал «полу-невеждой» и «полу-подлецом»). Здесь Истомин сражается с моря с горцами и получает звание капитана II ранга. В 1850 году он, будучи уже капитаном I ранга, получает под своё командование 120-пушечный линейный корабль-красавец «Париж»⁶⁷³ (его даже нарисовал известный русский художник

⁶⁶⁶ Op. cit., стр. 412–413.

⁶⁶⁷ В. Рокот (В.В. Ружейников) «Князь Русской Америки. Д.П. Максудов», М., издательство «Центрполиграф», 2007, стр. 97.

⁶⁶⁸ С.В. Ченнык «Крымская война», Севастополь, издательство «Гала», 2016, стр. 218.

⁶⁶⁹ Э.И. Тотлебен «Описание обороны Севастополя», М., ООО «Принципиум», 2017, часть I, книга I, стр. 413.

⁶⁷⁰ Здесь и далее биография В.И. Истомина приводится по Википедии, статье «Истомин, Владимир Иванович» – за исключением случаев, оговоренных особо.

⁶⁷¹ См. Википедию, статью «Истомин, Иван Андреевич».

⁶⁷² См. Википедию, статью «Наваринское сражение».

⁶⁷³ См. Википедию, статью «Париж (линейный корабль, 1849)».

Иван Константинович Айвазовский) и сражается на нём с турками в Синопском сражении, за что производится в контр-адмиралы.

С началом боёв за Севастополь Истомин назначается начальником так называемой 4-й дистанции оборонительной линии, ключом которой является Малахов курган. С первых же минут бомбардировки он оказывается под ураганным артиллерийским обстрелом. Подъехавший сюда – верхом! – Корнилов встречается дружным «ура!». «Будем кричать ‘ура’ тогда / .../, когда собьём английские батареи, – останавливает моряков Владимир Алексеевич и, показав на прекратившие огонь французские позиции, добавляет. – А теперь покамест только эти замолчали»⁶⁷⁴

---

⁶⁷⁴ Цит. по: Е.В. Тарле «Крымская война», М., издательство «ЭКСМО», 2003, т. 2, стр. 158.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.